

ISSN 2307-2539

№3 (19) • 2017

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2017

Главный редактор:

А.А. Тишкин, д-р ист. наук, профессор

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора),
д-р ист. наук, доцент;
С.П. Грушин, д-р ист. наук, доцент;
Н.Н. Крадин, д-р ист. наук, чл.-кор. РАН;
А.И. Кривошапкин, д-р ист. наук, профессор;
А.Л. Кунгуров, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Папин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
Н.Н. Серёгин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
С.С. Тур, канд. ист. наук;
А.В. Харинский, д-р ист. наук, профессор;
Ю.С. Худяков, д-р ист. наук, профессор

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель), д-р ист. наук,
профессор (Россия);
Д.Д. Андерсон, Ph.D., профессор
(Великобритания);
А. Бейсенов, канд. ист. наук (Казахстан);
У. Бросседер, Ph.D. (Германия);
А.П. Деревянко, д-р ист. наук, профессор,
академик РАН (Россия);
Е.Г. Дэвлет, д-р ист. наук (Россия);
И. Фодор, д-р археологии, профессор
(Венгрия);
И.В. Ковтун, д-р ист. наук (Россия);
Л.С. Марсадалов, д-р культурологии (Россия);
Д.Г. Савинов, д-р ист. наук, профессор
(Россия);
А.Г. Ситдиков, д-р ист. наук (Россия);
Т. Шу, профессор (Япония);
Л. Чжан, Ph.D., профессор (Китай);
Т.А. Чикишева, д-р ист. наук (Россия);
М.В. Шуньков, д-р ист. наук, чл.-кор. РАН
(Россия);
Д. Эрдэнэбаатар, канд. ист. наук, профессор
(Монголия)

Адрес: 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61,
каб. 211, телефон: 8 (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

Журнал основан в 2005 г.
С 2016 г. выходит 4 раза в год

Учредителем издания является
Алтайский государственный
университет

Утвержден к печати Объединенным
научно-техническим советом АГУ

Все права защищены.
Ни одна из частей журнала либо
издание в целом не могут быть
перепечатаны без письменного
разрешения авторов или издателя

Печатное издание «Теория и практи-
ка археологических исследований»
© Алтайский государственный уни-
верситет, 2005–2017.
Зарегистрировано Комитетом РФ
по печати. Свидетельство
о регистрации ПИ №ФС 77-65056.
Дата регистрации 10.03.2016.

ISSN 2307-2539

№3 (19) • 2017

**THEORY AND PRACTICE
OF ARCHAEOLOGICAL
RESEARCH**

Barnaul

Altai State
University Press
2017

Editor in Chief:

A.A. Tishkin, Doctor of History, Professor

Editorial Staff:

V.V. Gorbunov (Deputy Editor in Chief),
Doctor of History, Associate Professor;
S.P. Grushin, Doctor of History, Associate Professor;
N.N. Kradin, Doctor of History, Corresponding
Member, Russian Academy of Sciences;
A.I. Krivoshekin, Doctor of History, Professor;
A.L. Kungurov, Candidate of History;
D.V. Papin (Assistant Editor), Candidate of History;
N.N. Seregin (Assistant Editor), Candidate
of History;
S.S. Tur, Candidate of History;
A.V. Kharinsky, Doctor of History, Professor;
J.S. Khudyakov, Doctor of History, Professor

Associate Editors:

J.F. Kiryushin (Chairperson), Doctor of History,
Professor (Russia);
D.D. Anderson, Ph.D., Professor (Great Britain);
A. Beisenov, Candidate of History (Kazakhstan);
U. Brosseder, Ph.D. (Germany);
A.P. Derevianko, Doctor of History Academician,
Russian Academy of Science (Russia);
E.G. Devlet, Doctor of History (Russia);
I. Fodor, Doctor of Archaeology,
Professor (Hungary);
I.V. Kovtun, Doctor of History (Russia);
L.S. Marsadolov, Doctor of Culturology (Russia);
D.G. Savinov, Doctor of History (Russia);
A.G. Sitdikov, Doctor of History (Russia);
T. Shu, Professor (Japan);
L. Zhang, Ph.D., Professor (China);
T.A. Chikisheva, Doctor of History (Russia);
M.V. Shunkov, Doctor of History, Corresponding
Member, Russian Academy of Sciences (Russia);
D. Erdenebaatar, Candidate of History,
Professor (Mongolia)

Address: office 211, Lenin av., 61, Barnaul,
656049, Russia, tel.: (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

The journal was founded in 2005.
Since 2016 the journal has been
published 4 times a year.

The founder of the journal
is Altai State University

Approved for publication by
the Joint Scientific and Technical
Council of Altai State University

All rights reserved.
No publication in whole or in part
may be reproduced without the
written permission of the authors or
the publisher

Print Edition of "The Theory and Prac-
tice of Archaeological Research"

© Altai State University, 2005–2017.

Registered with the RF Committee
on Printing. Registration certificate
PI №FS 77-65056. Registration date
10.03.2016.

СОДЕРЖАНИЕ

ОРУЖИЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(к юбилею Ю.С. Худякова)

<i>Акматов К.Т., Табалдиев К.Ш.</i> Комплекс вооружения кочевников Тянь-Шаня в монгольское время (по археологическим данным)	7
<i>Бобров Л.А., Ожередов Ю.И.</i> Еще раз о «сузунском» шлеме	21
<i>Илюшин Б.А.</i> Особенности оружейных комплексов европейских и сибирских групп служивых татар Московского государства XVI–XVII вв.	37
<i>Мясников В.Ю., Ярославцева Л.Г.</i> Три средневековых клинка из коллекции Национального музея Республики Бурятия	57
<i>Пастухов А.М.</i> К типологии рукоятей китайского клинкового оружия – «пистолетная» рукоять как датирующий признак	69
<i>Сальников А.В.</i> К вопросу об атрибуции некоторых шлемов Северного Кавказа XII–XVI вв.	91

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Бобров Л.А., Горбунов В.В., Тишкин А.А.</i> Юлий Сергеевич Худяков – основатель сибирской оружиеведческой школы	107
--	-----

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Марсадолов Л.С., Миколайчук Е.А., Гавриленко Л.С., Панкова С.В.</i> Новые исследования тканей из кургана Аржан-1 в Туве	119
<i>Медведев В.Е., Филатова И.В.</i> Минеральный состав керамики малышевской неолитической культуры (Нижнее Приамурье)	150

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Бейсенов А.З., Бедельбаева М.В.</i> Из истории изучения памятников Бетпақдалы	164
<i>Список сокращений</i>	187
<i>Сведения об авторах</i>	188

CONTENTS

WEAPONS RESEARCH (to the jubilee of Ju.S. Khudiakov)

<i>Akmatov K.T., Tabaldiev K.Sh.</i> The Complex of Arms of the Tien Shan Nomads in the Mongol Epoch (a case study of archaeological materials)	7
<i>Bobrov L.A., Ozheredov Yu.I.</i> Once Again about the “Suzun” Helmet	21
<i>Ilushin B.A.</i> The Features of the Weapons Complexes of the European and Siberian Groups of Tatar Servicemen of the Moscow State in the 16 th – 17 th Centuries	37
<i>Myasnikov V.Yu., Yaroslavtseva L.G.</i> Three Medieval Blades from the Collection of National Museum of the Republic of Buryatia	57
<i>Pastukhov A.M.</i> Regarding the Typology of Hilts of Chinese Edged Weapons – the “Pistol” Grip as the Dating Characteristics	69
<i>Salnikov A.V.</i> To the Question of Attribution of Some of the Helmets of the North Caucasus in the 12 th – 16 th Centuries	91

PERSONNEL

<i>Bobrov L.A., Gorbunov V.V., Tishkin A.A.</i> Yuliy Sergeevich Khudyakov – Founder of the Siberian Arms Researching School	107
--	-----

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Marsadolov L.S., Mikolajczuk E.A., Gavrilenko L.S., Pankov S.V.</i> A New Study of Textile Fragments from Arzhan-1 in Tuva	119
<i>Medvedev V.E., Filatova I.V.</i> Mineral Structure of Ceramics of Malyshevskaya Neolithic Culture (Lower Amur Region)	150

HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL DISCOVERY AND RESEARCH

<i>Beisenov A.Z., Bedelbaeva M.V.</i> From the History of the Studies of Betpakdala Monuments	164
<i>Abbreviations</i>	187
<i>Authors</i>	188

ОРУЖИЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (к юбилею Ю.С. Худякова)

УДК 903.22

К.Т. Акматов¹, К.Ш. Табалдиев²

¹Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия;

²Кыргызско-Турецкий университет Манас, Бишкек, Кыргызстан

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ ТЯНЬ-ШАНЯ В МОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ (по археологическим данным)*

В статье на основе вещественных находок из погребений и случайных сборов, с учетом данных изобразительных источников, впервые характеризуется комплекс вооружения кочевников Тянь-Шаня монгольского времени и реконструируется облик легковооруженного воина. Отмечается сравнительно слабая представительность в памятниках региона предметов вооружения. Характеризуется их состав и условия нахождения в погребениях. Делается вывод о том, что основная часть войск кочевников Тянь-Шаня в монгольское время состояла из легковооруженных всадников, главным оружием которых были лук и стрелы, боевые ножи, кинжалы. Применялись сложно-составные луки трех типов, бронебойные, небронебойные и универсальные наконечники стрел. Наиболее часто использовались плоские наконечники, особенно ассиметрично-ромбической формы. Часть воинов могла обладать длинным клинком, прежде всего саблей, и (или) булавой, и (или) боевым топором. Судя по данным изобразительных источников и находкам деталей клинковых портупей, сабля была популярным средством ближнего боя. Из средств защитного вооружения кочевниками региона применялись ламеллярный панцирь, кольчуга и мягкие доспехи из войлока, кожи и т.д. Предполагается, что рядовые войска в силу доступности чаще использовали мягкие доспехи, чем металлические средства защиты. Основным результатом исследования явилась реконструкция облика легковооруженного воина.

Ключевые слова: монгольское время, Тянь-Шань, погребения, предметы вооружения, снаряжение воина, реконструкция легковооруженного воина.

DOI: 10.14258/tpai(2017)3(19).-01

Предметы вооружения и снаряжения воинов из погребений Тянь-Шаня монгольского времени представлены остатками луков и стрел, налучьем, колчанами, ножами, кинжалами, панцирными пластинами и фрагментом кольчуги [Табалдиев, 1994; Anke et al., 1997, pp. 513–570; Акматов, 2017, с. 42–90]. В полевом отчете А.К. Кибирова [1954, с. 84–92] о раскопках погребений Центрального Тянь-Шаня рассматриваемого времени упоминается «прямой железный меч». Кроме того, из числа случайных находок в Чуйской и Таласской долинах к периоду развитого Средневековья относятся два наверху булавы и два топора [Камышев, 2004, рис. 1–3; Худяков и др., 2014, с. 197–208]. Весь этот материал представляет собой вполне репрезентативные источники для характеристики комплекса вооружения населения Тянь-Шаня в монгольское время и реконструкции облика воина, попытка чего предпринимается в настоящей статье.

Предметы вооружения, за исключением ножей и кинжалов, обнаружены только в мужских погребениях** с рядовым сопроводительным инвентарем. Абсолютное большинство находок представляют предметы и снаряжение дистанционного оружия: на-

* Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект №1.4539.2017/8.9).

** О погребениях Тянь-Шаня монгольского времени более подробно см.: [Акматов, 2017, с. 16–41].

конечники стрел (62 экз.), луки (5 экз.) и колчаны (4 экз.) (рис. 1–3). Расположение их в погребениях разнообразно: на правом или левом боку умершего. В двух случаях садачный набор, состоявший из наконечников стрел, лука и налучья, зафиксирован над скелетом погребенного. Полный набор оружия и снаряжение дистанционного боя – довольно редкая находка. Кроме отмеченных случаев, наконечники стрел, вложенные в берестяной колчан, и роговая накладка на лук были обнаружены лишь в одном погребении.

Состав предметов вооружения в погребениях разнообразен. Наиболее часто встречаются железные наконечники стрел или сочетание наконечников стрел и ножей. Реже отмечены наконечники стрел, лук и нож. В остальных случаях находки отдельных предметов вооружения и их разное сочетание представляют единичные случаи. Наиболее богатый набор предметов вооружения отмечен в погребениях могильника Боз-Адыр (костяные орнаментированные накладки на колчан, наконечники стрел и панцирные пластины) и Кара-Булуи (костяные и железные наконечники стрел, берестяной колчан и железный меч).

Количество погребений, где было обнаружено оружие, по нашим данным, составляет 27 из более 100 раскопанных курганов Тянь-Шаня рассматриваемого времени.

Судя по находкам, основным видом оружия кочевников Тянь-Шаня в монгольское время служили луки и стрелы [Акматов, 2017, с. 42–57]. По своей структуре луки были сложносоставными. Их основу составляло дерево, на которое с помощью специального клея наклеивались слои сухожилий. В большинстве случаев на кибить крепились роговая накладка весловидной или удлиненно-прямоугольной формы, служившая для усиления рефлекторной силы лука и для укрепления мест соединения деревянных частей кибиты. Деревянная основа лука, судя по сохранившимся данным, состояла из двух или пяти частей, жестко скрепленных между собой способом «ласточкин хвост». Для скрепления всех деталей и предохранения от сырости и температурных колебаний лук обклеивался сыромятной кожей. Иногда на кожаную поверхность лука наносились красочные изображения животных, людей и орнаменты.

Наиболее часто кочевники Тянь-Шаня применяли луки с весловидными накладками на внутреннюю часть рукояти, известные в специальной литературе под названием «монгольских» (рис. 1.-1–3). Они обладали значительной рефлекторной силой, которая достигалась удачной комбинацией разных материалов: дерева, сухожилий, рога, клея. Благодаря своей небольшой длине, такие луки были удобны при стрельбе с коня на близкие дистанции. По мнению известных оружиеведов, скорострельность луков «монгольского» типа была выше, что позволяло конным стрелкам производить массивную интенсивную стрельбу [Худяков, 1991, с. 122–124]. На Тянь-Шане такие луки, надо полагать, появились вместе с отрядами монгольских войск во время расширения империи Чингиз-хана.

Судя по данным из могильника Сюттуу-Булак, наряду с луками «монгольского» типа кочевники Тянь-Шаня пользовались более длинными луками, состоявшими из двух или пяти деревянных частей, обклеенных сухожилиями (рис. 1.-8–9) [Акматов, 2017, с. 42–47]. Двусоставной лук имел роговую накладку с внешней стороны рукояти, видимо, для крепления мест соединения деревянных частей кибиты. По своей структуре и форме сюттуу-булакские изделия близки к лукам из памятников хуннского времени в Восточном Туркестане, что свидетельствует об их генетической связи [Selby, 2002; Hall, Farrell, 2008, fig. 12–19]. В рассматриваемое время они удачно конкурировали с луками «монгольского» типа.

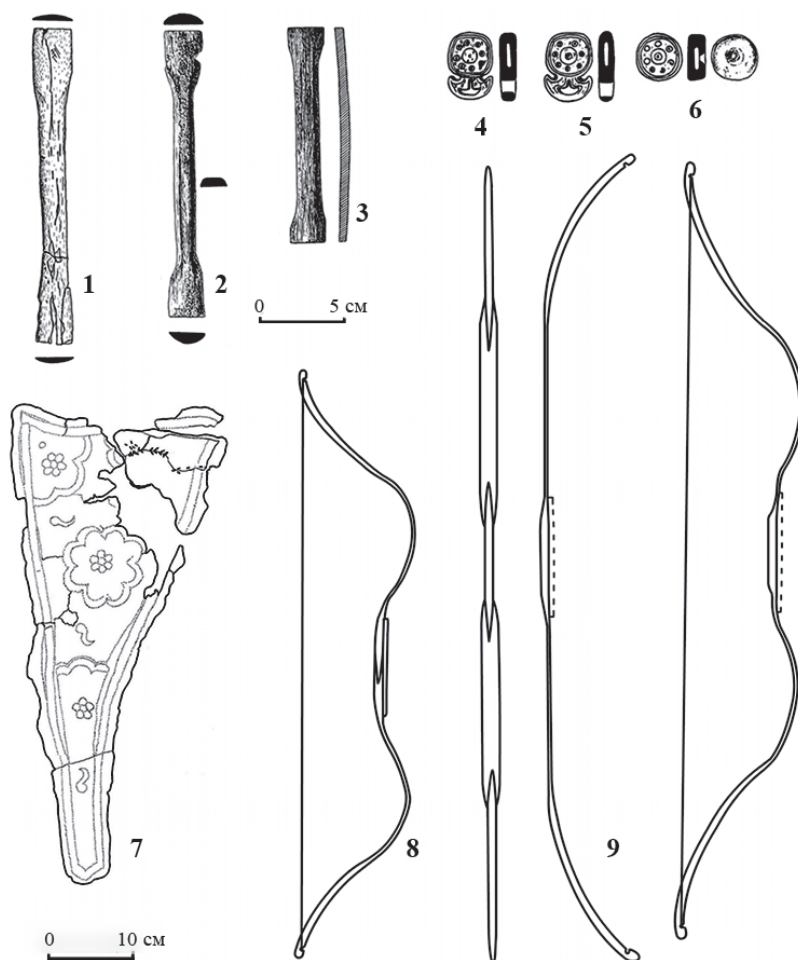

Рис. 1. Роговые накладки (1–3) и деревянные кибиты (8–9) луков, кожаный налuch (7), роговые обоймы (4–6) саадачного пояса из погребений (4–6, 8, 9 – без масштаба) (рисунки находок выполнены авторами)

Набор железных наконечников стрел кочевников Тянь-Шаня в монгольское время состоял из бронебойных, небронебойных и универсальных средств (рис. 2) [Акматов, 2017, с. 48–56]. Наиболее характерны плоские в сечении наконечники, ориентированные против не защищенных панцирем противников. Плоские стрелы включают ассиметрично-ромбические, секторные, секторно-четырёхугольные, удлинённо-ромбические, эллипсоидные, пентаграммные, полулунные формы и срезни (рис. 2.-1–10). Из них ассиметрично-ромбические наконечники составляют абсолютное большинство находок, что характерно для многих кочевых культур рассматриваемого периода. Остальные плоские формы, за исключением секторно-четырёхугольных, также имеют широкие аналогии на огромной территории степей Азии. Вполне возможно, что секторно-четырёхугольные наконечники являются местной тяньшанской формой, выработанной на основе секторных наконечников (рис. 2.-6).

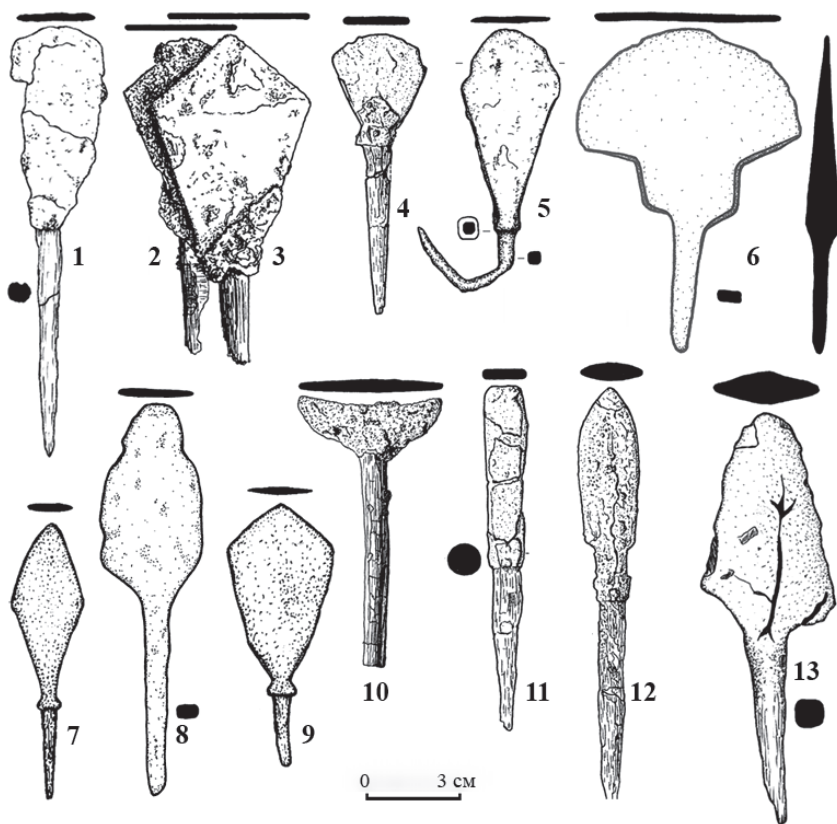

Рис. 2. Железные наконечники стрел из погребений и случайных сборов (рисунки находок выполнены авторами)

Броневойные наконечники представлены одним типом – прямоугольным томаром в двух экземплярах (рис. 2.-11). Такие изделия имели широкое распространение во многих культурах развитого Средневековья, особенно у кочевников Центральной Азии. В некоторых регионах, в том числе и на Тянь-Шане, прямоугольные томары представляют одни из основных средств против защищенных панцирем противников.

В группу наконечников универсального назначения, т.е. как против бездоспешного, так и облаченных в металлические доспехи противников, относятся линзовидные боеголовковые и ромбические эллипсоидные формы (рис. 2.-12–13). Первые из них, представленные четырьмя экземплярами, входят в круг изделий, распространенных на значительной территории степей Азии, прежде всего в Центральной Азии, тогда как ромбические эллипсоидные таковыми не являются. Несмотря на то, что ромбическое сечение и эллипсоидная форма пера известны в составе разных групп и типов, их комбинация в одном изделии нам ранее не была известна. Есть основания полагать, что перенос эллипсоидной формы пера на ромбическое сечение произошел на Тянь-Шане в монгольское время.

Луки хранились и носились в кожаных футлярах, повторяющих форму половины лука с натянутой тетивой и украшенных тисненым орнаментом (рис. 1.-7) [Акматов, 2017, с. 67–70]. Такое налучье сохранилось в одном из курганов Сюттуу-Булакского

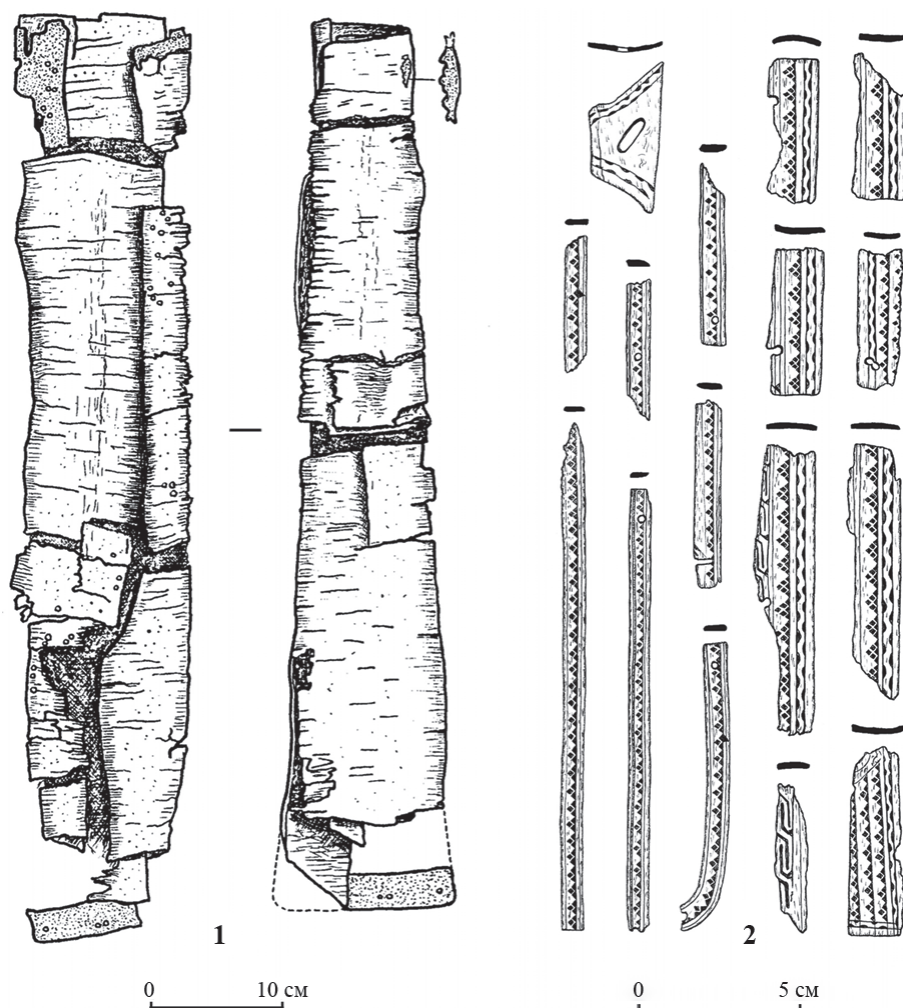

Рис. 3. Берестяной колчан (1) и роговые орнаментированные накладки на колчан (2) (рисунки находок выполнены авторами)

могильника [Табалдиев, 2011, с. 172]. Судя по средневековым изобразительным источникам, налучье носилось на левом боку лучника в наклонном положении горловиной вперед или назад (рис. 4) [Горелик, 2002, с. 48, 49, 57, 60].

Для хранения и транспортировки стрел использовались берестяные и кожаные колчаны (рис. 3; 4) [Акматов, 2017, с. 71–77]. В берестяных футлярах стрелы носились наконечниками вверх. По данным письменных источников, в один колчан в среднем вмещалось 25–30 стрел [Книга..., 1955, с. 212; Arab Archery, 1945]. Некоторые берестяные колчаны, вероятно, принадлежавшие особам высокого социального статуса, украшались костяными орнаментированными накладками (рис. 3.-2). Такие накладки были обнаружены в двух погребениях. Берестяной колчан, судя по иранским миниатюрам, подвешивался на специальном поясе, на правом боку лучника, в наклонном положении горловиной вперед (рис. 4.-2) [Горелик, 2002, с. 59, рис. 1, 8, 10, 14].

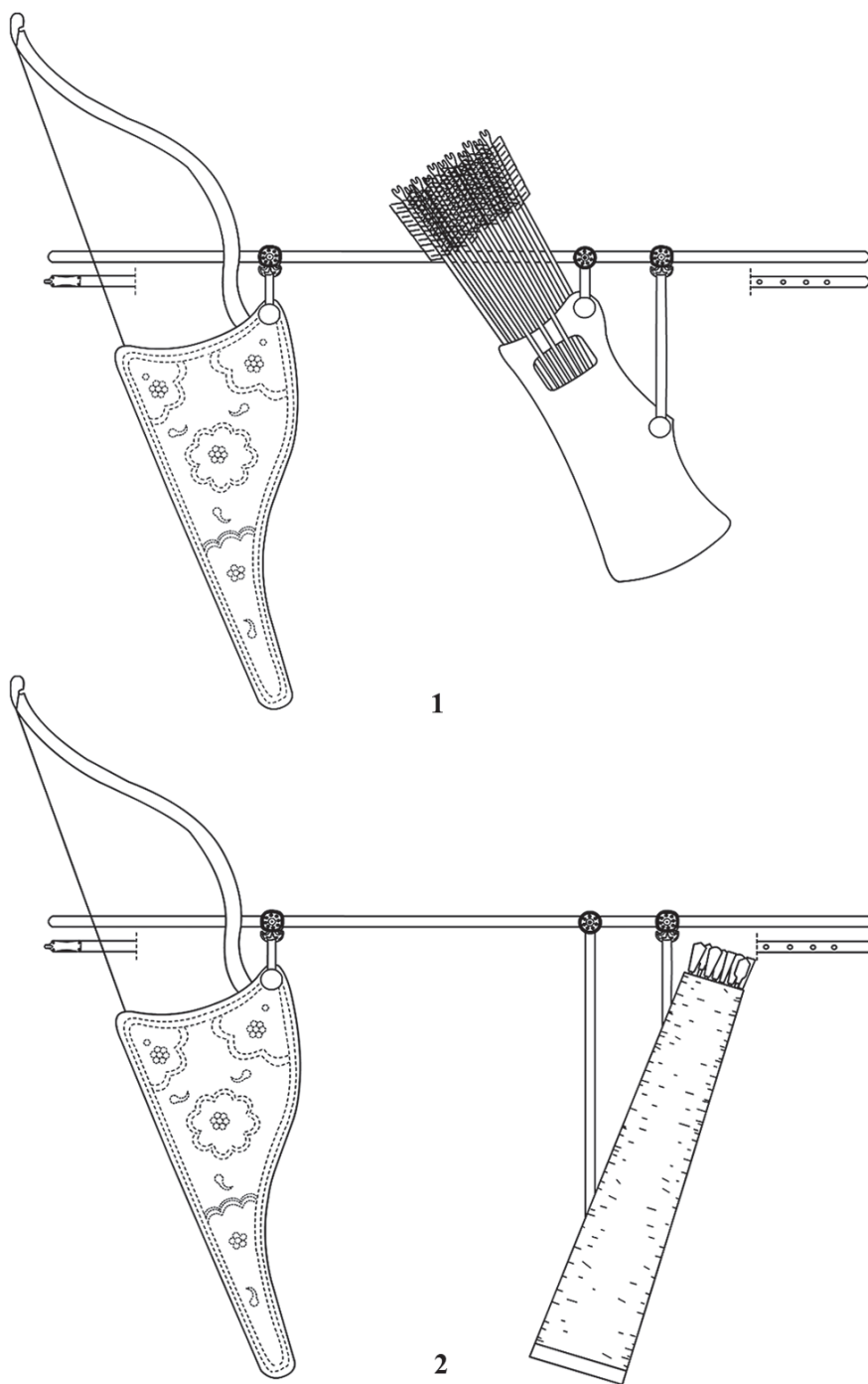

Рис. 4. Реконструкция саадаков кочевников Тянь-Шаня в монгольское время (по материалам погребений и иранских миниатюр XIV в.) (выполнена К.Т. Акматовым)

В кожаных колчанах стрелы хранились наконечниками вниз, оперением вверх, причем стрелы на треть веером выступали над срезом приемника (рис. 4.-1) [Горелик, 2002, с. 59, рис. 2.-16]. Некоторые экземпляры, судя по иранским миниатюрам, имели «окошко-карман» для стрел специального назначения. Кожаный колчан подвешивался на поясе, на правом боку воина в наклонном положении горловиной назад.

Несмотря на отсутствие конкретных данных, есть основания полагать, что в качестве одного из основных средств ближнего боя кочевникам Тянь-Шаня в монгольское время служили длинные клинки: сабли и мечи. Упомянутый в полевом отчете А.К. Кибирова «прямой железный меч» из-за отсутствия дополнительных данных и рисунка не может быть нами подробно рассмотрен. Однако сам факт находки в погребении меча представляет интерес, поскольку по сравнению с саблями длинные прямые клинки, судя по археологическим, изобразительным и письменным источникам рассматриваемого времени, были менее популярны не только в среде монгольских войск, но и в кочевых обществах вообще. Поэтому, соглашаясь с исследователями в том, что сабля является, прежде всего, оружием конного воина, следует полагать, что на Тянь-Шане войска кочевых племен монгольского времени охотнее применяли сабли, чем мечи.

О том, что население Тянь-Шаня рассматриваемого времени пользовалось саблями, свидетельствуют находки металлической гарнитуры от пяти наборных поясов с характерными обоями для подвешивания ножен длинноклинка оружия [Акматов, 2017, с. 79].

Судя по отдельным случайным находкам, у населения региона развитого Средневековья были в употреблении разные типы булав и топоров (рис. 5) [Акматов, 2017, с. 79–81]. Об их популярности в среде войск Чингизидских государств свидетельствуют изобразительные, письмен-

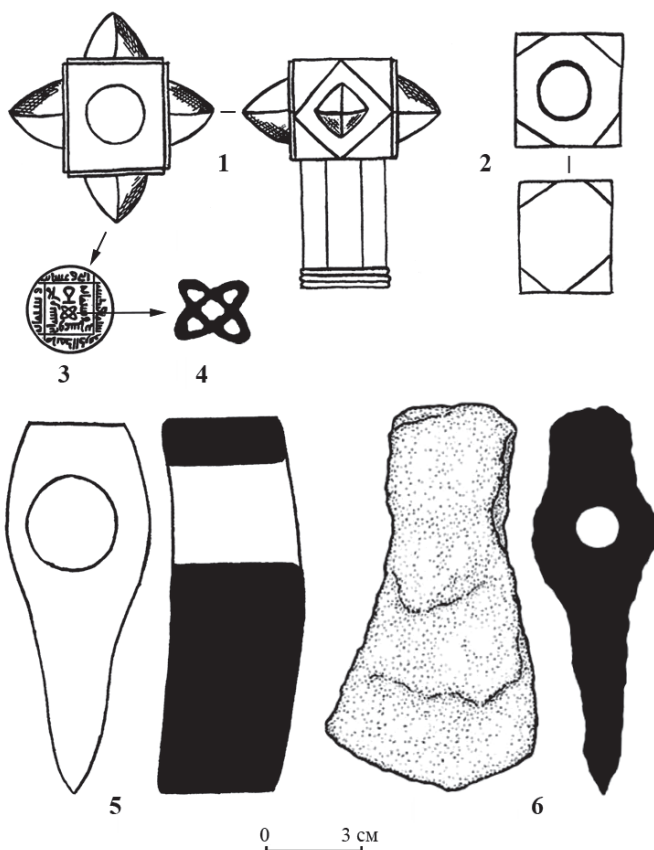

Рис. 5. Предметы вооружения ближнего ударного боя (1, 2, 5, 6) из случайных сборов и дирхем 1-й половины XIII в. с изображением тамги в виде навершия булавы (3–4) (1, 2, 5 – по: [Камышев, 2004, рис. 1–3]; 3, 4 – по: [Давидович, 1972, рис. 1.-1, 3]; 6 – по: [Худяков и др., 2014, рис. 2.-2])

ные источники и вещественные находки из памятников и случайных сборов. Видимо, определенные типы булав служили в качестве почетного оружия, что хорошо подтверждается их изображениями на монетах (рис. 5.-3, 4). Один из таких предметов был случайно обнаружен на поселении XIII–XIV вв. в Чуйской долине (рис. 5.-1). Булава имеет кубовидную боевую головку с четырьмя пирамидальными шипами на боковых гранях, что делало ее смертельным оружием ближнего боя. Ею можно было нанести эффективные удары против как легковооруженного, так и облаченного в металлический доспех противника. Такой булавой, возможно, были вооружены более состоятельные воины и телохранители правителей.

Благодаря своей простой форме и дешевизне в среде рядовых воинов Тянь-Шаня были распространены булавы в виде многогранника, один экземпляр которого входит в состав коллекции оружия из Караджигачского поселения (рис. 5.-2). О том, что такая булава была характерна именно для рядовых воинов, свидетельствует и сам материал, из которого она сделана, – железо. По боевому качеству это оружие несколько уступало предыдущему экземпляру, однако оно также могло применяться универсально – как против бездоспешного, так и тяжеловооруженного противника.

Судя по отдельным случайным находкам, население Тянь-Шаня монгольского времени использовало боевые топоры разных типов (рис. 5.-5–6). Они являлись эффективными средствами как против незащищенного металлическим доспехом противника, так и тяжеловооруженного воина. По своей форме изделия отличаются от известных боевых топоров из других территорий бывших Чингизидских государств. Однако из этого нельзя делать вывод о том, что такие топоры характерны для Тянь-Шаня, поскольку близкие по форме изделия встречаются в материалах разных культур и эпох. Рассматриваемые боевые топоры могли использоваться и в хозяйственных целях, и как походный инструмент.

Оружием рукопашного боя и для добивания раненого врага кочевникам Тянь-Шаня служили железные боевые ножи и кинжалы (рис. 6.-1–4) [Акматов, 2017, с. 82–85]. Они также были необходимым инструментом в домашнем хозяйстве и в походном быту. Судя по материалам погребений, ножами и кинжалами были вооружены не только мужчины, но и женщины. Отметим, что четыре кинжала из пяти происходят из женских погребений, где в трех случаях они заменяли «едовые» ножи, а в одном погребении кинжал был обнаружен вместе с коротким однолезвийным клинком.

Короткие клинки хранились в деревянных и кожаных ножнах, остатки которых были обнаружены в погребениях. Судя по изобразительным источникам, они носились заткнутыми за пояс или кушак на правом или левом боку воина, слегка наклонно, рукоятью вверх [Горелик, 2002, с. 63]. Иногда кинжалы в ножнах подвешены к поясу с помощью ремешка. Вполне возможно, что боевой нож или кинжал являлся принадлежностью костюма кочевников Тянь-Шаня, как это известно по раннесредневековым изобразительным и этнографическим источникам.

Для защиты корпуса воины Тянь-Шаня в монгольское время применяли ламеллярный панцирь и кольчугу (рис. 6.-5–6) [Акматов, 2017, с. 85–91]. Из-за фрагментарности находок судить об их покрое сложно. Но сам факт наличия двух видов металлических защитных средств весьма показателен. Ламеллярный панцирь, набранный из удлиненно-прямоугольных железных пластин, обладал довольно высоким защитным качеством, хотя, возможно, был тяжелым и менее гибким. Кольчуга, наоборот,

отличается удобством и гибкостью, но уступала по надежности. Поэтому иногда под ламеллярный панцирь надевалась кольчуга или под кольчугу – мягкий доспех.

Изготовление ламеллярного панциря и кольчуги – весьма трудоемкий процесс. Поэтому, скорее всего, большинство воинов Тянь-Шаня монгольской эпохи не имели индивидуальной металлической защиты. К тому же в это время большинство городов и крупных поселений с ремесленными мастерскими в долинах Тянь-Шаня из-за враждебной политики Чингизидов в отношении оседлого населения и их междоусобиц пришли в упадок. Поэтому логично предположить, что металлическими доспехами были вооружены отдельные богатые воины и командиры отрядов и те, кому посчастливилось обзавестись ими во время успешных походов. Большинство рядовых воинов, скорее всего, в силу доступности применяли мягкий доспех из кожи, войлока и т.д.

Таким образом, представленный археологический материал позволяет сделать вывод о том, что основная часть войск кочевников Тянь-Шаня в монгольское время состояла из легковооруженных всадников, главным оружием которых были лук и стрелы, боевые ножи, кинжалы. Часть воинов могла обладать длинным клинком, прежде всего саблей, и (или) булавой, и (или) боевым топором. Практически каждый кочевник, имеющий скот в своем распоряжении, мог изготовить для себя доспех из мягкого материала. Более состоятельные воины имели металлическую защиту: ламеллярный панцирь, кольчугу (рис. 7).

Не только фрагментарность находок металлической защиты, но и полное отсутствие в памятниках находок копий – главного оружия тяжелой кавалерии – не позволяет выделить в составе войск кочевников Тянь-Шаня монгольского времени отдельные отряды тяжеловооруженной конницы.

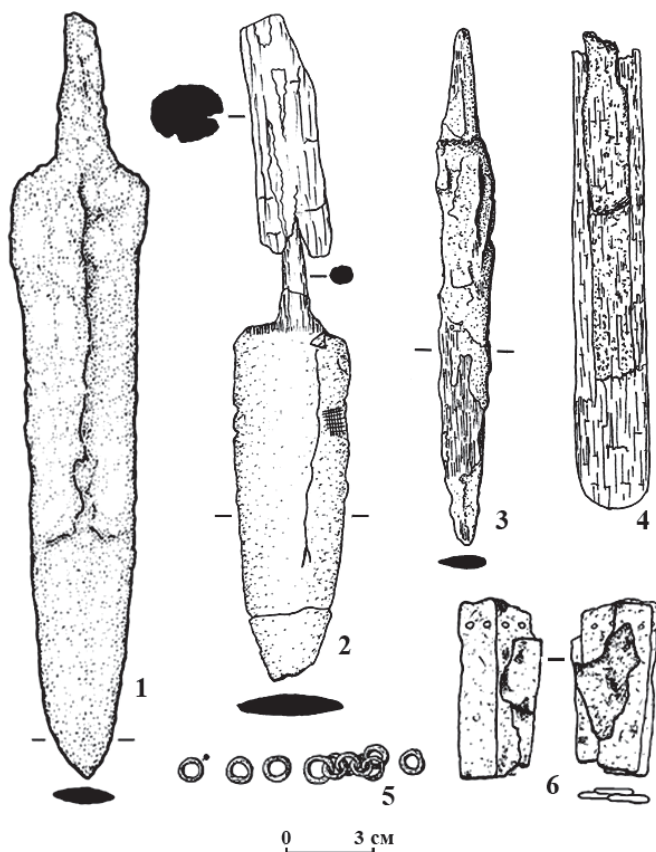

Рис. 6. Железные кинжалы (1–2), ножи (3–4), кольца кольчуги (5) и панцирные пластины (6) из погребений: 1–5 – рисунок выполнен авторами; 6 – по: [Худяков и др., 2014, рис. 2.-1])

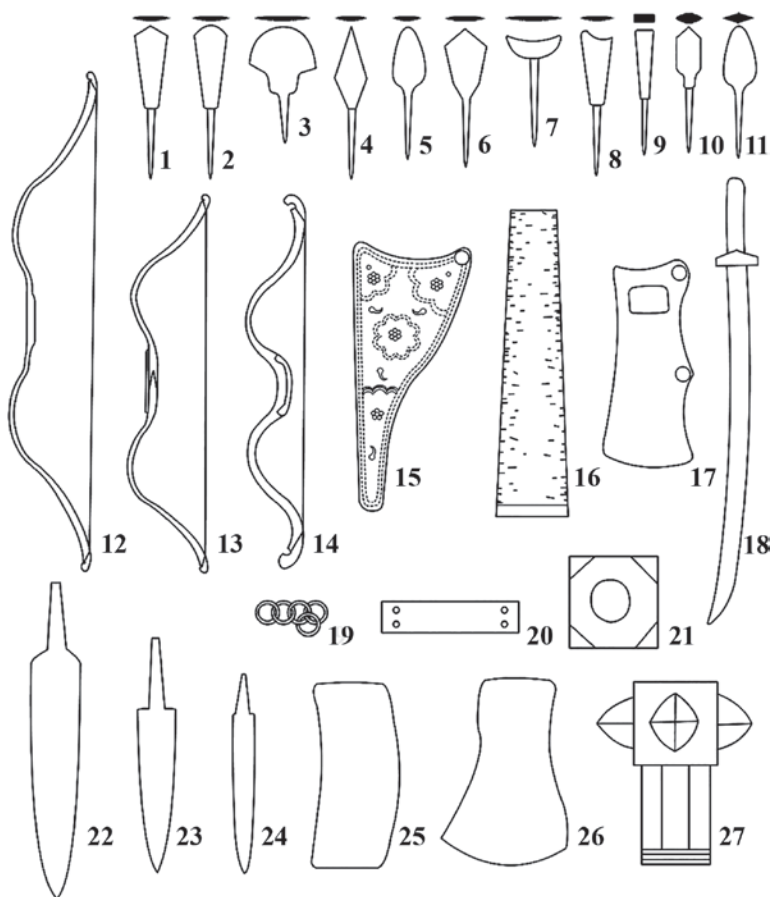

Рис. 7. Комплекс вооружения кочевников Тянь-Шаня XIII–XIV вв. (по археологическим данным) (рисунки находок выполнены К.Т. Акматовым)

На основе имеющихся в нашем распоряжении вещественных находок, с учетом данных изобразительных источников (иранские и среднеазиатские миниатюры, каменные изваяния из Монголии), нами была предпринята реконструкция внешнего облика легковооруженного воина (рис. 8).

Воин одет в длинный, до середины голени халат с глубоким правосторонним запахом, т.е. более широкая левая пола налегает на правую и застегивается с помощью завязок на правом боку. Рукава длинные и узкие. На подоле сзади сделан разрез для удобства при посадке в седло. Благодаря узости стана и рукавов, глубокому запаху и наличию разреза в подоле такой халат был максимально приспособлен к кочевому быту, а по данным китайских источников – удобен в военных походах [Прыткова, 1961, с. 237–239; Сычев, 1977, с. 43; Лобачева, 1979, с. 35; Лантратова и др., 2002, с. 20, 143]. Не случайно его связывают с кочевой традицией [Горелик, 1979, с. 58], что подтверждается данными изобразительных, письменных источников и реальными текстильными находками из погребений Монголии, Китая и Золотой Орды [Горелик, 2010, с. 16–79; Хрипунов, 2002, с. 363–393; 2013, с. 233–272].

На голове воина изображена мягкая войлочная шапка с околышем и с широким назатыльником, закрывавшим шею. Такие головные уборы с разными вариациями были широко известны у центрально-азиатских кочевых народов Средневековья и этнографической современности [Вайнштейн, 1991, с. 166–169; Баяр, 2002, с. 167–178; Горелик, 2002, с. 17].

На ногах реконструируемого воина мягкие сапоги с длинными голенищами и многослойной кожаной подошвой с заостренным и загнутым вверх носком. Именно так могла выглядеть обувь, положенная в погребение 144 могильника Таш-Башат в Таласской долине, от которой до наших дней сохранились 5–7-слойные кожаные подошвы [Винник, 1963, рис. 7].

На талии воина изображены два пояса: саадачный и клинковый. Первый, застегнутый на крючок, имеет довольно узкую поясную ленту из кожи или ткани и три костяные обоймы, на которых с левой стороны подвешено кожаное налучье с луком, а с правой – берестяной колчан со стрелами, помещенными наконечниками вверх. На клинковом поясе, реконструированном по металлической garniture из ташбашатского погребения, на левом боку воина с помощью двух ремешков подвешена слабоизогнутая сабля в деревянных ножнах, а на правом – железный нож (на рисунке он не виден, поскольку воин изображен вполборота) и кожаная сумочка, в которой хранились кресало, кремь, оселок и другие мелочи (рис. 8).

Таким образом, несмотря на отсутствие в погребениях отдельных видов оружия и фрагментарность других, имеющийся к настоящему времени археологический материал позволил охарактеризовать комплекс вооружения населения Тянь-Шаня в монгольское время и реконструировать облик легковооруженного воина.

Библиографический список

Акматов К.Т. Вооружение и конское снаряжение кочевников Тянь-Шаня в монгольское время : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 236 с.

Баяр Д. Иконографические и художественные особенности каменных изваяний средневековых монголов // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ун-та, 2002. С. 167–178.

Рис. 8. Реконструкция облика легковооруженного воина XIII–XIV вв. на Тянь-Шане (по материалам погребений и изобразительных источников) (выполнена К.Т. Акматовым)

- Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М. : Наука, 1991. 296 с.
- Винник Д.Ф. Тюркские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе : Изд-во АН КиргССР, 1963. С. 79–93.
- Горелик М.В. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV–XIX вв. // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М. : Наука, 1979. С. 49–69.
- Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М. : ООО «Восточный горизонт», 2002. 84 с.
- Горелик М.В. Введение в историю раннего монгольского костюма X–XIV века (по изобразительным источникам) // Батыр. 2010. №1. С. 16–79.
- Давидович Е.А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бека (XIII в.). М. : Наука, 1972. 181 с.
- Камышев А.М. Оружие ближнего боя с городища Кара-Джигач // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2004. С. 83–85.
- Кибиров А.К. Научный отчет Тянь-Шанского археологического отряда Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции за 1953 г. Фрунзе, 1954 // Отдел рукописей и публикаций АН Республики Кыргызстан. Инв. №1575.
- Книга Марко Поло. М. : Географгиз, 1955. 376 с.
- Лантратова О.Б., Голиков В.П., Орфинская О.В., Владимирова О.Ф., Егоров В.Л. Исследование уникальных археологических памятников из собрания Государственного исторического музея – комплексов одежд XIII–XIV вв. М. : Гос. исторический музей, 2002. 238 с.
- Лобачева Н.П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенных росписей) // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М. : Наука, 1979. С. 18–48.
- Прыткова Н.Ф. Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 227–328.
- Сычев В.Л. Из истории плечевой одежды народов Центральной и Восточной Азии (к проблеме классификации) // Советская этнография. 1977. №3. С. 32–46.
- Табалдиев К.Ш. Эволюция погребального обряда кочевников Внутреннего Тянь-Шаня в средние века : дис. ... канд. ист. наук. Приложение к диссертации. Бишкек, 1994. 349 с.
- Табалдиев К.Ш. Древние памятники Тянь-Шаня. Бишкек : V.R.S. Company, 2011. 320 с.
- Хрипунов Н.В. Одежда знати великой империи монголов в 1207–1266 гг. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2002. С. 363–393.
- Хрипунов Н.В. Монгольская одежда знати Золотой Орды в 1266–1312 гг. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 6. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 233–272.
- Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск : Наука, 1991. 190 с.
- Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Коллекция средневекового оружия из музея «Манас Ордо» в Таласской долине Кыргызстана // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. С. 197–208.
- Anke B., Moskalev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.Š. Ausgrabungen auf dem Gräberfeld von Süttü-Bulak, Raj., Kočkorka, Kyrgyzstan // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. 1997. Band 3. Pp. 513–570 (на нем. яз.).
- Arab Archery. An Arabic manuscript of about A.D. 1500 “Book on the Excellence of the Bow and Arrow” and the Description thereof. Translated by N.A. Faris and R.P. Elmer, 1945 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archerylibrary.com/books/faris-elmer/arab-archery/> (дата обращения 12.12.2014) (на англ. яз.).
- Hall Andrew and Farrell Jack. Bows and Arrows from Miran. Originally published in the Journal of The Society of Archer-Antiquaries. №51. 2008. Pp. 89–98. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atarn.org/chinese/miran/Bows%20and%20Arrows%20from%20Miran.html> (дата обращения 23.02.2015) (на англ. яз.).
- Selby Stephen. Two Late Han to Jin Bows from Gansu and Khotan. Originally published as ATARN Newsletters in April and September 2002 [Электронный ресурс]. URL: http://www.atarn.org/chinese/khotan_bow.htm (дата обращения 12.02.2015) (на англ. яз.).

References

Akmatov K.T. Vooruzhenie i konskoe snaryazhenie kochevnikov Tyan'-Shanya v mongol'skoe vremya : dis. ... kand. ist. nauk [Armament and Horse Equipment of Nomads of the Tien Shan in Mongolian Time: dis. ... Cand. Hist. Sciences. Novosibirsk, 2017. 236 p.

Bayar D. Ikonograficheskie i khudozhestvennye osobennosti kamennykh izvayaniy srednevekovykh mongolov [Iconographic and Artistic Features of Stone Sculptures of Medieval Mongols]. Tsentral'naya Aziya i Pribaykal'e v drevnosti [Central Asia and the Baikal Region in Antiquity]. Ulan-Ude : Izd-vo Buryat. un-ta, 2002. Pp. 167–178.

Vaynshteyn S.I. Mir kochevnikov tsentra Azii [World of Nomads of the Center of Asia]. M. : Nauka, 1991. 296 p.

Vinnik D.F. Tyurkskie pamyatniki Talasskoy doliny [Türkic Monuments of the Talas Valley]. Arkheologicheskie pamyatniki Talasskoy doliny [Archaeological Monuments of the Talas Valley]. Frunze : Izd-vo AN KirgSSR, 1963. Pp. 79–93.

Gorelik M.V. Sredneaziatskiy muzhskoy kostyum na miniatyurakh XV–XIX vv. [Central Asian Men's Costumes of the 15th–19th Centuries in Miniatures]. Kostyum narodov Sredney Azii. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Costume of the Peoples of Central Asia. Historical and Ethnographic Essays]. M. : Nauka, 1979. Pp. 49–69.

Gorelik M.V. Armii mongolo-tatar X–XIV vekov. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie. Voin'skoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie [Army of Mongol-Tatars of the 10th–14th Centuries. Military Art, Equipment, Weapons]. M. : OOO "Vostochnyy gorizont", 2002. 84 p.

Gorelik M.V. Vvedenie v istoriyu rannego mongol'skogo kostyuma X–XIV veka (po izobrazitel'nyim istochnikam) [Introduction to the History of the Early Mongolian Costume of the 10th–14th Century (according to Visual Sources)]. Batyr. 2010. №1. Pp. 16–79.

Davidovich E.A. Denezhnoe khozyaystvo Sredney Azii posle mongol'skogo zavoevaniya i reforma Mas'ud-beka (XIII v.) [Monetary Economy of Central Asia after the Mongol Conquest and the Reform of Mas'ud-bek (13th Century)]. M. : Nauka, 1972. 181 p.

Kamyshev A.M. Oruzhie blizhnego boya s gorodishcha Kara-Dzhigach [Close Combat Weapon from the Kara-Jigach Settlement]. Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentral'noy Azii [Military Affairs of the Peoples of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 2004. Pp. 83–85.

Kibirov A.K. Nauchnyy otchet Tyan'-Shanskogo arkheologicheskogo otryada Kirgizskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii za 1953 g. Frunze, 1954 [Scientific Report of the Tien-Shan Archaeological Team of the Kirghiz Complex of Archaeological and Ethnographic Expedition for 1953 Frunze, 1954]. Otdel rukopisey i publikatsiy AN Respubliki Kyrgyzstan. Inv. №1575 [Department of Manuscripts and Publications of the Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic. Inv. №1575].

Kniga Marko Polo [The Book of Marco Polo]. M. : Geografiz, 1955. 376 p.

Lanratova O.B., Golikov V.P., Orfinskaya O.V., Vladimirova O.F., Egorov V.L. Issledovanie unikal'nykh arkheologicheskikh pamyatnikov iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya – kompleksov odezhd XIII–XIV vv. [Research of Unique Archaeological Monuments from the Collection of the State Historical Museum – Complexes of Clothes of the 13th–14th Centuries]. M. : Gos. istoricheskiy muzey, 2002. 238 p.

Lobacheva N.P. Sredneaziatskiy kostyum rannesrednevekovoy epokhi (po dannym stennykh rospisey) [Central Asian Costume of the Early Medieval Epoch (according to the Data of Wall Paintings)]. Kostyum narodov Sredney Azii. Istoriko-etnograficheskie ocherk [Costume of the Peoples of Central Asia. Historical and Ethnographic Essays]. M. : Nauka, 1979. Pp. 18–48.

Prytkova N.F. Verkhnyaya odezhda [Outer Clothing]. Istoriko-etnograficheskiy atlas Sibiri [Historical-Ethnographic Atlas of Siberia]. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1961. Pp. 227–328.

Sychev V.L. Iz istorii plechevoy odezhdy narodov Tsentral'noy i Vostochnoy Azii (k probleme klassifikatsii) [From the History of the Shoulder Clothing of the Peoples of Central and East Asia (to the Problem of Classification)]. Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. 1977. №3. Pp. 32–46.

Tabaldiev K.Sh. Evolyutsiya pogrebal'nogo obryada kochevnikov Vnutrennego Tyan'-Shanya v srednie veka : dis. ... kand. ist. nauk. Prilozhenie k dissertatsii [Evolution of the Funeral Rite of the Nomads of the Inner Tien Shan in the Middle Ages: Dis. ... Cand. Hist. Sciences. The Appendix to the Dissertation. Bishkek, 1994. 349 p.

Tabaldiev K.Sh. Drevnie pamyatniki Tyan'-Shanya [Ancient Monuments of the Tien Shan]. Bishkek : V.R.S. Company, 2011. 320 p.

Khripunov N.V. Odezhda znati velikoy imperii mongolov v 1207–1266 gg. [Clothes of the Nobility of the Great Mongol Empire in 1207–1266]. Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Vyp. 5 [The Golden Horde Civilization. Issue. 5]. Kazan' : In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2002. Pp. 363–393.

Khripunov N.V. Mongol'skaya odezhda znati Zolotoy Ordy v 1266–1312 gg. [Mongolian Clothing of the Nobility of the Golden Horde in 1266–1312]. Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Vyp. 6 [The Golden Horde Civilization. Issue 6]. Kazan' : In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2013. Pp. 233–272.

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvityego srednevekov'ya [Armament of the Central Asian Nomads in the Era of the Early and Developed Middle Ages]. Novosibirsk : Nauka, 1991. 190 p.

Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu., Orozbekova Zh. Kolleksiya srednevekovogo oruzhiya iz muzeya "Manas Ordo" v Talasskoy doline Kirgystana [Collection of Medieval Weapons from the Museum "Manas Ordo" in the Talas Valley of Kirgystan]. Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2014. T. 13, vyp. 5: Arkheologiya i etnografiya [Vestnik of NSU. Series: History, Philology. 2014. Vol. 13, no. 5: Archaeology and Ethnography]. Pp. 197–208.

Anke B., Moskalev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.Š. Ausgrabungen auf dem Gräberfeld von Süt-tü-Bulak, Raj. Kočkorka, Kirgystan. Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. 1997. Band 3. Pp. 513–570 (in German).

Arab Archery. An Arabic manuscript of about A.D. 1500 "Book on the Excellence of the Bow and Arrow" and the Description thereof. Translated by N.A. Faris and R.P. Elmer, 1945 [Electronic Resource]. URL: <http://www.archerylibrary.com/books/faris-elmer/arab-archery/> (in English).

Hall Andrew and Farrell Jack. Bows and Arrows from Miran. Originally published in the Journal of The Society of Archer-Antiquaries. №51. 2008. Pp. 89–98 [Electronic Resource]. URL: <http://www.atarn.org/chinese/miran/Bows%20and%20Arrows%20from%20Miran.html> (in English).

Selby Stephen. Two Late Han to Jin Bows from Gansu and Khotan. Originally published as ATARN Newsletters in April and September 2002 [Electronic Resource]. URL: http://www.atarn.org/chinese/khotan_bow.htm (in English).

K.T. Akmatov, K.Sh. Tabaldiev

THE COMPLEX OF ARMS OF THE TIEN SHAN NOMADS IN THE MONGOL EPOCH (a case study of archaeological materials)

The paper, on the basis of material evidence from burials and random finds with account of pictorial sources, characterizes the complex of arms of the Tien Shan nomads in the Mongol Epoch and gives the reconstruction of the figures of light-armed warrior. The scantiness of the arms in the burials of the region is noted. The description is given to their composition and the conditions of their locations in the burials. The conclusion is made that the main part of the nomadic army of the Tien Shan people in the Mongol Epoch consisted of light-armed horse troops armed with bows and arrows, knives, daggers. There were used three types of composite bows with armor-piercing, cross functional arrowheads and arrowheads against unarmored enemies. The last ones with flat cross-sections were in widespread use. The bulk of the soldiers could be armed with sabers, maces and battle-axes. Judging by pictorial sources and findings of the sword-belt's metallic parts complexes, the saber served as a principal close combat weapon. The nomadic warriors in the region used different kinds of defensive weapon such as lamellar armor, chain mail and armors made of soft materials (felt, leather etc.). It is assumed, that owing to availability of the materials, armors from soft materials were more widespread than armors made of metal. The most practical effect of the research is the graphic reconstruction of the light-armed warrior.

Key words: Mongol Epoch, Tien Shan, burials, arms, munitions, reconstruction of the light-armed warrior.

ЕЩЕ РАЗ О «СУЗУНСКОМ» ШЛЕМЕ*

В статье рассмотрен клепаный железный шлем, хранящийся в фондах Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Наголовье было обнаружено в конце XIX в. в Сузунском бору, в окрестностях оз. Осинина (в настоящее время – Сузунский район Новосибирской области). Шлем уже дважды становился объектом научного исследования (в 1888 и 2007 гг.). В настоящей работе проанализированы элементы конструкции и декора шлема, ранее не привлекавшие внимания исследователей (система крепления бармицы, изображения драконов на обруче и др.), а также реконструированы варианты первоначального вида наголовья. Получило подтверждение ранее высказанное предположение о датировке шлема периодами развитого и позднего Средневековья. Установлено, что ближайшим конструктивным аналогом рассматриваемого образца защитного вооружения является золотоордынский шлем конца XIII – начала XIV вв., найденный на территории Приднестровья у с. Плоское. Наиболее точные аналоги изображений фениксов на тулье шлема происходят с территории Юаньского и Минского Китая XIV–XV вв. На основании анализа конструкции и системы декоративного оформления «сузунский» шлем датирован концом XIII – началом XV вв. Наиболее вероятной датой изготовления шлема следует считать середину XIV в. Вопрос о месте производства шлема остается открытым. Наряду с Ираном он мог быть выкован в городских ремесленных центрах Средней Азии или Золотой Орды. Заказчиком и первым владельцем шлема, вероятно, являлся знатный воин одного из Чингизидских государств рассматриваемого периода. По всей видимости, богато оформленное наголовье продолжало использоваться на протяжении длительного исторического периода. На территорию Западной Сибири оно могло попасть в ходе военных конфликтов, вызванных распадом Золотой Орды.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Монгольская империя, Иран, Золотая Орда, защитное вооружение, шлем.

DOI: 10.14258/tpai(2017)3(19)-02

В 1875 г. во время тушения пожара в Сузунском бору, в 25 верстах (ок. 27 км) от Сузунского завода, в двух верстах (ок. 2,1 км) от оз. Осинина, на территории бывшей Томской губернии**, крестьянином Яковом Бархатовым был обнаружен железный шлем, украшенный серией изображений, выполненных в технике золотой насечки. Сельский писарь Чапчинский волости Бийского округа Осипов, сообщая властям о данной находке, особо отметил, что при извлечении шлема из земли он был поврежден крестьянами: «... найдена железная каска, в земле, со цветами по ней червонного золота и изображением на ней птиц в виде орла. Во время розыска (т.е. при земляной пожарной работе) неопытным народом сзади она изломана и пика сверху сломана» [Ожередов, Худяков, 2007, с. 94]. По мнению Осипова, найденная «каска» могла принадлежать кому-то из «... князей древних азиатских племен» [Ожередов, Худяков, 2007, с. 94]. В 1876 г. шлем был передан представителям сначала волостных, а затем окружных властей.

Из переписки должностных лиц, изложенной в кратком виде в «Отношении инспектора училищ Западной Сибири, направленном в Строительный комитет Томского университета 5 ноября 1884 г.», становится понятным, что богато оформленный шлем уже изначально предполагался к передаче в Сибирский университет, местом устройства которого поначалу называли г. Омск. По данной причине в письме томского губернатора от 24 августа 1876 г. в адрес генерал-губернатора Западной Сибири относи-

* Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект №1.4539.2017/8.9).

** В настоящее время – Сузунский район Новосибирской области.

тельно интересующего нас наголовья была сделана следующая пометка: «... в дар для будущего Омского университета найденные крестьянином Бархатовым в земле близ озера Осинина железную с золотыми изображениями каску (шлем)». Интересно также продолжение письма, в котором открывается следующая подробность: «Бывшим в 1876 г. генерал-губернатором Западной Сибири была положена резолюция следующего содержания «хранить до времени учреждения и открытия университета» [ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 17. Л. 72–72об.]. Однако усилиями ряда лиц и, прежде всего, устроителя Сибирского университета В.М. Флоринского местом закладки высшего учебного заведения был выбран Томск. Поэтому далее в Отношении говорится, что «Ввиду предстоящего открытия Сибирского университета имею честь препроводить в особом ящике вышеуказанный железный шлем, о получении которого покорнейше прошу меня уведомить» [ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 17. Л. 72]. Таким образом, «сузунский» шлем на протяжении восьми лет хранился в Омске и только в 1884 г. был доставлен в Томск. В «Отношении от 28 ноября сего года», отправленном из Строительного комитета в ответ на письмо инспектора училищ Западной Сибири, подтверждается получение названного шлема [ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 17. Л. 73].

По завершении в 1885 г. строительства главного корпуса Сибирского университета в Томске в нем разместился археологический музей, куда на постоянное хранение и поступило «сузунское» наголовье. Впервые шлем был исследован В.М. Флоринским, опубликовавшим в 1888 г. данный образец защитного вооружения. Знаменитый исследователь дал подробное описание конструкции «каска» и привел некоторые размеры составляющих ее элементов. По его мнению, наголовье относилось к «шлемам русского типа» и было, «несомненно, русским». Согласно предположению Флоринского шлем мог иметь железный назатыльник и «... был покрыт золотом» [Археологический музей..., 1888, с. 83, 84; Примечания..., 1999, с. 164–166].

В 2007 г. одним из авторов настоящей статьи, в соавторстве с известным советским и российским археологом и оружиеведом Ю.С. Худяковым, была осуществлена повторная публикация «сузунского» шлема, в рамках которой предложенная В.М. Флоринским датировка и атрибуция шлема были существенным образом пересмотрены. В результате типологического анализа наголовья установлено, что шлем из Сузунского бора изготовлен иранскими мастерами-оружейниками по заказу представителя монгольской знати в XIII–XIV вв.* В рамках указанной статьи выдвигалось предположение о том, что на территорию Западной Сибири он мог попасть в период позднего Средневековья во время ожесточенной борьбы Шейбанидов и Тайбугидов за сибирский престол. Владельцем шлема являлся знатный сибирско-татарский воин или военачальник. Статья была проиллюстрирована тремя фотографиями, а также рисунками четырех проекций шлема [Ожередов, Худяков, 2007, с. 99]. К сожалению, в рамках публикации 2007 г., в силу различных причин, не представилось возможным привести размеры некоторых шлемовых элементов (обруча, накладок и др.), а также предложить варианты реконструкции первоначального вида наголовья. Кроме того, дополнительный детальный осмотр шлема позволил выделить ряд важных элементов украшения его тульи и обруча, которые не были зафиксированы в двух первых публикациях.

* При анализе декоративного оформления «сузунского» наголовья, в качестве аналогии, был привлечен шлем с фениксами, хранящийся в Венгерском национальном музее в г. Будапеште и датируемый тем же историческим периодом [Ожередов, Худяков, 2007, с. 98, 99].

Таким образом, целью настоящей статьи является уточнение некоторых особенностей конструкции и системы декоративного оформления «сузунского» шлема, а также реконструкция первоначального вида наголовья.

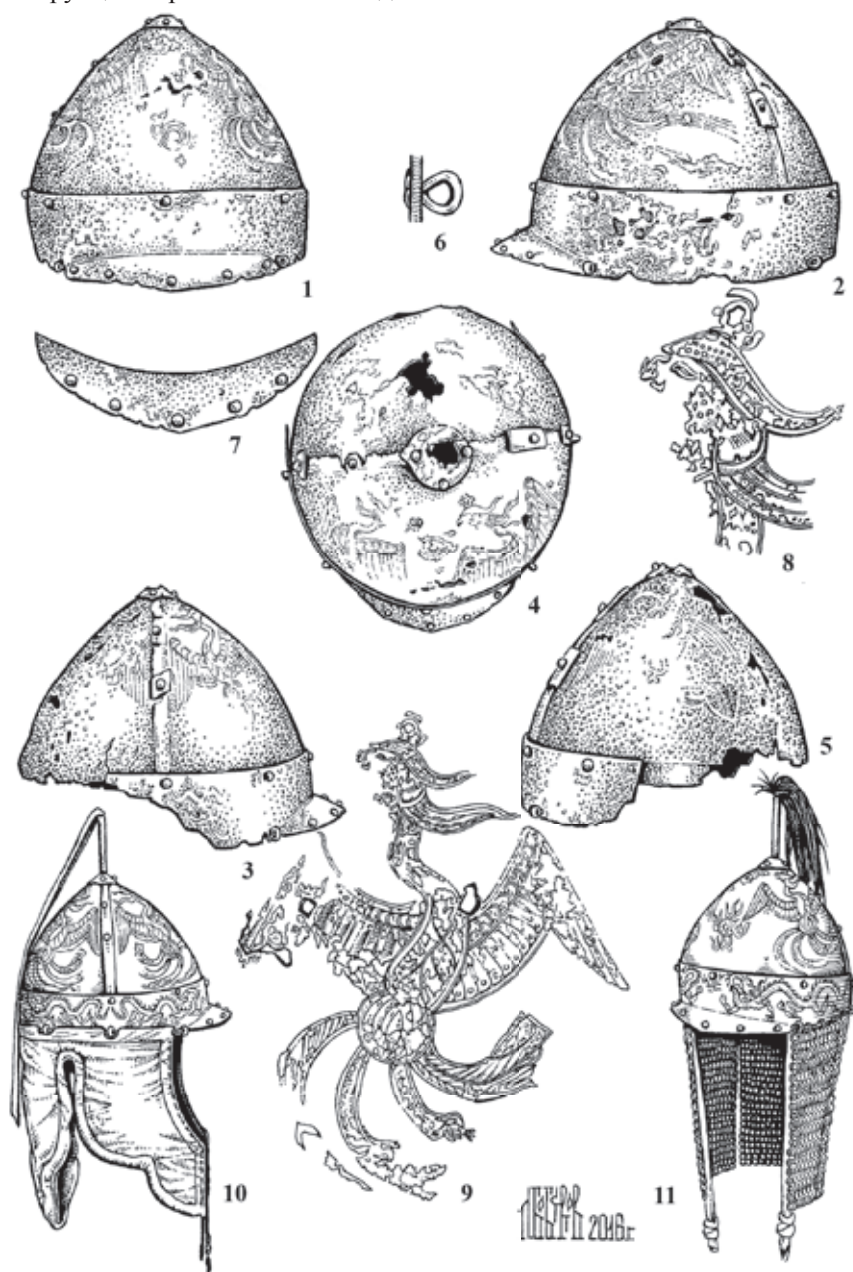

Рис. 1. Шлем из Сузунского бора (рисунки и реконструкции выполнены Л.А. Бобровым; без масштаба): 1 – вид спереди; 2 – вид слева; 3 – вид справа; 4 – вид сверху; 5 – вид сзади; 6 – петля для подвешивания бармицы; 7 – козырек (вид сверху); 8, 9 – изображение «феникса» на тугье шлема; 10, 11 – варианты реконструкции шлема

По материалу изготовления шлем относится к классу железных, по конструкции тульи – к отделу клепанных, по форме купола – к типу сфероконических (рис. 1; 2.-1). Общая высота наголовья 18,5–21 см, диаметр 21,5–22,5 см.

Тулья шлема склепана из двух широких пластин-секторов трапециевидной формы, соединенных на височных сторонах наголовья. При этом край передней (налобной) пластины незначительно перекрывает край задней (затылочной) пластины тульи (рис. 1.-2–5). Для того, чтобы купол шлема в месте их сочленения имел гладкую или хотя бы уплощенную поверхность, край затылочной пластины имеет небольшой Z-образный изгиб. При монтаже купола мастер состыковал железные сектора тульи таким образом, чтобы нижняя лопасть Z-образного изгиба располагалась под поверхностью налобной пластины, а та, в свою очередь, находилась строго на одном уровне с основной плоскостью затылочной пластины. Используя подобный технологический прием, оружейнику удалось добиться того, что клепаная тулья шлема получила практически ровную поверхность, и стало возможным прикрыть стыки пластин тульи узкими накладками с одним рядом заклепок. В результате места сочленения пластин-секторов тульи оказались защищены тремя слоями железного листа (края двух секторов и накладка), что должно было повысить надежность и жесткость конструкции, а следовательно, улучшить защитные характеристики наголовья в целом (рис. 1.-1–5; 2.-1).

Если предпринятые меры обеспечили хорошую сохранность мест стыковок секторов тульи*, то другие элементы купола шлема несут на себе следы сильных повреждений. В частности, три больших и несколько малых пробоин, а также вмятины фиксируются на затылочной пластине наголовья. Кроме того, ее правый нижний край вместе с фрагментом обруча обломан (рис. 1.-3–5). Согласно данным Осипова, это произошло в момент извлечения наголовья из земли (см. выше). Серия пробоин и разрывов присутствует и на налобной пластине шлема (рис. 1.-1, 2, 4).

Как уже отмечалось, стыки пластин-секторов, формирующих тулью «сузунского» шлема, прикрыты с внешней стороны специальными накладками. Последние представляют собой узкие (ширина – 1,3 см) железные полосы с гладкой поверхностью и ровным краем (рис. 1.-2–5). Несмотря на то, что накладки сохранились фрагментарно, система их сочленения с тульей шлема реконструируется с высокой степенью достоверности. Наиболее вероятно, что каждая накладка фиксировалась на куполе шлема с помощью пары железных заклепок, расположенных на центральной и верхней части железной полосы соответственно (рис. 1.-10; 2.-5–7; 3.-1). Кроме того, верхний край накладки, по всей видимости, зажимался подвершием, а нижний – обручем шлема.

Дополнительным фиксатором пластин тульи является железный обруч (ширина – 5 см), соединенный с тульей с помощью заклепок с массивными полусферическими шляпками**. Вдоль нижнего края обруча пробиты отверстия, в которые вставлены петли для крепления бармицы (см. ниже). Обруч сильно поврежден. Практически вся его задняя часть, а также значительный фрагмент на правой стороне наголовья обломаны и удалены. Кроме того, вмятины и пробоины фиксируются на левой части обруча. Возможно, данные повреждения были нанесены шлему в момент его извлечения из земли (см. выше).

Лицевая часть обруча выгнута в виде неширокого приостренного по центру и отогнутого вниз козырька шириной 2,5 см (рис. 1.-1–5, 7; 2.-1). Вдоль края козырька

* Даже после частичного удаления накладок швы на куполе шлема так и не разошлись.

** В настоящее время сохранилось шесть таких заклепок.

Рис. 2. Шлем из Сузунского бора: 1 – вид справа (фото Ю.И. Ожередова); 2 – голова феникса на левой стороне налобной пластины тульи шлема (фото Л.А. Боброва); 3 – феникс на правой стороне налобной пластины тульи (фото Ю.И. Ожередова); 4 – фениксы на затылочной пластине тульи (фото Ю.И. Ожередова); 5–7 – варианты реконструкции шлема (выполнены Л.А. Бобровым)

вбиты пять массивных заклепок, которые, возможно, служили для крепления передней лопасти матерчатого подшлемника (рис. 1.-7; 2.-5–7).

Венчает купол шлема небольшое конусовидное подвешие (диаметр – 3,5 см) со сквозным округлым отверстием для трубки-втулки для плюмажа (не сохранилась). Пластины тульи соединены с подвешием тремя заклепками с полусферическими шляпками (рис. 1.-4; 2.-2).

Вдоль нижнего края обруча вбиты три металлические петли (рис. 1.-1–3, 6). Две из них расположены по краям козырька шлема, еще одна помещена на левой стороне обруча. Каждая петля представляет собой узкую и уплощенную железную полосу, согнутую в виде каплевидного кольца. Концы петли пропущены в отверстия на обруче, расправлены и расклепаны на его внутренней стороне (рис. 1.-6). По всей видимости, первоначально наголовье было снабжено 7–9 петлями, служившими для подвешивания бармицы (рис. 1.-10, 11; 2.-5–7).

Значительный интерес представляют особенности декоративного оформления шлема из МАЭС ТГУ (рис. 1; 2).

Каждая из двух пластин тульи шлема украшена изображениями двух противостоящих китайских фениксов («фэнхуан»), выполненных в технике золотой насечки по металлу (рис. 1.-1–5, 8–9; 2). Лучшее сохранился феникс, расположенный на левой стороне налобной пластины шлема (рис. 1.-8, 9; 2.-2). Феникс изображен в полете (с поджатыми лапами) и обращен спиной к зрителю. Он представляет собой птицу с длинной S-образной шеей (так называемым змеиным горлом), завершающейся небольшой головой с узкими глазами, загнутым клювом, «петушиным гребнем» и коронообразным хохолком. Между головой и шеей развевается длинная «грива». Крылья феникса раскрыты. Тело птицы покрыто разводами, которые, возможно, символизируют узор черепашьего панциря*. Хвост состоит из четырех длинных и пышных перьев, оформленных, согласно канону, в виде плавников рыб [Чистякова, 2007]. Между парой фениксов помещено изображение некоего округлого предмета (рис. 1.-1), по всей видимости, пламенеющей жемчужины («хочжу»). Другие изображения на передней части пластины шлема могут быть интерпретированы как языки пламени, облака или, что менее вероятно, цветы (рис. 2.-1–4).

Если рисунок на тулье «сузунского» наголовья был неоднократно описан ответственными оружиеведами, то изображения на обруче шлема долгое время не привлекали к себе внимания исследователей. Это объясняется тем фактом, что большая часть золоченых рисунков на обруче шлема в настоящее время затерта. Однако проведенный детальный анализ сохранившихся фрагментов изображений позволил установить, что на налобной части обруча шлема были размещены фигуры зверей с длинными змееобразными телами, покрытыми чешуей. Наиболее вероятно, что налобная (и, возможно, затылочная) части обруча были украшены изображениями сходящихся золотых драконов-«цзиньлун», а также жемчужин (?), языков пламени и/или облаков** (рис. 2.-5–7).

* Согласно китайской традиции спина феникса напоминала «черепашью» или «драконью» спину [Чистякова, 2007].

** Данный оформительский мотив сохранялся на налобниках шлемов военной аристократии Восточной Азии вплоть до XIX в. [Бобров, 2007, с. 275, рис. 8]. Если атрибуция фигур на обруче как драконов-«цзиньлун» верна, то «сузунский» шлем представляет собой самое раннее известное боевое наголовье, оформленное в подобной стилистической манере. Еще один шлем с драконами эпохи Юань или ранней Мин хранится в собрании Лондонского Тауэра [Бобров, 2015, с. 94, 97]. Однако на данном наголовье изображены не идущие драконы «цзиньлун», а нисходящие драконы-«цзянлун».

Проведенный анализ шлемовых элементов также зафиксировал следы позолоты на пластинах-накладках, козырьке и подвешии шлема (рис. 2.-2, 4). Однако в данном случае говорить о наличии каких-то отдельных изображений на данных элементах наголовья затруднительно. Наиболее вероятно, что накладки, подвешии и, возможно, верхняя плоскость козырька шлема были целиком покрыты позолотой (рис. 2.-5–7).

В настоящее время открытым остается вопрос о воронении и лаковом покрытии поверхности «сузунского» шлема. Данная тема требует специального исследования.

Собранные данные позволяют реконструировать внешний вид шлема из Сузунского бора следующим образом (рис. 1.-10–11; 2.-5–7). Тулья наголовья была склепана из двух пластин-секторов, соединенных на височных сторонах шлема с помощью двух пар заклепок, вбитых в узкие уплощенные накладки с ровным краем. Каждая из двух пластин-сегментов тульи была украшена изображением двух противостоящих фениксов с пламенеющей жемчужиной-«хочжу» между ними. Поверхность пластин-накладок, прикрывающих стыки пластин тульи, была покрыта позолотой. Шлем был снабжен широким обручем, на котором помещалось две (?) пары сходящихся драконов-«цзиньлун», а также, возможно, пламенеющие жемчужины и облака. Все изображения были выполнены в технике золотой насечки по металлу. Передняя часть обруча была выгнута в виде приостренного козырька, который частично или целиком был покрыт позолотой. Венчало шлем наверхие, состоявшее из небольшого позолоченного воронковидного подвешия с трубкой-втулкой для плюмажа. В качестве такового могли использоваться пара матерчатых лент (рис. 1.-10; 2.-5), волосной (рис. 1.-11; 2.-7) или перьевой султан (рис. 2.-5–7). В петли на обруче шлема, вероятно, вставлялся металлический прут, к которому подвешивалась кольчатая, ламеллярная, ламинарная, пластинчато-нашивная или стеганая бармица (рис. 1.-10–11; 2.-5–7). Учитывая тот факт, что бармица не была обнаружена вместе со шлемом, последний вариант представляется наиболее вероятным (рис. 1.-10). По всей видимости, «сузунский» шлем имел кожаный или матерчатый подшлемник с лопастью-козырьком. Последний крепился к нижней стороне железного козырька шлема с помощью специальных заклепок (рис. 1.-7; 2.-5–7). Декоративный эффект в оформлении наголовья достигался за счет сочетания позолоченных фрагментов и изображений с блестящей (или, напротив, темной вороненой) тулей и обручем (рис. 2.-5–7). Вероятно, важную роль в украшении шлема играла также богато оформленная бармица и плюмаж (рис. 1.-10–11; 2.-5–7).

В завершение необходимо кратко остановиться на вопросе датировки и атрибуции шлема из Сузунского бора.

Ранее было высказано предположение о том, что рассматриваемое наголовье изготовлено в XIII–XIV вв. [Ожередов, Худяков, 2007, с. 98]. В настоящее время представляется возможным привести дополнительные аргументы в пользу предложенной датировки.

Клепанные шлемы с двухпластинчатой тулей, соединенной на боковых сторонах купола, являются относительно редкой разновидностью боевых наголовий кочевников Евразии развитого и позднего Средневековья. Известные образцы происходят с территории Восточной Европы, Сибири и Центральной Азии. Часть находок датируется монгольским временем [Горелик, 2010, с. 30, рис. 2.-3]. Позднейшие шлемы подобной конструкции относятся к XVII – началу XIX вв.* Важное значение при датировке «сузунского» шлема имеют особенности конструкции составляющих его элементов, а также декоративное оформление.

* См., например, шлем №1236 из собрания Государственного Эрмитажа.

Ближайшим конструктивным аналогом шлема из Сузунского бора является золотоордынский шлем, найденный на территории Приднестровья у с. Плоское в 13 км от Тирасполя (рис. 3.-2–7). Как и рассматриваемое наголовье, шлем из Приднестровья снабжен козырьком, широким обручем, узкими накладками с ровным краем, а также навершием, состоящим из конусовидного подвешива и трубки-втулки для плюмажа (рис. 3.-2–7)*. Широкий обруч (участвующий в формировании тульи) склепан у приднестровского шлема на боковых сторонах наголовья (рис. 3.-2), что напоминает технологический прием, использовавшийся оружейниками, изготовившими двухчастную тулью «сузунского» шлема, которая также склепана по височным сторонам купола (рис. 3.-1). Конусовидное подвешива «приднестровца» весьма напоминает «сузунский» аналог, хотя и имеет значительно большие размеры (рис. 3.-2–7). Еще одной особенностью, сближающей оба наголовья, является форма и конструкция накладок, прикрывающих стыки пластин тульи шлемов (рис. 3.-1–5). В обоих случаях накладки представляют собой узкие и гладкие железные полосы с ровным краем, которые фиксируются на поверхности купола наголовья с помощью двух заклепок, расположенных одна над другой (редкий конструктивный прием для средневековых наголовий номадов). Еще отметим, что на обоих рассматриваемых шлемах использовались схожие заклепки с очень массивными полусферическими шляпками, которые были вбиты не только в поверхность тульи, навершия и обруча, но и в плоскость «полки» козырька (рис. 3.-1–5).

Шлем из Плоского происходит из кургана, в котором, наряду с наголовьем, были обнаружены копье, топор, наконечники стрел, кольчуга, а также монеты золотоордынского хана Тохты (1290–1312 гг.). На основании последней находки шлем традиционно датируется концом XIII – началом XIV вв. Учитывая данный факт, было бы соблазнительно датировать тем же временным периодом и «сузунскую» находку. Однако рассматриваемые наголовья имеют не только сходства, но и важные конструктивные различия. В частности, несмотря на наличие накладок, тулья шлема из Приднестровья имеет не клепаную, а цельнокованую конструкцию**. Хотя в обоих случаях для подвешивания бармицы применялся металлический прут, система его крепления к тулье существенно различается. Если на приднестровском наголовье для этой цели используется специальный прорезной желоб***, то на «сузунском» шлеме – железные петли. Последний способ подвешивания бармицы в целом не характерен для азиатских наголовий ранее XV в. Рост популярности данного конструктивного элемента на шлемах азиатского производства пришелся на XV–XVI вв. [The Arts..., 2008, pp. 322–325; Alexander, 2015, pp. 66, 67, 69–73, 76–84, 87]. Обруч «сузунского» шлема значительно уже, чем у его молдавского аналога, и был, по всей видимости, склепан не на боковой стороне, а на затылке (рис. 3.-1). В целом, по своим размерам, конструкции и системе оформления, он гораздо ближе к обручам позднесредневековых шлемов Центральной Азии и Южной Сибири [Бобров, Худяков, 2008, с. 427–431, 435–438]. Козырек «сузунца» выгнут из обруча, а не представляет отдельную конструктивную деталь, как на приднестровском наголовье. Кроме того, на элементах «сузунского» шлема отсутствуют характерные «рубчики», типичные для ранних золотоордынских наголовий (рис. 3.-

* Ранее она часто ошибочно интерпретировалась в научной литературе как пиковидное острие.

** Авторы выражают признательность Ю.А. Кулешову за предоставленную информацию.

*** Данная система крепления бармицы типична для шлемов западной части Улуса Джучи XIII – 1-й половины XIV вв. [Горелик, 2002, с. 75; 2010, с. 30, 33].

2–5), а также знаменитый «маскарон», украшающий налобник наголовья из Плоского (рис. 3.-4, 7) и восходящий к рельефным налобным пластинам чжурчжэньских шлемов «цзиньского типа» [Бобров, 2007; Горелик, 2010, с. 38]*.

Приведенные факты позволяют предполагать, что «сузунский» шлем, хотя генетически близок к наголовью из Плоского, все же несколько моложе своего приднестровского аналога.

Существенную роль в уточнении атрибуции и датировки «сузунского» шлема играет его декоративное оформление. Образ феникса занимает исключительно важное место в традиционной культуре Китая, а по своей значимости уступает лишь дракону. Древнейшие орноморфные изображения на территории континентальной Восточной Азии восходят к эпохе неолита. Формирование классического образа китайского феникса происходило на протяжении правления династий Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), Тоба Вэй (386–534 гг.), Суй (581–618 гг.) и в целом завершилось в период династии Тан (618–907 гг.). В последующие исторические эпохи феникс продолжал оставаться одним из важнейших символов китайского изобразительного искусства. Пика своей популярности в качестве национального и государственного символа он достиг во времена правления императоров китайских династий Сун (960–1279 гг.) и Мин (1368–1644 гг.) [Чистякова, 2007].

Композиция из двух летящих в облаках фениксов, стремящихся к пламенеющей жемчужине, неоднократно встречается в материалах континентальной Восточной Азии периода развитого Средневековья (рис. 4; 5). Наиболее часто данный мотив фиксируется в качестве узора на шелковых тканях, орнаментации зеркал, посуды и т.д. Однако он также присутствует и на металлических головных уборах народов региона. Так, например, летящие с поджатыми ногами «коронованные» фениксы с длинной шеей, «гривой», петушиным гребнем и пышным хвостом изображены на налобниках корон представителей киданьской аристократии X–XI вв. Характерно, что фигуры фениксов на данных наголовьях дополнены, как и на шлеме из Сузунского бора, изображениями пламенеющей жемчужины, а также языков пламени или облаков (рис. 5.-1–2).

По всей видимости, мастер, выполнявший декоративное оформление «сузунского» шлема, вдохновлялся образом «фэнхуан юань», то есть китайского феникса, характерной чертой которого являлось оперение с преобладанием желтого цвета. Изображенный на наголовье образ «фэнхуан юань» с длинной изогнутой шеей, узкими глазами, загнутым клювом, петушиным гребнем, «гривой», раскрытыми крыльями и пышным хвостом (в своем классическом виде) сложился в Китае в эпоху династий Северная и Южная Сун (960–1127 гг., 1127–1279 гг.) и продолжал воспроизводиться на протяжении правления династий Ляо (907–1125 гг.), Юань (1271–1368), Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) [Кравцова, 2004, с. 390–391; Чистякова, 2007; Горелик, 2010б, с. 44, рис. 1, с. 47, рис. 4]. В эпоху монгольских завоеваний он был привнесен в Западную Азию, где оказался востребован (в том числе при оформлении предметов наступательного и защитного вооружения) на протяжении нескольких последующих столетий [Государева Оружейная Палата, 2002, с. 128, 129, 178, 179; *The Arts...*, 2008, pp. 27, 56, 57; Alexander, 2015, pp. 152, 153].

* Большинство аналогов шлема из Плоского происходят с территории западной части Улуса Джучи [Горелик, 2003, с. 231–234; 2010а, с. 29–35]. Также отметим, что общая компоновка купола (сочетание высокого цилиндрического обруча-основания и конической или сфероконической тульи) характерно не только для Приднестровья и соседних с ним территорий, но и для наголовий Северного Кавказа золотоордынского времени, с той только разницей, что на приднестровском шлеме элементы купола соединены заклепками, а на северокавказских образцах для этого часто использовалась сварка [Горелик, 2002, с. 75].

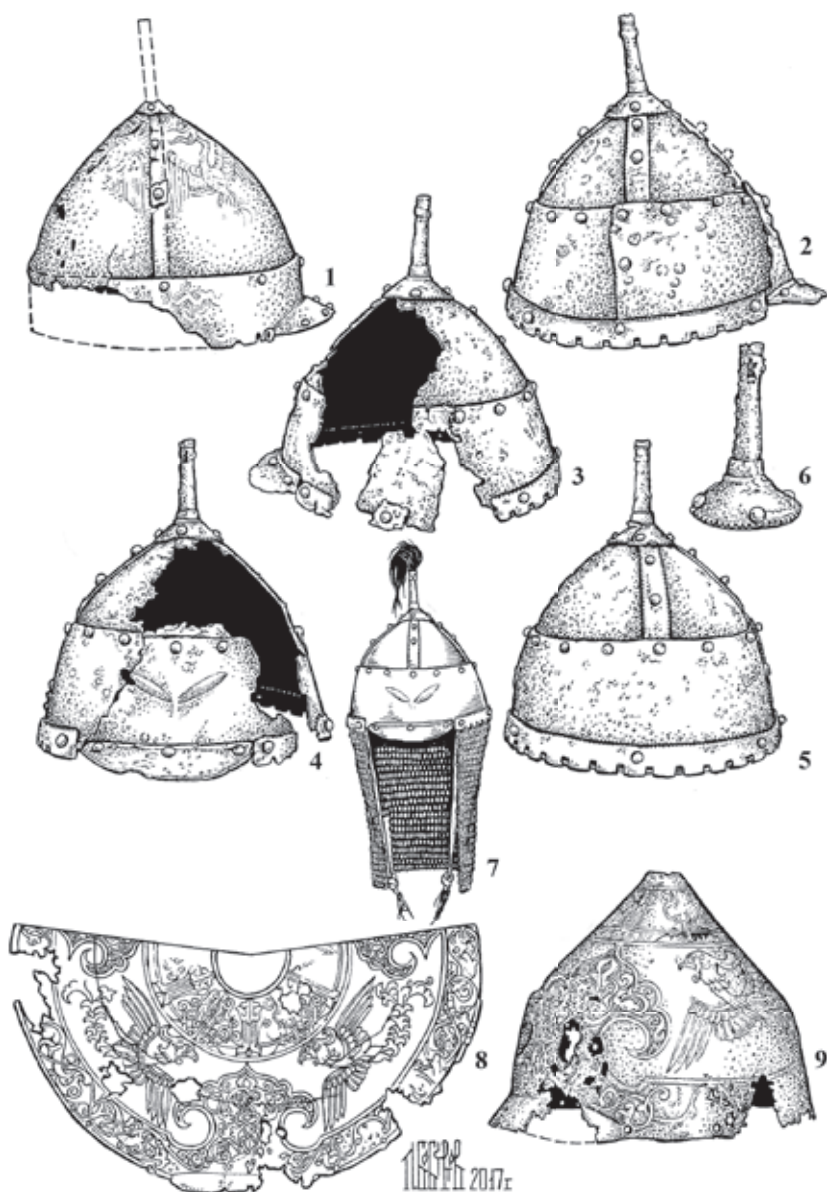

Рис. 3. Шлемы из Сузунского бора (1), из с. Плоское, Приднестровье (2–7, 7 – реконструкция) и Венгерского национального музея (8, 9) (рисунки и реконструкция выполнены Л.А. Бобровым, без масштаба)

Интерпретации комбинированных парных изображений фениксов и драконов в научной литературе весьма разнообразны*. Учитывая тот факт, что в данном случае они нанесены на предмет защитного вооружения, наиболее вероятно их трактовка

* В юаньском и минском изобразительном искусстве данный мотив прослеживается также в рисунках на шелке, настенных росписях, керамике, гравированных и чеканных изображениях по металлу и т.д. (рис. 5.-3).

Рис. 4. Изображения фениксов на «сузунском» шлеме (1), юаньских (2, 5, 6), минских (3, 4, 7, 8), среднеазиатских (9, 10), иранских (12, 13) изобразительных материалах XIII–XVI вв., шлеме из Венгерского национального музея (11)

как символа власти и одновременно благопожелание долгих лет жизни. В Минском Китае фраза «Феникс парит и летает дракон» означало «Правление могущественного и мудрого монарха». В то же время императоры династии Тан традиционно получали в день своего рождения блюдо, украшенное парой фениксов, что символизировало пожелание долголетия [Чистякова, 2007].

В настоящее время известны три ориентальных наголовья развитого Средневековья, на тулье которых помещены изображения птиц с раскрытыми крыльями. Наряду с рассматриваемым образцом защитного вооружения из Сузунского бора, это упомянутое выше наголовье из Венгерского национального музея (датированное М.В. Гореловым 2017).

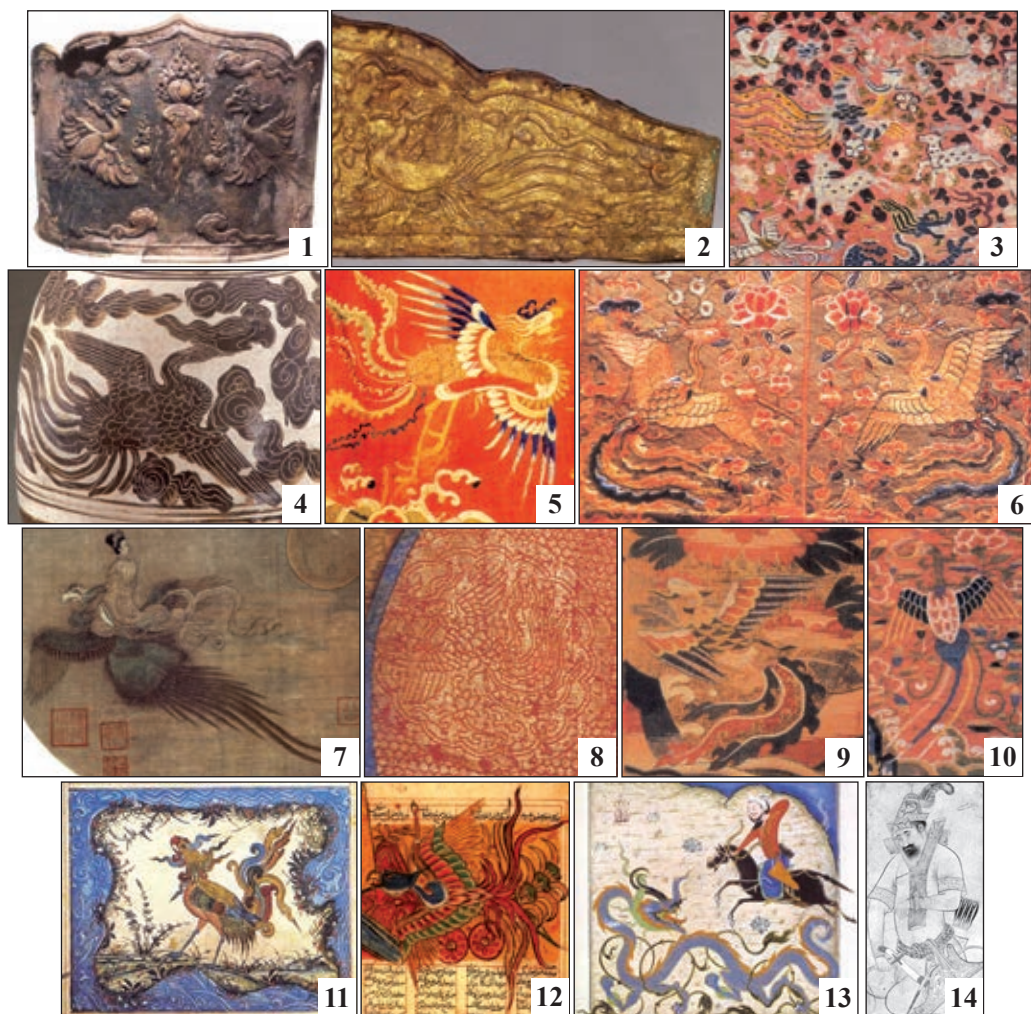

Рис. 5. Изображения фениксов и драконов в ляосском (1, 2), юаньском (3, 4, 8), минском (5, 6, 9, 10), сунском (7) и иранском (11, 12, 13, 14) изобразительном искусстве: 1 – позолоченная серебряная киданьская корона, X–XI вв., частн. колл. (по: [Горелик, 2010б, с. 47]); 2 – фрагмент киданьской золотой короны, X–XI вв., музей Чифэн (Улан-Хад), хошун Оннод, АР Внутренняя Монголия КНР (2, 4–7, 9, 10 – по: [Чжунго чжисю фуши цюаньцзи (Полное собрание китайской вышивки и украшений для одежды, [том] 4). Тяньцзинь : Тяньцзинь жэньминь мэйшу чубаньшэ (Тяньцзиньское нар. изд-во изящных искусств), 2004. 506 с. (на кит. яз.)); 3 – изображения фениксов и драконов на шелке, империя Юань (1271–1368), частн. колл. (по: [Горелик, 2010б, с. 75]); 4 – юаньский сосуд, музей уезда Учунань г. Хух-Хото, АР Внутренняя Монголия КНР; 5, 6, 9, 10 – изображения фениксов на шелке, империя Мин (1368–1644); 7 – фрагмент раскрашенной картины на шелковом веере «Небожительница верхом на фениксе», империя Сун (960–1279), Гугун, Пекин; 8 – изображение феникса на ленте юаньской пелерины, 1-я половина – середина XIV в., Гугун, Пекин (по: [Горелик, 2010б, с. 63]); 11 – «Манафи аль-хайаван» Ибн Бактишу, Марага, 1298 г., б-ка Моргана, г. Нью-Йорк (11–13 – по: [Веймарн Б.В. Классическое искусство стран Ислама. М. : Изд. дом «Искусство», 2002. 496 с.]); 12 – «Шах-наме» Фирдоуси, Шираз, 1331 г., б-ка музея Топкапы, Стамбул; 13 – «Шах-наме» Фирдоуси, Шираз, 1370 г., б-ка музея Топкапы, Стамбул; 14 – «Пленный степняк», иранская миниатюра, середина XVI в. (фото К.З. Ускенбая)

ликом концом XIII в.), а также, возможно*, шлем из Городца середины XIII – начала XIV в. [Горелик, 2002, с. 77; Негин, 2013, с. 34, 36, 67]. Но два последних наголовья имеют принципиальные конструктивные отличия от шлема из Сузунского бора**. Кроме того, сам факт помещения изображения феникса на клинок или шлем, конечно, не означает, что предмет был изготовлен в эпоху существования Великой Монгольской империи. Как и во многих других случаях, изобразительная традиция оказалась намного более живучей, чем государственное образование (рис. 5.-12–13). На османском и иранском вооружении украшения в виде фигур фениксов продолжали применяться вплоть до XVI в. включительно [Государева Оружейная Палата, 2002, с. 128, 129, 178, 179; *The Arts...*, 2008, pp. 27, 56, 57; Alexander, 2015, pp. 152–153]. У тюркоязычных кочевников Средней Азии традиция размещения фениксов на головных уборах также сохранилась как минимум до середины XVI в. (рис. 4; 5.-14)***.

В данной связи для датировки находки из Сузунского бора значительный интерес представляют стилистические особенности изображения птиц на тулье шлема.

До нашего времени дошли несколько сотен изображений фениксов периодов развитого и позднего Средневековья, выполненных мастерами континентальной Восточной Азии и Мусульманского Востока (рис. 4; 5). Проведенный сравнительный анализ показал, что по стилистике изображения феникс на «сузунском» шлеме наиболее близок своим собратьям в юаньской, ранней минской, а также (в меньшей степени) переднеазиатской иконографии конца XIII–XV вв. (рис. 4; 5). При этом, по сравнению с птицей на шлеме из Венгерского национального музея (рис. 3.-8–9), «сузунский» феникс более «ориентален» и близок к своим дальневосточным прототипам (рис. 4.-2–8). Так, в частности, если корпус «венгерского» феникса расположен почти горизонтально, а сам он имеет короткую шею и характерный трубчатый хвост (рис. 3.-8; 4.-11), хорошо известный по иранской миниатюре XIV в. (рис. 4.-12; 5.-12), то его «сузунский» собрат отличается вертикально расположенным корпусом, длинным и изогнутым «змеиным горлом», а также пышным хвостом из широких и длинных перьев (рис. 4.-1). Данные элементы, а также коронообразные хохолки в комбинации с «петушиным гребнем», «гривой», полураскрытыми крыльями и характерной формой тела типичны для изображений дальневосточных фениксов конца эпохи Юань и начала Мин (рис. 4; 5.-3–6, 8–10).

* Рисунок на шлеме из Городца сильно затерт, поэтому атрибуция птицы как феникса носит предположительный характер [Негин, 2013, с. 34].

** Оба упомянутых экземпляра защитного вооружения снабжены цельнокованой тульей, а шлем из Городца имеет альтернативную систему защиты лица. Так, в частности, вместо козырька на нем используется железная полумаска [Горелик, 2002, с. 77; Негин, 2013].

*** Интересно, что орнамент на колпаке кочевника-узбека на иранской миниатюре весьма близок рисунку на тулье цельнокованого шлема из Венгерского национального музея. Так, в частности, в обоих случаях изображения фениксов соседствуют с характерным орнаментом и «имперскими» трехлепестковыми бутонами с отогнутыми в сторону боковыми лепестками (рис. 3.-8, 9; 4.-11, 13; 5.-14). Данный факт, а также конструкция и форма купола шлема из Венгерского национального музея позволяют предположить, что он был изготовлен позднее конца XIII в., вероятно в XIV – начале XV вв. В пользу данной версии свидетельствуют изображения трехлепестковых цветочных бутонов в комбинации с парами противостоящих птиц (фениксов?) на шелковых ламбрекенах Средней Азии последней трети XIV в. [Горелик, 2011, с. 89]. Также хотели бы обратить внимание на тот факт, что тот же мотив в виде трехлепестковых «имперских» цветочных бутонов (но уже без фениксов) фиксируется на знаменитых шлемах с личинами XV–XVI вв. (ОР-2055; ОР-2056) из собрания Оружейной Палаты Московского Кремля.

Таким образом, на основании особенностей конструкции и системы оформления, шлем из Сузунского бора может быть датирован самым концом XIII – началом XV вв. Наиболее вероятной датой изготовления шлема, по всей видимости, следует считать середину XIV в.

Значительно сложнее определить место изготовления рассматриваемого наголовья. В условиях существования синкретичной имперской чингизидской культуры, распространившейся от Китая до Восточной Европы, место возможного изготовления шлема, конечно, не может быть ограничено исключительно Хулагуидским и Постхулагуидским Ираном. Сочетание подчеркнуто ориентального (юаньско-минского) декоративного оформления с конструктивными решениями, характерными для западных районов бывшей Монгольской империи, позволяет выделить еще, как минимум, два возможных центра изготовления шлема – городские мастерские чагатайско-угэдэидской* Средней Азии и джучидской Золотой Орды**. При этом в любом из указанных случаев заказчиком и первоначальным владельцем наголовья, украшенного золотой насечкой, являлся представитель высшей знати одного из Чингизидских государственных образований.

По всей видимости, богато оформленный шлем продолжал использоваться на протяжении длительного исторического периода. В этой связи мы солидаризуемся с ранее высказанным мнением о том, что шлем мог оказаться «...в Сузунском бору в результате бурных событий, связанных с распадом Золотой Орды, борьбой за власть между Шейбанидами и Тайбугидами в Сибирском ханстве, когда военно-политические и культурные связи со Средней Азией были особенно сильны» [Ожередов, Худяков, 2007, с. 99].

Библиографический список

Археологический музей Томского университета. Томск : Типография Михайлова и Макушина, 1888. 155 с.

Бобров Л.А. Шлемы «цзиньского» типа: конструктивные особенности и вопросы эволюции // История и культура Улуса Джучи. Казань : АН РТ, 2007. С. 267–287.

Бобров Л.А., Пастухов А.М., Белоусова Н.Е. Шлемы цинских императоров XVII – начала XVIII вв. (по материалам Хуанчао лица туши) // Общество и государство в Китае. Т. XLV, ч. 1. М. : Институт востоковедения РАН, 2015. С. 90–101.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб. : Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М. : ООО «Вост. горизонт», 2002. 84 с.

Горелик М.В. Монголо-татарские шлемы с маскаронами // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX века. Владивосток : Дальнаука, 2010а. С. 28–43.

Горелик М.В. Введение в историю раннего монгольского костюма X–XIV века (по изобразительным источникам) // Батыр. 2010б. №1. С. 16–79.

* В том числе раннетимуридской.

** Принимая во внимание значение Джучидов для истории Западной Сибири, а также учитывая тот факт, что ближайшая аналогия «сузунского» шлема происходит с территории Приднестровья, версия золотоордынского происхождения шлема не представляется чем-то невероятным. В случае золотоордынской атрибуции шлема можно предполагать, что в качестве образца декоративного оформления могли использоваться изображения фениксов на предметах средне- и восточноазиатского импорта.

Горелик М.В. Костюм золотоордынца из погребения у хутора Тормосин (проблема монгольской нераспашной одежды и других элементов костюма) // Батыр. 2011. №2. С. 59–91.

Кравцова М.Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая. СПб. : Лань : ТРИАДА, 2004. 960 с.

Негин А.Е. Шлем из Городца. Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2013. 96 с.

Ожередов Ю.И., Худяков Ю.С. Сузунский шлем // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. №1 (29). С. 93–99.

Отношение главного инспектора училищ Западной Сибири в Строительный комитет о передаче железного шлема в Сибирский университет // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 17. Л. 72–72об.

Отношение Строительного комитета главному инспектору училищ Западной Сибири о получении железной каски, пожертвованной для музея Сибирского университета // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 17. Л. 73.

Примечания к описанию Археологического музея Сибирского университета. Томск : Типография Михайлова и Макушина, 1888. 276 с.

Чистякова А.Н. Происхождение и эволюция образа феникса в культуре Китая по данным археологии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2007. 26 с.

Alexander D.G. Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art. New York : The Metropolitan Museum of Art, 2015. 336 p.

The Arts of the Muslim Knight. The Furusiyya Art Foundation Collection. Milan : Skira, 2008. 416 p.

References

Arkheologicheskiy muzey Tomskogo universiteta [Archaeological Museum of Tomsk University]. Tomsk : Tipografiya Mikhaylova i Makushina, 1888. 155 p.

Bobrov L.A. Shlemy “tszin’skogo” tipa: konstruktivnye osobennosti i voprosy evolyutsii [Helmets of “Jin” Type: Constructive Features and Evolution Issues]. Istoriya i kul’tura Ulusa Dzhuchi [History and Culture of Ulus Juchi]. Kazan’ : AN RT, 2007. P. 267–287.

Bobrov L.A., Pastukhov A.M., Belousova N.E. Shlemy tsinskikh imperatorov XVII – nachala XVIII vv. (po materialam Khuanchao litsi tushi) [Helmets of the Qing Emperors of the 17th – early 18th Centuries (Based on the Materials of Huangchao Lycie Carcasses)]. Obschestvo i gosudarstvo v Kitae. T. XLV, ch. 1 [Society and the State in China. Vol. XLV, Part 1]. M. : Institut vostokovedeniya RAN, 2015. S. 90–101.

Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral’noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov’ya i Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII vv.) [Arms and Tactics of Nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Middle Ages and New Times (the 15th – First Half of the 18th I Century)]. SPb. : Fak-t filologii i iskusstv SPbGU, 2008. 770 p.

Gorelik M.V. Armii mongolo-tatar X–XIV vv. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie [Army of Mongol-Tatars of the 10th–14th Centuries. Military Art, Equipment, Weapons]. M. : OOO “Vost. Gorizont”, 2002. 84 p.

Gorelik M.V. Mongolo-tatarskie shlemy s maskaronami [Mongol-Tatar Helmets with Mascarons]. Voennoe delo v Aziatsko-Tikhookeanskom regione s drevneyshikh vremen do nachala XX veka [Military Art in the Asia-Pacific Region from Ancient Times to the Beginning of the 20th Century]. Vladivostok : Dal’ nauka, 2010a. Pp. 28–43.

Gorelik M.V. Vvedenie v istoriyu rannego mongol’skogo kostyuma X–XIV veka (po izobrazitel’nym istochnikam) [Introduction to the History of the Early Mongolian Costume of the 10th–14th Century (according to Figurative Sources)]. Batur. 2010b. №1. Pp. 16–79.

Gorelik M.V. Kostyum zolotoordyntsa iz pogrebeniya u khutora Tormosin (problema mongol’skoy neraspashnoy odezhdy i drugih elementov kostyuma) [Costume of the Golden Horde from the Burial at the Tormosin Farm (the Problem of Mongolian Close Clothing and Other Elements of the Costume)]. Batur. 2011. №2. Pp. 59–91.

Kravtsova M.E. Mirovaya khudozhestvennaya kul’tura. Istoriya iskusstva Kitaya [World Art. History of Art in China]. SPb. : Lan’ : TPIADA, 2004. 960 p.

Negin A.E. Shlem iz Gorodtsa [The Helmet from Gorodets]. Nizhniy Novgorod : Izd-vo NNGU, 2013. 96 p.

Ozheredov Yu.I., Khudyakov Yu.S. Suzunskiy shlem [Suzun Helmet]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2007. №1 (29). Pp. 93–99.

Otnoshenie glavnogo inspektora uchilishch Zapadnoy Sibiri v Stroitel'nyy komitet o peredache zheznogo shlema v Sibirskiy universitet [The Resolution of the Chief Inspector of the Schools of Western Siberia to the Construction Committee on the Transfer of the Iron Helmet to Siberian University]. *GATO*. F. 103. Op. 1. D. 17. L. 72–72ob.

Otnoshenie Stroitel'nogo komiteta glavnomu inspektoru uchilishch Zapadnoy Sibiri o poluchenii zheznogo kaski, pozhertvovannoy dlya muzeya Sibirskogo universiteta [The Resolution of the Construction Committee to the Chief Inspector of the Schools of Western Siberia about the Receipt of the Iron Helmet Donated for the Museum of Siberian University]. *GATO*. F. 103. Op. 1. D. 17. L. 73.

Primechaniya k opisaniyu Arkheologicheskogo muzeya Sibirskogo universiteta [Notes on the Description of the Archaeological Museum of the Siberian University]. Tomsk : Tipografiya Mikhaylova i Makushina, 1888. 276 p.

Chistyakova A.N. Proiskhozhdenie i evolyutsiya obraza feniksa v kul'ture Kitaya po dannym arkheologii : avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk [The Origin and Evolution of the Image of the Phoenix in the Culture of China according to Archaeology: Synopsis of the Dis. ... Cand. Hist. Sciences. Novosibirsk, 2007. 26 p.

Alexander D.G. *Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art*. New York : The Metropolitan Museum of Art, 2015. 336 p.

The Arts of the Muslim Knight. The Fursiyya Art Foundation Collection. Milan : Skira, 2008. 416 p.

L.A. Bobrov, Yu.I. Ozheredov

ONCE AGAIN ABOUT THE “SUZUN” HELMET

The article considers a riveted iron helmet stored in the funds of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia of Tomsk State University. The headpiece was found in the late 19th century in the Suzunsky pine forest in the vicinity of the Osinino lake (currently – the Suzunsky district of the Novosibirsk region). The helmet has already twice been the object of scientific research (in 1888 and 2007). The present work analyzes the elements of the helmet design which have not previously attracted the attention of researchers (the system of attaching of a camail, images of dragons on a hoop, etc.), and variants of the original type of headpiece are reconstructed. The previous assumption about the dating of the helmet to the periods of the developed and late Middle Ages has been confirmed. It is established that the closest constructive analogue of the considered sample of protective weapons is the Golden Horde helmet of the end of the 13th – early 14th centuries found on the territory of Transnistria in the Ploskaya village. The most exact analogues of phoenix images on the crown of the helmet originate from the territory of the Yuan and Minh China in the 14th–15th centuries. Based on the analysis of the design and the decorative design system, the Suzun helmet is dated to the end of the 13th – early 15th centuries. The most probable date for manufacturing a helmet is the mid-14th century. The question of the place of production of the helmet remains open. Along with Iran, it could have been forged in the urban craft centers of Central Asia or the Golden Horde. The customer and the first owner of the helmet was probably the noble warrior of one of the Chingizid states of the period under consideration. Apparently, the richly decorated headpiece continued to be used for a long historical period. On the territory of Western Siberia, it could fall in the course of military conflicts caused by the disintegration of the Golden Horde.

Key words: Western Siberia, Mongolian Empire, Iran, Golden Horde, protective weapons, helmet.

ОСОБЕННОСТИ ОРУЖЕЙНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЕВРОПЕЙСКИХ И СИБИРСКИХ ГРУПП СЛУЖИЛЫХ ТАТАР МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XVI–XVII вв.*

Оружиеведческие исследования последних лет, осуществленные автором настоящей статьи и сибирскими специалистами, позволили реконструировать оружейный комплекс служилых татар Московского государства XVI–XVII вв. на восточноевропейских и западносибирских материалах. Дальнейшее рассмотрение данного вопроса позволило сделать вывод о том, что оружейный комплекс этой категории служилых людей не был единым в европейской и сибирской частях Московского государства. Различия проявляются прежде всего в разной широте распространения металлического защитного вооружения, наборе наконечников стрел, а отчасти и в ассортименте оружия ближнего боя. Сибирские служилые татары в целом отличаются от сослуживцев из европейской части России частым использованием металлических корпусных доспехов и боевых наголовий, более широким ассортиментом оружия ближнего боя. Эти различия были вызваны особенностями исторического и социально-экономического развития двух регионов, социально-экономическим положением служилых татар Предуралья и Зауралья, а также спецификой местных военно-политических условий.

Ключевые слова: служилые татары, Московское государство, военное дело, комплекс вооружения.

DOI: 10.14258/traip(2017)3(19).-03

В статье рассмотрен вопрос о наличии единого оружейного комплекса западно-сибирских и восточноевропейских служилых татар Московского государства XVI–XVII вв.

Вплоть до недавнего времени оружейный комплекс российских служилых татар не привлекал должного внимания исследователей. Также крайне плохо была разработана тема их военного дела в целом. Отдельные ее аспекты затрагивались в ряде работ по событийной и социальной истории служилых татар, но специальные исследования практически отсутствовали. Подробный обзор историографии вопроса дан в двух специальных статьях [Илюшин, 2013; 2015б]. Вооружение и тактика европейских групп служилых татар представлены нами в ряде работ [Илюшин, 2014б; 2015а; и др.]. Сибирскими оружиеведами рассмотрены наступательное и защитное вооружение сибирских, в том числе служилых, татар XVI–XVII вв. [Худяков, 2007; Бобров, 2011а–б; 2013; Бобров, Багрин, 2014; Бобров, Худяков, 2011; Герасимов, 2013; и др.]. Однако сибирские материалы еще не сравнивались с европейскими. В нашей статье предпринята попытка такого сравнения.

Источниковую базу исследования составляют вещественные (археологические и музейные), письменные и изобразительные материалы. В Сибири это, прежде всего, предметы вооружения из оружейных коллекций, принадлежавшие служилым татарам, и татарских погребальных памятников. Изобразительные и письменные источники дополняют картину. На русскую службу шли представители местной татарской военной знати, бывшие воины Сибирского ханства [Наказ..., 1937, с. 357; Бахрушин, 1937, с. 68]. Поэтому привлечение материалов из памятников сибирских татар последней четверти XVI–XVII вв. для установления особенностей оружейного комплекса служи-

* Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект №1. 4539. 2017/8.9).

лых татар правомочно (в качестве сравнительного материала привлечены предметы из памятников дорусского периода). Для анализа вооружения из европейской части страны были привлечены археологические материалы из городов – центров дислокации и сборов служилых татар, многочисленные письменные и изобразительные источники европейского и русского происхождения.

Уже рассмотрение путей пополнения арсенала показывает определенные различия в комплексе вооружения сибирских и европейских групп.

Татары, отъезжающие в Московию из ханств и степных улусов, поступали на русскую службу со своим оружием. В рассматриваемый период по ряду причин (сокращение производственной базы после упадка городов и обеднение в постзолотоордынский период номадов вследствие смещения основных торговых путей) [Бобров, 2016, с. 232–233; История татар..., 2014, с. 686] для небогатых кочевников Восточной Европы было характерно слабое распространение металлических доспехов и дефицит оружия ближнего боя при широком использовании импортного защитного и наступательного вооружения знатью. Длинноклинковое оружие и металлические доспехи приобретались у народов Северного Кавказа, Ирана, Московии, Османской Турции [Дженкинсон, 1937, с. 172; Йовий, 1997, с. 289; Бобров, 2016, с. 233]. Лучше обстояло дело с обеспечением номадов саадаками. Луки, стрелы, налучи, колчаны изготовлялись степными мастерами или импортировались к татарам и ногайцам из Крыма или Ирана через Астрахань [Дженкинсон, 1937, с. 172].

Со временем доспехи и оружие приходили в негодность, а стрелы нужно было пополнять во время походов регулярно. Поэтому состоятельные служилые татары продолжали приобретать импортное оружие, широко представленное на рынках Руси [Фехнер, 1956, с. 92].

Важным источником обеспечения служилых татар европейской части Московии оружием стали русские мастерские. Со 2-й половины XV в. наблюдается «ориентализация» русского комплекса вооружения. Московские мастера начинают изготавливать оружие и доспехи по восточным (в первую очередь османским и иранским) образцам. Процесс перехода служилых татар на оружие русского производства был обусловлен и высоким качеством изделий московских ремесленников, продукция которых экспортировалась даже в страны Ближнего и Среднего Востока [Фехнер, 1956, с. 53–54, 56]. Более того, оружие русского производства закупалось татарскими ханами [Контарини, 1971, с. 220] и могло попадать к выезжающим на русскую службу татарам еще до поселения на Руси.

В XVII в. среди российских служилых людей распространяются предметы вооружения европейского образца. Не остались в стороне от этого процесса и служилые татары. Так, известно, что у сибирского царевича Азима б. Кучума (переведенного на службу в европейскую часть Московии) имелся шведский самопал [Беляков, 2011, с. 132]. Есть сведения о наличии у служилых татар и ногаев польских сабель [Трепавлов, 2013, с. 169], немецких карабинов [Фролов, 2017, с. 50]. Предметы вооружения европейского типа проникали, судя по всему, и к татарам Урала и Сибири [Бобров, 2014, с. 52–59].

Известно об использовании ногайцами, в то время массово переходившими в русское подданство, предметов вооружения кавказского производства [Трепавлов, 2013, с. 169–170].

Еще одним источником поступления вооружения служилым татарам были военные трофеи и добыча [Принц Даниил..., 1876, с. 31]. В 1493 г. хан Менгли-Гирей предъявил Ивану III список награбленного ими у крымских послов. В числе прочего там значатся: панцирь, шлем, тягеляй и сабля, а также саадаки и сабли восемнадцати сего спутников [Посольство..., 1884, с. 175–176]. Один из двух панцирей Ермака забрал татарский мурза Кайдаул, перешедший позже на русскую службу [Миллер, 1937, с. 263–265].

Л.А. Бобров [2011а–б; 2013] подробно рассмотрел вопросы происхождения защитного вооружения сибирских татар конца XVI – XVII вв. До включения сибирских татар в состав Московии и начала массовой миграции ойратов часть вооружения поступала в Сибирь преимущественно из Средней Азии. Позднее стал преобладать импорт из Восточной Европы, меньше – из Центральной Азии и Южной Сибири. Помимо импорта, важным источником поступления вооружения к татарским воинам было собственное сибирское производство, существовавшее со времен Сибирского ханства [Бобров, 2011а–б; 2013].

Таким образом, уже рассмотрение каналов пополнения арсенала показывает определенные различия в оружейном комплексе сибирских и европейских групп служилых татар: в первом случае – это большее распространение предметов русского ремесленного производства по «восточным» образцам или «восточного» же импорта (османского, крымского и иранского), а также оружия европейского типа с XVII в. Во втором – сохранение местного производства, ориентированного на местные, средне- и центральноазиатские традиции, значительный импорт из Средней и Центральной Азии.

Служилые татары ценились русскими властями прежде всего как высококлассные конные воины. Как показывает анализ источников, основным оружием служилых татар и в европейской части государства, и в Сибири был саadak (лук и стрелы). Состоятельные воины могли использовать в ближнем бою также сабли [Илюшин, 2015а, с. 5–12]. Однако различий в оружейном комплексе у «европейских» и сибирских служилых татар обнаруживается немало. Прежде всего это касается степени распространения металлического защитного вооружения.

Исследования сибирских оружейников показывают, что для служилых татар Сибири было характерно достаточно широкое распространение металлического защитного вооружения [Бобров, 2011а, с. 106–120]. На руках у татар имелись сотни единиц «пансырей». Если учесть, что в Сибири служилых татар насчитывалось менее тысячи, можно оценить широту распространения защитного вооружения среди них. Известны постановления властей о закупке у местного населения «самых добрых пансырей» (в одном случае – 100 шт.) [Бобров, 2011а, с. 111–112]. Другим показателем распространения доспехов среди сибирских служилых татар является то, что до нас дошло относительно много их экземпляров [Бобров, 2013, с. 217]. Проживавший в Тобольске в 1676 г. Ю. Крижанич писал о сибирских татарах как о «латниках и копейщиках» [Бобров, 2013, с. 211]. Другие источники также убедительно свидетельствуют о широком распространении среди служилых сибирских татар защитного вооружения.

Имеющиеся материалы позволяют выделить несколько типов кольчатых и пластинчато-нашивных корпусных доспехов, которые могли использовать сибирские служилые татары.

Тип 1. Кольчатый панцирь с короткими рукавами и коротким подолом [Бобров, 2013, с. 217–219].

Тип 2. Кольчатый панцирь со сплошным осевым разрезом («куртка») [Бобров, 2013, с. 219–220; Самигулов, 2011, рис. 2].

Тип 3. Корсет-кираса с пластинчато-нашивной системой бронирования («куяк») [Герасимов, 2013, с. 170–180].

Как показали наши предыдущие исследования, ситуация в европейской части Московии выглядит иначе. Металлическое защитное вооружение имелось тут у служилых татар очень редко [Илюшин, 2013, с. 148–152]. И если во 2-й половине XV в. оно еще могло встречаться у татар сравнительно часто (возможно, вместе с длинно-древковым оружием) [Илюшин, 2015в, с. 12–19], то к концу века положение меняется.

Сигизмунд Герберштейн, описывающий татар 1-й четверти XVI в., сообщал следующее: «Если же им приходится сражаться на узком пространстве, то такой способ боя уже неприменим (обстрел противника с расстояния. – *И.Б.*), и поэтому они пускаются в бегство, так как не имеют ни щитов, ни копий, ни шлемов, чтобы противостоять врагу в правильной битве» [Герберштейн, 1988, с. 168].

О служилых татарах 2-й половины XVI – 1-й половины XVII вв. европейцы писали как о воинах, не имевших доспехов (по крайней мере, привычных для Европы металлических). Это видно как по косвенным данным [Дзялынскый, 1897, с. 28–30; Дневник..., 1995, с. 132–133], так и по прямым заявлениям [Ульфельдт, 2002, с. 295]. О том же говорят редкие документы по служилым татарам – разборные десяти за 1622 г. [РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. К. 112. Л. 1–18; РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. К. 177. Л. 1–56. Л. 47об.]. Показательна и опись награбленного «ворами» (во время восстания Разина, 1667–1669 гг.) имущества у татарского князька. Среди многочисленных вещей, включающих дорогую одежду, холодное и огнестрельное оружие, защитное вооружение не упоминается [Фролов, 2017, с. 50].

Вещественные материалы по защитному вооружению, которое могло принадлежать представителям европейских групп служилых татар, нам обнаружить не удалось. Это также является показателем редкости металлических доспехов у этой группы служилых людей.

Отметим, что и русские дворяне в XVI–XVII вв. далеко не все имели защитное вооружение [Чернов, 1954, с. 79–80].

К числу элементов оружейного комплекса служилых татар можно отнести тягеля – «мягкие» стеганные на вате «панцири». Такой вывод обусловлен широким распространением данного вида корпусной защиты среди воинов Московского государства, татарских ханств и литовских татар, а также упоминанием его среди трофеев, взятых мещерскими казаками у крымских послов.

Тягеляй (от старомонгольского *дэгэль* – «одежда», совр. монг. *дээл*) представлял собой толстый стеганный халат, подбитый ватой или шерстью, часто с широкими рукавами до локтя и высоким стоячим воротником. Данный тип «мягкого» доспеха бытовал в XV–XVII вв. от Руси до Ирана и Азербайджана (где, по некоторым предположениям, и возник и откуда затем попал в оружейный комплекс ордынских воинов) [Горелик, 1983, с. 250]. На картине «Битва под Оршей» (рис. 4) литовские служилые татары одеты в тягеляй разных цветов, с короткими широкими рукавами и высоким стоячим воротником. На картине Альтдорфера «Битва Александра» также изображены «восточные лучники» (в которых угадываются татары XVI в.) в типичных тягелях (рис. 5).

Наименее материально обеспеченные служилые татары (а основная их масса как раз и состояла из мелкопоместных служилых) для защиты корпуса могли использовать «шубы», а для защиты головы – шапки, как это вынуждены были делать простые крымские воины: «Простой воин не носит других доспехов, кроме своей обычной одежды, т.е. черной бараньей шкуры...» [Флетчер, 2002, с. 103].

Археологические, музейные, изобразительные и письменные материалы позволяют охарактеризовать также разнообразие типов боевых наголовий, которые использовались служилыми татарами Сибири. Все они относятся к классу железных.

Отдел I. Цельнокованные шлемы.

Группа I. Овальное сечение.

Тип 1. Сфероконическая цельнокованая тулья.

Вариант 1. Сфероконический цельнокованный шлем с украшенной чеканкой латунной пластиной наверхшия. Шлем был изготовлен среднеазиатскими, местными или русскими оружейниками, а, возможно, позже был дополнен пластиной наверхшия из медного сплава. Судя по всему, такие «симбиотические» шлемы, сочетавшие элементы нескольких наголовий, имели распространение у сибирских татар XVII в. [Бобров, 2011б, с. 264–267] (рис. 1.-1).

Тип 2. Полусферическая цельнокованая тулья.

Вариант 1. Полусферический цельнокованный шлем с комбинированной бармицей. Представлен шлемом из ТГИАМЗ (из арсенала служилых татар Кулмаметьевых). Шлем имеет, скорее всего, среднеазиатское происхождение или выполнен западносибирскими мастерами по среднеазиатскому образцу. Однако пластинчато-нашивная бармица является характерным элементом центральноазиатских или южносибирских шлемов [Бобров, Худяков, 2011, с. 45, 47–49; Бобров, Худяков, 2008, с. 441, 446–449] (рис. 1.-3).

Вариант 2. Полусферический цельнокованный шлем с козырьком и пластинчатым назатыльником.

Представлен шлемом из Далматовского Успенского монастыря (ныне хранится в Свердловском областном краеведческом музее), который, по легенде, принадлежал татарину Илигею. Шлем представляет собой европейский дериват турецкого «шишака» с защитным козырьком и подвижным наносником (в 1-й половине XVII в. в России было налажено массовое производство европейских лат и «шишаков») [Зыков, Манькова, 2000, с. 315–332]. Предметы вооружения европейского образца имели широкое хождение среди служилых людей Сибири в XVII в. [Бобров, 2014, с. 58–59]. Косвенным подтверждением использования этого шлема именно татаринном может служить тот факт, что кольчуга, подаренная тем же Илигеем, имеет нехарактерный для европейских кольчуг покррой «куртка» и может иметь среднеазиатское или западносибирское происхождение. В этом случае можно отметить, что западносибирские татары в середине XVII в. использовали шлемы западноевропейского типа, попадавшие к ним от русских купцов, служилых людей или иными путями (рис. 1.-2).

Отдел II. Клепаные боевые наголовья (детали шлема соединены металлическими заклепками, образующими жесткое неподвижное крепление).

Группа I. Овальное сечение.

Тип 3. Клепаная сфероцилиндрическая форма тульи.

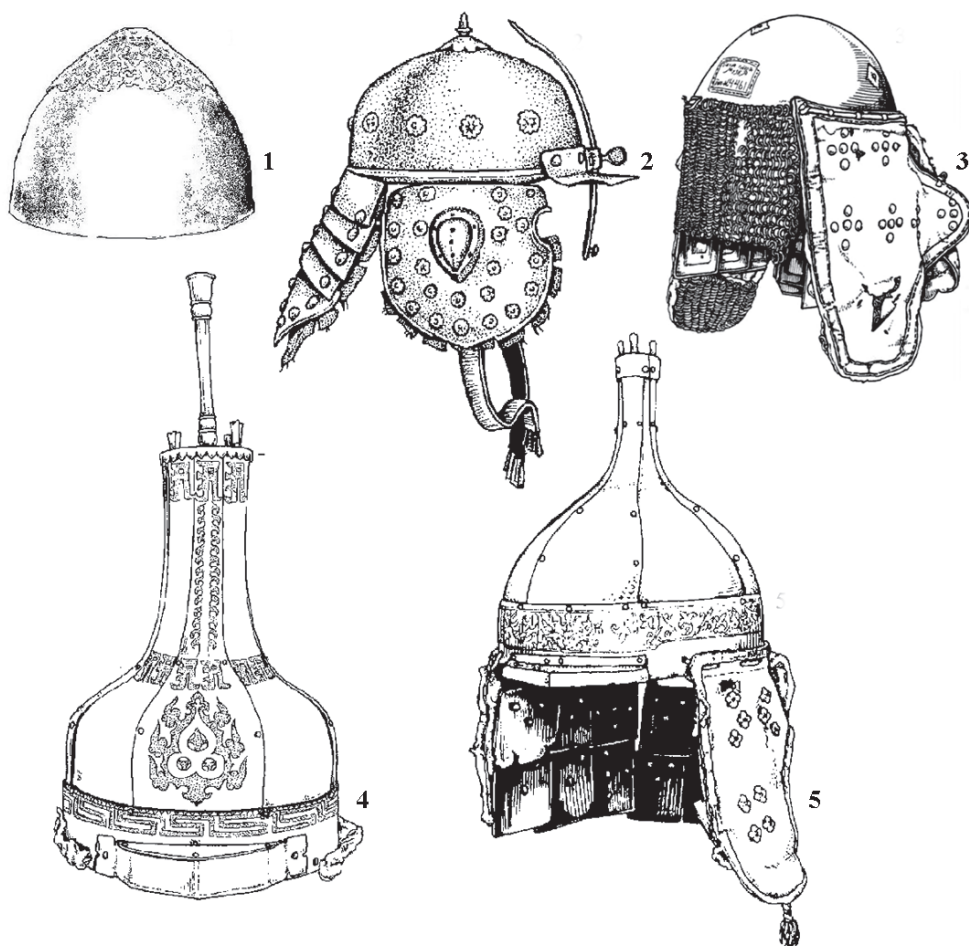

Рис. 1. Шлемы сибирских служилых татар: 1 – шлем из Истяжских юрт (Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник); 2 – художественная научно-историческая реконструкция шлема Илигея (Свердловский областной краеведческий музей); 3–5 – шлемы из арсенала Кулмаметьевых (ТГИАМЗ) (1 – рисунок выполнен Б.А. Илюшиным; 2–5 – рисунки выполнены Л.А. Бобровым)

Представлены 2 экземпляра из собрания ТГИАМЗ. Оба шлема были переданы в музей потомками князей Кулмаметьевых, относятся к большой группе сфероцилиндрических шлемов, распространенных в рассматриваемый период среди ойратской знати, и отражают проникновение элементов ойратского оружейного комплекса к сибирским служилым татарам [Бобров, Худяков, 2008, с. 440–442] (рис. 1.-4–5).

Широкое распространение миссюрок (мисюрок) среди тюркского населения западной Евразии в рассматриваемый период позволяет также отнести этот вид боевого наголовья к числу предметов вооружения, вероятно, использовавшихся служилыми татарами. Подлинный образец миссюрки, датированной периодом позднего Средневековья и раннего Нового времени, хранится в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея. Миссюрка была обнаружена на юго-западе современ-

ной Омской области в начале XX в. Особенности оформления бармицы характерны в XVII–XVIII вв. для миссюрок Ирана, Средней Азии и Северной Индии [Бобров, Худяков, 2008, с. 469–471]. Хотя рассмотренный экземпляр, по мнению авторов, возможно, принадлежал казахскому воину XVII–XVIII вв. [там же, с. 471], не менее вероятно, что его мог потерять и российский служилый человек – дворянин, казак или татарин.

В европейской части Московского государства боевые наголовья у служилых татар были чрезвычайно редки.

Согласно сообщениям современников, татары Восточной Европы XVI в. редко использовали шлемы [например: Герберштейн, 1988, с. 168; Йовий, 1997, с. 289]. Письменные источники о служилых татарах или не имеют упоминаний о шлемах, или их содержание само свидетельствует об отсутствии боевых наголовий [например: Дзялынский, 1897, с. 28–30].

На всех имеющихся у нас европейских изображениях XVI–XVII вв. татары нарисованы без шлемов. Видимо, только наиболее состоятельные воины из татар и ногаев могли иметь боевые наголовья. Известен перечень оружия, изъятого у ногайских служилых мурз Урмаметева и Урусова. Среди него числятся два шишака [Трепавлов, 2013, с. 168].

Имелись, видимо, различия и в наступательном вооружении сибирских и «европейских» служилых татар. Так, мы не имеем сведений об использовании «европейскими» служилыми татарами палашей, топоров, а копья у них на протяжении XVI – 1-й трети XVII вв. (возможно, и позже) были крайне редки, если вообще использовались [Илюшин, 2014а, с. 25–36]. В то же время в Сибири отмечается использование в конце XVI–XVII вв. топоров, палашей, более широкое распространение копий среди татар, в том числе служилых [Шлюшинский, 2007, с. 150–151, 161–162; Бобров, Борисенко, Худяков, 2012, с. 27, рис. 1.-24].

Значительными были различия в наборе наконечников стрел.

Нами проанализированы сведения по наконечникам стрел, найденным при раскопках в некоторых районах службы татар – в Боровске, Коломне, Чебоксарах, Казанском крае, в городах Засечной черты, на территории бывшего Казанского ханства. Значительную часть гарнизонов этих городов составляли татары [Разрядная книга 7123..., 1849, с. 32; «Сметный список»..., 1989, с. 15; Сметный список..., 1849, с. 19]. Кроме них там служили стрельцы и казаки, использовавшие ручное огнестрельное оружие, поэтому найденные там наконечники стрел вероятнее всего могут быть отнесены именно к служилым татарам.

Все наконечники относятся к классу железных, отделу черешковых.

Группа I. Линзовидные в сечении.

Тип 1. Удлиненно-треугольные.

Наконечник крупный, удлиненно-треугольной формы, с наибольшим расширением в нижней трети пера. Имеет вогнутые плечики, переходящие в шейку с упором. Черешок длинный, округлый в сечении. Универсальные наконечники рассекающего типа действия [Двуреченский, 2008, с. 167] (рис. 2.-6). Подобные наконечники были распространены в Восточной Европе еще в IX в. [Медведев, 1966, с. 47]. В период позднего Средневековья они активно использовались воинами тюркских народов Восточной Европы. Так, например, они были обнаружены в слоях XIV–XV вв. Торецкого поселения, располагавшегося в пределах Казанского ханства (9 экз.), и самой Казани времен ханства [Валиулина, 2009, с. 18].

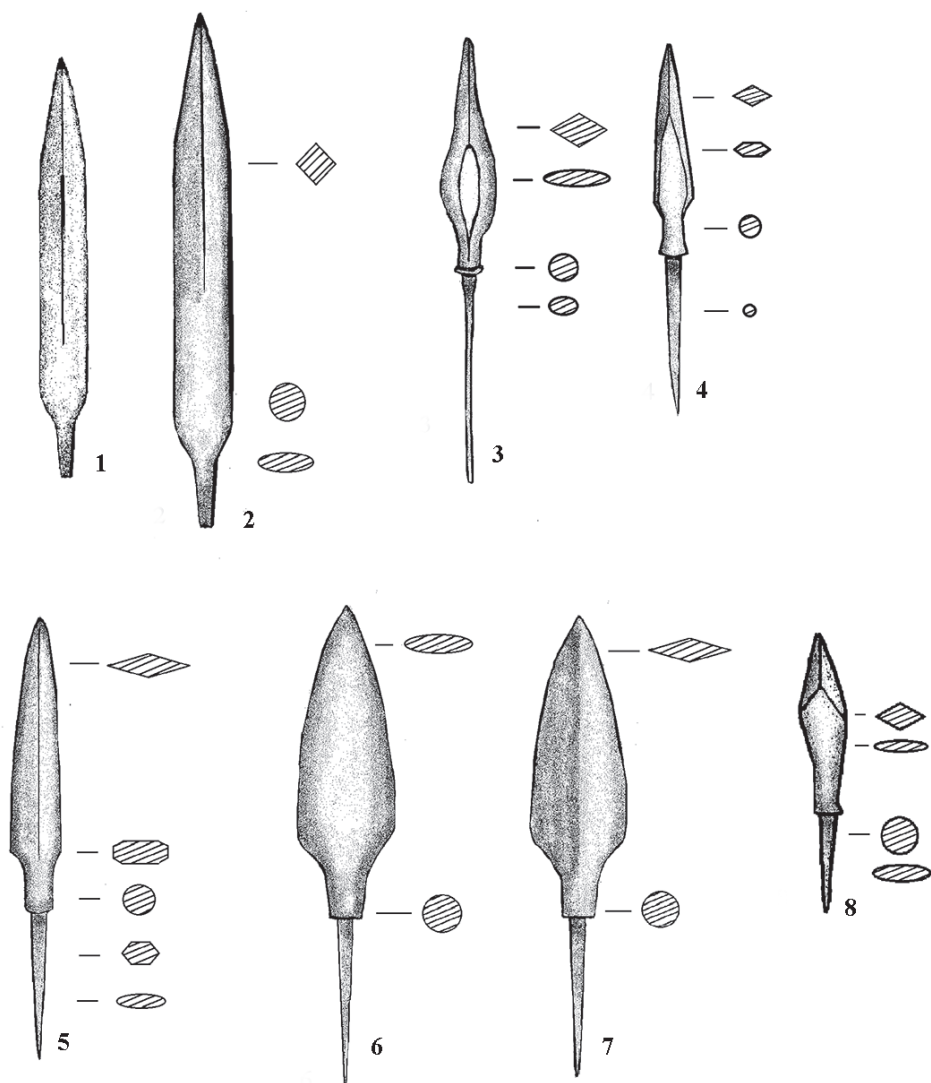

Рис. 2. Наконечники стрел из европейской части Московского государства
(рисунки находок выполнены Б.А. Илюшиным)

Группа II. Ромбические в сечении.

Тип 2. Удлиненно-треугольные.

Форма пера схожа с наконечниками 1 типа [Двуреченский, 2008, с. 167] (рис. 2.-7). Как и наконечники 1 типа, известны также по находкам из Казани времен ханства, Торецкого городища XIV–XV вв. (Казанское ханство) [Валиулина, 2009, с. 18].

Тип 3. Боеголовковые.

Перо имеет форму асимметричного ромба с расширением в верхней трети, с вытянутыми прямыми или вогнутыми плечиками, переходящими в шейку с упором. Нижняя половина пера уплощена. Универсальные наконечники прокалывающего типа действия (рис. 2.-8). Такие наконечники бытовали в Восточной Европе с VIII в.

В XIII в. монголы занесли туда схожие наконечники с иными пропорциями, которые и распространились в этом и соседних регионах в последующие века. В позднем Средневековье они были широко распространены в Сибирском ханстве, Казахстане, на Алтае [Двуреченский, 2008, с. 165; Медведев, 1966, с. 53].

Тип 4. Узкие удлинённо-треугольные.

Вариант 1. Удлинённо-треугольные уплощенные в центре.

Перо имеет удлинённо-треугольную форму, по центру сильно уплощено. Шейка длинная, округлая, с упором. Округлый в сечении черешок тонкий и длинный, по длине равен перу. Бронебойные наконечники прокалывающего типа действия [Двуреченский, 2008, с. 161] (рис. 2.-3–4).

Вариант 2. Узкие удлинённо-треугольные.

Перо имеет форму сильно вытянутого треугольника, внизу переходящего в шейку с округлым сечением. Плечики вогнутые (рис. 2.-5).

Наконечники 2-го варианта данного типа составляют около половины наконечников с территории Московского государства (известно около 200 экз.). Одна из наиболее распространенных разновидностей встречается в материалах Коломны, Чебоксар [Двуреченский, 2008, с. 161–162], где в 1-й половине XVII в. числилось свыше 60 татар на шесть русских и более чем 1000 чувашей и черемис [Разрядная книга 7123..., 1849, с. 33–34], а в середине века – 61 татарин, 22 новокрещена [«Сметный список»..., 1989, с. 26]. Вероятно, именно данный тип наконечников являлся преобладающим в саадачном наборе служилых татар Московского государства рассматриваемого исторического периода.

Это универсальные наконечники прокалывающего типа действия, предназначенные для стрельбы как по защищенному доспехом, так и по бездоспешному противнику. Их аналоги встречаются еще среди древнерусских образцов.

Группа III. Квадратные в сечении.

Тип 5. Шиловидные.

Обнаружены в городах Засечной черты и Коломне. Подобный же наконечник известен из арсенала татар Кулмаметьевых из Сибири. Перо имеет шиловидную форму, внизу плавно переходит в черешок. Черешок короткий, линзовидный или округлый в сечении. Упор отсутствует или выражен слабо (рис. 2.-1–2; 3.-22). В период позднего Средневековья и раннего Нового времени такие бронебойные наконечники прокалывающего действия применялись для стрельбы по защищенному доспехом противнику. Тип может восходить к древнерусским прототипам X–XIV вв. [Медведев, 1966, с. 84].

Сибирские служилые татары могли использовать наконечники стрел следующих типов, выделенных по материалам таких памятников, как Абрамово-10, Окунево-7, Чеплярово-27, Бергамак-2, Черталы-3, Искер, а также по материалам из арсенала Кулмаметьевых (ТГИАМЗ).

Группа I. Линзовидные.

Тип 6. Боеголовковые.

Узкие наконечники с выраженной боеголовкой, с расширением в нижней трети пера, вогнутыми плечиками и упором. Шейка имеет подквадратное сечение, черешок – округлое [Молодин, 1990, с. 50; Герасимов, 2013, с. 69] (рис. 3.-1). Такие универсальные наконечники проникающего действия бытовали в южных районах Западной Сибири с начала II тыс. до Нового времени. Аналоги барабинским и искерским наконечникам встречаются в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы и Западной Сибири [Молодин, 1990, с. 54].

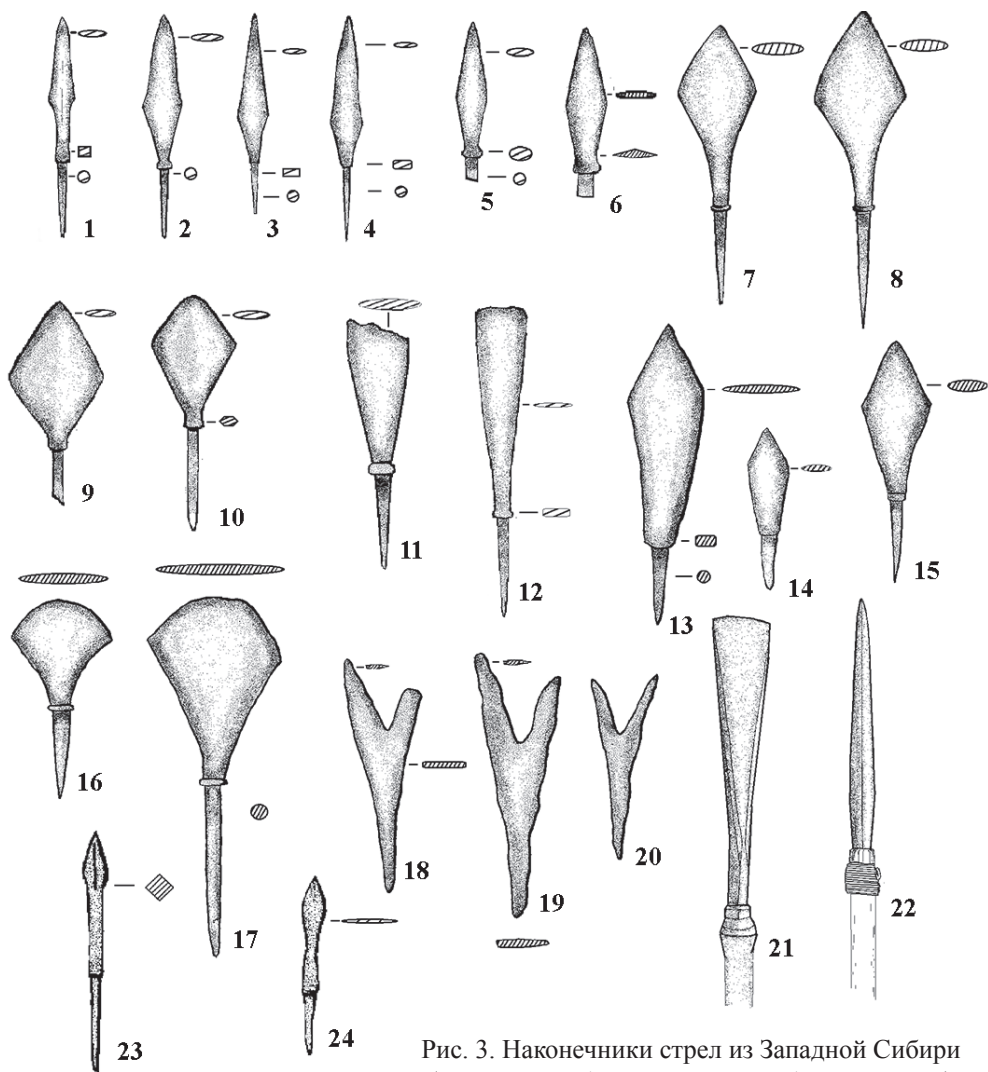

Рис. 3. Наконечники стрел из Западной Сибири (рисунки находок выполнены Б.А. Илюшиным)

Тип 7. Удлиненно-ромбические.

Имеют узкое вытянутое перо с расширением в нижней трети, с прямыми или чаще слегка вогнутыми плечиками и упором. Черешок короткий, округлый или подпрямоугольный в сечении (рис. 3.-2-4). Подобные наконечники появились в конце 1-й половины II тыс. и использовались в Западной Сибири до XVIII в. Похожие наконечники были в тот период распространены от Забайкалья до Восточной Европы [Молодин, 1990, с. 50, 55; Герасимов, 2013, с. 69].

Тип 8. Узкие ромбические.

Небольшого размера перо имеет форму вытянутого узкого ромба. Имеется упор. Черешок короткий, имеет округлое сечение (рис. 3.-5-6). Универсальные наконечники прокалывающего типа действия [Молодин, 1990, с. 50; Герасимов, 2013, с. 68-69; Герасимов, Корусенко, 2013, с. 62; Бобров, Худяков, 2008, с. 100].

Тип 9. Ромбические.

Перо имеет форму правильного ромба. Имеется упор. Черешок широкий, с округлым сечением. От предыдущего типа отличаются большими размерами и пропорциями. Выделяются 2 варианта: с прямыми (рис. 3.-9) и более крупные с вогнутыми плечиками (рис. 3.-7–8). Такие универсальные рассекающего типа действия наконечники известны из памятников лесостепи и южной тайги Западной Сибири и были широко распространены с конца 1-й половины II тыс. среди кочевников; с монголами они проникли также в Восточную Европу [Молодин, 1990, с. 50, 54; Герасимов, 2013, с. 69].

Тип 10. Асимметрично-ромбические.

Вариант 1. Асимметрично-ромбические широкие.

Крупные наконечники ромбической формы, с наибольшим расширением в верхней трети пера. Имеется упор [Молодин, 1990, с. 50] (рис. 3.-10). Подобные универсальные наконечники рассекающего типа появились в степных районах Сибири в I тыс. и широко стали использоваться с монгольской эпохи. Бытовали до XIX в. [Конинов, Худяков, 1981, с. 185–186].

Вариант 2. Асимметрично-ромбические узкие.

Перо в форме вытянутого асимметричного ромба с прямыми сторонами и плечиками и наибольшим расширением в верхней трети. Имеется упор. В отличие от наконечников предыдущего типа имеют более узкое вытянутое перо [Молодин, 1990, с. 50; Герасимов, Корусенко, 2013, с. 62; Бобров, Худяков, 2008, с. 100] (рис. 3.-13–15). В VIII–XIII вв. подобные наконечники были распространены от Венгрии до Западной Сибири (в том числе и на Руси) [Медведев, 1966, с. 50].

Тип 11. Лопатовидные срезни.

Перо имеет форму узкой вытянутой лопатки с прямым или слегка закругленным режущим краем. Имеется упор. Черешок сравнительно короткий, округлый в сечении [Молодин, 1990, с. 51–52; Двуреченский, 2008, с. 168; Герасимов, 2013, с. 69] (рис. 3.-11–12).

Подобные универсальные наконечники рубяще-режущего типа действия были широко распространены у кочевников Великой степи, а также у соседних народов после монгольского нашествия, в том числе в Восточной Европе [Молодин, 1990, с. 51, 55; Медведев, 1966, с. 53–54].

Тип 12. Секторные.

Имеют форму сектора с вогнутыми или прямыми плечиками, переходящими в шейку с упором. Ударная сторона закруглена. Черешок с округлым сечением, по длине равен перу. Использовались для поражения бездоспешного противника (рис. 3.-16–17). Данные наконечники распространяются в Сибири и Восточной Европе в связи с монгольскими завоеваниями [Молодин, 1990, с. 50, 55; Герасимов, 2013, с. 68].

Группа II. Плоские в сечении.

Тип 13. Срезни.

Включает один экземпляр из арсенала кн. Кулмаметьевых. Узкий длинный срезень с тупым острием, пологими плечиками и вертикальным уплощенным упором. Универсальный наконечник рассекающего типа действия (рис. 3.-21).

Тип 14. Вильчатые.

Наконечник имеет Y-образную форму. Перо переходит в слабо выделенный плоский черешок. Упор отсутствует [Молодин, 1990, с. 53; Герасимов, Корусенко, 2013, с. 65] (рис. 3.-18–20).

Рис. 4. Фрагмент картины неизвестного художника «Битва под Оршей» (ок. 1520–1534-х гг.), Национальный музей в Варшаве [Электронный ресурс] // URL: <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/9a/Krell_Battle_of_Orsha_%28detail%29_37.jpg>

вает заметное различие в их вооружении, что было обусловлено историческими, экономическими и культурными особенностями регионов. Для первого («европейского»)

Рис. 5. Фрагмент картины А. Альтдорфера «Битва Александра» (1529 г.), Старая пинакотека (Мюнхен, Германия) [Электронный ресурс] // URL: <<http://cp12.nevsepic.com.ua/56/1354128065-0584231-www.nevsepic.com.ua.jpg>>

Вильчатые наконечники предназначались для поражения беспешных воинов и их коней. Они имели широкое распространение в Восточной Европе и Западной Сибири (например, обнаружены на городище Искер [Конигов, Худяков, 1981, с. 186]). Обнаружены также в колчанах русских воинов (X в.) и кочевников (XIII–XIV вв.) [Медведев, 1966, с. 51].

Как видим, только лопатовидные срезни (11-й тип) и шиловидные (5-й тип) наконечники могли быть общими в арсенале «европейских» и сибирских служилых татар (по крайней мере, такие выводы можно сделать по имеющемуся на данный момент материалу). В обоих случаях мы видим полное преобладание типов, восходящих к местным, еще домонгольским образцам, а в Сибири – обилие типов монгольского происхождения.

Таким образом, сравнение оружейных комплексов служилых татар в Сибири и европейской части Московского государства показы-

комплекса характерно почти полное отсутствие защитного вооружения из металла (что было обусловлено как характером оружейного комплекса тюркских народов Восточной Европы, так и невысоким материальным положением большинства служилых татар), саадак в качестве основного оружия и сабля как оружие ближнего боя состоятельного воина. Изредка могли встречаться булавы, кистени, копыя (рис. 6). Для второго (сибир-

Рис. 6. Служилый татарин из европейской части Московского царства, 2-я половина XVI в. (реконструкция сделана Б.А. Илюшиным, рисунок выполнен Е.А. Шерстневым)

ского) характерно сравнительно широкое использование металлического защитного вооружения, более широкое распространение длиннодревкового оружия (рис. 7). Однако и в Западной Сибири основным видом вооружения служивых татар был саадак. Для ближнего боя использовались сабли, палаши, топоры. В целом нужно отметить, что служилые татары Московского царства XVI–XVII вв. не обладали единым оружейным комплексом, а по специфическому набору защитного и наступательного вооружения четко выделяются восточноевропейский и западносибирский комплексы.

Рис. 7. Сибирский служилый татарин конца XVI–XVII вв.
(реконструкция сделана Б.А. Илюшиным, рисунок выполнен Е.А. Шерстневым)

Библиографический список

- Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Исторические записки. Т. I. 1937. С. 55–80.
- Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань : Рязань. Мир, 2011. 512 с.
- Бобров Л.А. К вопросу о защитном вооружении татар Западной Сибири последней четверти XVI–XVII вв. // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань : Фолиант, 2011. С. 106–120.
- Бобров Л.А. Кольчатые доспехи в комплексе вооружения воинов Западной Сибири конца XVI–XVII вв. // Вестник НГУ. Серия: История, Филология. Т. 12. Вып. 7. 2013. С. 213–222.
- Бобров Л.А. Научно-историческая реконструкция шлема из Далматовского Успенского монастыря // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 52–59.
- Бобров Л.А. Позднесредневековый цельнокованный шлем татарского воина из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 10. Вып. 5: Археология и этнография. 2011. С. 264–267.
- Бобров Л.А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре. 1480–2015. Ч. II. С. 210–388 [Электронный ресурс] // URL: <<http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov>>.
- Бобров Л.А., Багрин Е.А. О некоторых особенностях эволюции костюма и комплекса вооружения татарской служилой элиты Западной Сибири конца XVI–XVII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 7: Археология и этнография. С. 124–130.
- Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI–XVII в. Вооружение и военная организация : учеб. пособие. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2012. 128 с.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2008. 774 с.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Шлемы сибирских татарских воинов (из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника) // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 3. Казань : Ихлас, 2011. С. 43–52.
- Валиулина С.И. Наконечники стрел Торецкого поселения // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 151. Кн. 2. Ч. 1: Гуманитарные науки. С. 16–23.
- Герасимов Ю.В. Предметы вооружения XVI–XVII веков из могильника Окунево VII в Тарском Прииртышье // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 67–74.
- Герасимов Ю.В., Корусенко М.А. Предметы вооружения в погребальных комплексах Тарского Прииртышья: новые находки // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 59–66.
- Герберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А.И. Малеина, А.В. Назаренко, вст. ст. А.Л. Хорошкевич, под ред. В.Л. Янина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. 430 с.
- Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 244–269.
- Двуреченский О.В. Холодное наступательное вооружение Московского государства (конец XV – начало XVII вв.) : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. 247 с.
- Дженкинсон Энтони. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М. : Соцэргиз, 1937. 307 с.
- Дзялынский Лука. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1-го августа по 25 ноября 1580 г., веденный Лукою Дзялынским, старостою Ковальским и Бродницким // Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.) / пер. О.Н. Милевского. М. : Университетская Типография, 1897. С. 18–68.

Дневник Марины Мнишек / пер. В.Н. Козлякова. М. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 1995. 200 с.
Зыков А.П., Манькова И.Л. Рейтарский шлем XVII века из Далматовского Успенского монастыря: к событиям 1662–1667 гг. в Южном Зауралье // Проблемы истории России. Вып. 3: Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург : Волот, 2000. С. 315–332.

Йовий Павел. Книга о посольстве Василия, великого князя московского, к папе Клименту VII // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / пер. А.И. Манина, О.Ф. Кудрявцева. М. : Русский мир, 1997. С. 217–306.

Илюшин Б.А. Военное дело российских служилых татар XV–XVII вв. // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 21. М. : ИВ РАН, 2014. С. 145–160.

Илюшин Б.А. Военное дело российских служилых татар XV–XVII вв. в историографии // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2013. С. 46–54.

Илюшин Б.А. Военное дело служилых татар в XV в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2015. С. 12–19.

Илюшин Б.А. Военное дело татарских воинов Русского государства XV–XVII вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. №3 (35). С. 5–12.

Илюшин Б.А. Историография военного дела российских служилых татар XV–XVII веков // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. I. С. 188–207 [Электронный ресурс] // URL: <http://milhist.info/2015/12/30/ilyushin>.

Илюшин Б.А. Оружейный комплекс российских служилых татар XV–XVII вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. №3. С. 25–36.

История татар с древнейших времен. В семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 1080 с.

Конилов Б.А., Худяков Ю.С. Наконечники стрел из Искера // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1981. С. 184–188.

Контарини Амброджо. Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-российских связей в XV в. / вступ. статья, подг. текста, пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. Л. : Наука, 1971. С. 210–235.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М. : Наука, 1966. 184 с. (Свод археологических источников. Вып. Е1–36).

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. 607 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск : Наука, 1990. 261 с.

Наказ князю Андрею Елецкому с товарищами, отправленным в Сибирь для построения города на реке Таре, с приложением описи посланного с ними (1593–1594 гг.) // Г.Ф. Миллер. История Сибири. Т. I. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. С. 357.

Посольство от царя Менгли-Гирея к великому князю Ивану Васильевичу // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Ч. I (Т. 41). Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией. Часть 1-ая (годы с 1474 по 1505). СПб. : Типография Ф.Г. Елеонского и К^о, 1884. С. 170–180.

Принц Даниил. Даниил Принц из Быховца. Начало и возвышение Московии // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете / пер. И.А. Тихомирова. Кн. 3. М. : Университетская типография, 1876. 512 с.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. К. 112. Л. 1–18.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. К. 177. Л. 1–56. Л. 47об.

Разрядная книга 7123 года // Временник общества истории и древностей российских. Кн. 1. М. : Университетская типография, 1849. С. 1–60.

Самигулов Г.Х. От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости. Челябинск : Полиграфическое объединение «Книга», 2011. 277 с.

«Сметный список» военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первой половины XVIII в. М. : Ин-т истории СССР, 1989. 183 с.

Сметный список 7139 года // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. М. : Университетская типография, 1849. Кн. 4. С. 18–51.

Трепавлов В.В. «Орда самовольная»: Кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М. : Квадрига, 2013. 224 с.

Ульфелдт Якоб. Путешествие в Россию. М. : Языки славянской культуры, 2002. 616 с.

Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М. : Госкультпросветиздат, 1956. 122 с.

Флетчер Джильс. О государстве русском / пер. М.А. Оболенского. М. : Издательский дом «Захаров», 2002. 169 с.

Фролов Д.В. «Да платья мужского и женского теплаго и холодного...» Костюм дворян Мордовского края второй половины XVII в. // Центр и периферия. 2017. №1. С. 39–55.

Худяков Ю.С. Военное дело Сибирского ханства в позднем средневековье (в аспекте взаимодействия с русскими) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 6. Вып. 3: Археология и этнография. 2007. С. 238–254.

Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. (С образования централизованного государства до реформ при Петре I). М. : Воениздат, 1954. 224 с.

Шлюшинский А.В. Вооружение и военное дело тюркоязычного населения Западной Сибири XIII–XVIII вв. : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. 333 с.

References

Bakhrushin S.V. Sibirskie sluzhilye tatory v XVII v. [Siberian Tatars in service in the 17th Century]. Istoricheskie zapiski. T. I [Historical Notes. Vol. I]. 1937. Pp. 55–80.

Belyakov A.V. Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov: prosopograficheskoe issledovanie [Chingissids in Russia 15–17th Centuries: Prosopographic Study]. Ryazan' : Ryazan'. Mir, 2011. 512 p.

Bobrov L.A. K voprosu o zashchitnom vooruzhenii tatar Zapadnoy Sibiri posledney chetverti XVI–XVII vv. [On the Question of the Defensive Weapons of the Tatars of Western Siberia in the Last Quarter of the 16th–17th Centuries]. Voennoe delo Zolotoy Ordy: problemy i perspektivy izucheniya [Military Affairs of the Golden Horde: Problems and Prospects for Studying]. Kazan' : Foliant, 2011. Pp. 106–120.

Bobrov L.A. Kol'chatye dospekhii v komplekse vooruzheniya voinov Zapadnoy Sibiri kontsa XVI–XVII vv. [Ring Armor in the Armament of the Soldiers of Western Siberia at the End of the 16th–17th Centuries]. Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, Filologiya. T. 12. Vyp. 7 [Bulletin of NSU. Series: History, Philology. Vol. 12. Issue. 7]. 2013. S. 213–222.

Bobrov L.A. Nauchno-istoricheskaya rekonstruktsiya shlema iz Dalmatovskogo Uspenskogo monastyrya [Scientific and Historical Reconstruction of the Helmet from the Dalmatovsky Uspenskiy Monastery]. Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya. XX [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue XX]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2014. Pp. 52–59.

Bobrov L.A. Pozdnesrednevekovyy tsel' nokovanny shlem tatarskogo voyna iz Tobol'skogo gosudarstvennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya-zapovednika [Late Medieval Whole-forged Helmet of the Tatar Warrior from the Tobolsk State Historical and Architectural Museum-Preserve]. Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. T. 10. Vyp. 5: Arkheologiya i etnografiya [Vestnik NSU. Series: History, Philology. T. 10. Issue. 5: Archaeology and Ethnography 2011]. Pp. 264–267.

Bobrov L.A. Takticheskoe iskusstvo krymskikh tatar i nogaev kontsa XV – serediny XVII vv. [Tactical Art of the Crimean Tatars and Nogais of the End of the 15th – the Middle of the 17th Centuries]. Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. 2016. Spetsial'nyy vypusk V. Stoyaniye na reke Ugre. 1480–2015. Ch. II [History of Military Affairs: Research and Sources. 2016. Special Issue 5. Standing on the River Ugra. 1480–2015. Part II. Pp. 210–388 [Electronic resource]. S. 210–388 [Elektronnyy resurs]. URL: <<http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov>>].

Bobrov L.A., Bagrin E.A. O nekotorykh osobennostyakh evolyutsii kostyuma i kompleksa vooruzheniya tatarskoy sluzhiloy elity Zapadnoy Sibiri kontsa XVI–XVII veka [On some Features of the Evolution of the Costume and the Armament Complex of the Tatar Servicemen of the Elite of Western Siberia at the End of the 16th–17th Century]. Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2014. T. 13. Vyp. 7: Arkheologiya i etnografiya [Vestnik of NSU. Series: History, Philology. 2014. Vol. 13. Issue 7: Archaeology and Ethnography]. Pp. 124–130.

Bobrov L.A., Borisenko A. Yu., Khudyakov Yu.S. Russkie voiny na yuzhnykh rubezhakh Sibiri v kontse XVI–XVII v. Vooruzheniye i voennaya organizatsiya : ucheb. Posobie [Russian Soldiers on the Southern Borders of Siberia in the Late 16th–17th Century. Armament and Military Organization: Textbook]. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 2012. 128 p.

Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.) [Arms and Tactics of Nomads of Central Asia and Southern Siberia during the Late Middle Ages and Early Modern times (15th – First Half of the 18th Century)]. SPb. : Filologicheskiy fakul'tet SpbGU, 2008. 774 p.

Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. Shlemy sibirskikh tatarskikh voinov (iz sobraniya Tobol'skogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya-zapovednika) [Helmets of Siberian Tatar Warriors (from the Collection of the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve)]. Srednevekovyye tyurko-tatarskie gosudarstva. Vyp. 3. Medieval Turkic-Tatar States. Issue 3 Kazan' : Ikhlas, 2011. Pp. 43–52.

Valiulina S.I. Nakonechniki strel Toret'skogo poseleniya [Arrowheads of the Toret'sky Settlement]. Uchenye zapiski Kazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Scientific Notes of Kazan State University]. 2009. Vol. 151. Book. 2. Part 1: Humanities, 2009. Pp. 16–23.

Gerasimov Yu.V. Predmety vooruzheniya XVI–XVII vekov iz mogil'nika Okunevo VII v Tarskom Priirtysh'e [Items of Armament of the 16th–17th Centuries from the Burial Ground of Okunevo 7 in Tarski Priirtyshye]. Voennoe delo srednevekovykh narodov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii [Military Science of Medieval Peoples of South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2013. Pp. 67–74.

Gerasimov Yu.V., Korusenko M.A. Predmety vooruzheniya v pogrebal'nykh kompleksakh Tarskogo Priirtysh'ya: novye nakhodki [Articles of Armament in the Burial Complexes of the Tarski Priirtyshye: New Finds]. Voennoe delo srednevekovykh narodov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii [Military Affairs of the Medieval Peoples of South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2013. Pp. 59–66.

Gerbershteyn S. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovia]. Translation from German by A.I. Maleina, A.V. Nazarenko, ins. Art. A.L. Horoshkevich, ed. V.L. Ioannina. Moscow : Izd-vo Mosk. un-ta, 1988. 430 p.

Gorelik M.V. Mongolo-tatarskoe oboronitel'noe vooruzhenie vtoroy poloviny XIV – nachala XV v. [Mongol-Tatar Defensive Weapons of the Second Half of the 14th – Early 15th Century]. Kulikovskaya bitva v istorii i kul'ture nashey Rodiny [Kulikovo Battle in the History and Culture of our Motherland]. M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1983. Pp. 244–269.

Dvurechenskiy O.V. Kholodnoe nastupatel'noe vooruzhenie Moskovskogo gosudarstva (konets XV – nachalo XVII vv.) : Dis. ... kand. ist. nauk [Cold Offensive Weapons of the Moscow State (Late 15th – Early 17th Centuries.) : Dis. ... Cand. Hist. Sciences]. St. Petersburg. SPb., 2008. 247 p.

Dzhenkinson Antoni. Angliyskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke [English Travelers in the Moscow State in the 16th Century]. M. : Sotsekgiz, 1937. 307 p.

Dzyalynskiy Luka. Dnevnik osady i vzyatiya Velizha, Velikikh Luk i Zavoloch'ya s 1-go avgusta po 25 noyabrya 1580 g., vedennyi Lukoyu Dzyalynskim, starostoyu Koval'skim i Brodnitskim [Chronicles of the Siege and Capture of Velizh, Velikikh Luki and Zavolochye from August 1 to November 25, 1580, Led by Lukoy Dzyalynsky, the old Kovalsky and Brodnitsky]. Dnevnik vtorogo pokhoda Stefana Batoriya na Rossiyu (1580 g.) per. O.N. Milevskogo [Chronicles of the Second Campaign of Stefan Batory to Russia (1580). Translated by Milevsky]. M. : Universitetskaya Tipografiya, 1897. Pp. 18–68.

Dnevnik Mariny Mnishek [Diary of Marina Mniszek] / per. V.N. Kozlyakova. M. : Izd-vo "Dmitriy Bulanin", 1995. 200 p.

Zykov A.P., Man'kova I.L. Reytarskiy shlem XVII veka iz Dalmatovskogo Uspenskogo monastyrya: k sobyitiyam 1662–1667 gg. v Yuzhnom Zaural'e [The 17th-century Reiters' Helmet from the Dalmatian Uspensky Monastery: to the Events of 1662–1667. In the Southern Trans-Urals]. Problemy istorii Rossii. Vyp. 3: Novgorodskaya Rus': istoricheskoe prostranstvo i kul'turnoe nasledie [Problems of the History of Russia. Issue. 3: Novgorod Russia: Historical Space and Cultural Heritage]. Ekaterinburg : Volot, 2000. Pp. 315–332.

Yoviy Pavel. Kniga o posol'stve Vasiliya, velikogo knyazya moskovskogo, k pape Klimentu VII [The Book about the Embassy of Vasily, Grand Duke of Moscow, to Pope Clement VII]. Rossiya v pervoy polovine XVI v.: vzglyad iz Evropy [Russia in the First Half of the 16th Century: a View from Europe. trans. A.I. Manina, OF. Kudryavtseva]. M. : Russkiy mir, 1997. Pp. 217–306.

Ilyushin B.A. Voennoe delo rossiyskikh sluzhilykh tatar XV–XVII vv. [Military Art of Russian Tatars in Service of the 15th – 17th Centuries]. Byulleten' Obschestva vostokovedov. Vyp. 21 [Bulletin of the Society of Orientalists. Issue. 21]. M. : IV RAN, 2014. Pp. 145–160.

Ilyushin B.A. Voennoe delo rossiyskikh sluzhilykh tatar XV–XVII vv. v istoriografii [Military Science of Russian Tatars in Service of the 15th–17th Centuries in Historiography]. Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh [Topical Problems of Historical Research: the View of Young Scientists]. Novosibirsk : In-t istorii SO RAN, 2013. Pp. 46–54.

Ilyushin B.A. Voennoe delo sluzhilykh tatar v XV v. [Military Service of the Tatars in Service of the 15th Century]. Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh [Topical Problems of Historical Research: the View of Young Scientists]. Novosibirsk : In-t istorii SO RAN, 2015. Pp. 12–19.

Ilyushin B.A. Voennoe delo tatarskikh voinov Russkogo gosudarstva XV–XVII vv. [Military Affairs of the Tatar Warriors of the Russian State of the 15th–17th Centuries]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2015. №3 (35). Pp. 5–12.

Ilyushin B.A. Istoriografiya voennogo dela rossiyskikh sluzhilykh tatar XV–XVII vekov [Historiography of Military Affairs of Russian Tatars in Service of the 15th–17th Centuries]. Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. 2015. Spetsial'nyy vypusk V. Stoyanie na reke Ugre [History of Military Affairs: Research and Sources. 2015. Special Issue V. Standing on the River Ugra 1480–2015. Part I. Pp. 188–207 [Elektronik Resource]. URL: <http://milhist.info/2015/12/30/ilyushin>.

Ilyushin B.A. Oruzheynny kompleks rossiyskikh sluzhilykh tatar XV–XVII vv. [Weapons Complex of Russian Tatars in Service of the 15th–17th Centuries]. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii [Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: History of Russia]. 2014. №3. Pp. 25–36.

Istoriya tatar s drevneyshikh vremen. V semi tomakh. T. IV. Tatarskie gosudarstva XV–XVIII vv. [History of the Tatars from Ancient Times. In Seven Volumes. Vol. 4. Tatar States of the 15th–18th Centuries]. Kazan' : Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2014. 1080 p.

Konikov B.A., Khudyakov Yu.S. Nakonechniki strel iz Iskera [Arrowheads from Isker]. Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noy Azii [Military Affairs of Ancient Tribes of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 184–188.

Kontarini Ambrodzho. Puteshestvie v Persiyu [Journey to Persia]. Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-rossiyskikh svyazey v KhV v. / vstup. stat'ya, podg. teksta, per. i komm. E.Ch. Skrzhinskoy [Barbara and Kontarini about Russia. To the history of Italian-Russian Relations in the 15th Century. / Entry Article, text, translation and comments of Skrzjinska]. L. : Nauka, 1971. Pp. 210–235.

Medvedev A.F. Ruchnoe metatel'noe oruzhie. Luk i strely, samostrel VIII–XIV vv. [Hand-Throwing Weapons. Bow and Arrows, Self-Dubbing 8th–14th Centuries. M.: Science, 1966. 184 p. (Svod arheologicheskikh istochnikov. Vyp. E1–36). (Code of Archaeological Sources, Issue E1-36). M. : Nauka, 1966. 184 p.

Miller G.F. Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Vol. T. 1. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1937. 607 p.

Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I. Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya [Baraba in the Late Middle Ages]. Novosibirsk : Nauka, 1990. 261 p.

Nakaz knyazyu Andreyu Eletskomu s tovarishchami, otpravlennym v Sibir' dlya postroeniya goroda na reke Tare, s prilozheniem opisi poslannogo s nimi (1593–1594 gg.) [Order to Prince Andrew Yeletsky and his Comrades Sent to Siberia to Build a City on the River Tara with the Supplement Sent with them (1593–1594)]. Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Vol. I. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1937. 357p.

Posol'stvo ot tsarya Mengli-Gireya k velikomu knyazyu Ivanu Vasil'evichu [The Order of King Mengli-Girey to Grand Duke Ivan Vasilievich]. Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. Ch. I (T. 41). Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s aziatskimi narodami: Krymom, Kazan'yu, Nogaytsami i Turtsiey. Chast' 1-aya (gody s 1474 po 1505). [Collection of the Imperial Russian Historical Society. Part I (Vol. 41). Monuments of Diplomatic Relations of the Moscow State with Asian Peoples: Crimea, Kazan, Nogai and Turkey. Part 1 (from 1474 to 1505)]. SPb. : Tipografiya F.G. Elenskogo i K^o, 1884. Pp. 170–180.

Prints Daniil. Daniil Prints iz Bykhovtsa. Nachalo i vozvyshenie Moskovii [Prince Daniel. Daniel the Prince from Bykhovets. The Beginning and Elevation of Muscovy // Readings in the Imperial Society of the History and Antiquities of Russia at the Moscow University / Trans. I.A. Tikhomirova. Book. 3]. M. : Universitetskaya tipografiya, 1876. 512 p.

RGADA. F. 210. Op. 4. K. 112. L. 1–18.

RGADA. F. 210. Op. 4. K. 177. L. 1–56. L. 47ob.

Razryadnaya kniga 7123 goda [The Discharge Book of 7123]. Vremennik obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh. Kn. 1 [The Journal of the Society of Russian History and Antiquities. Book. 1]. M. : Universitetskaya tipografiya, 1849. Pp. 1–60.

«Smetnyy spisok» voennykh sil Rossii 1651 g. [“Estimate List” of the Russian Military Forces in 1651]. Dvoryanstvo Rossii i ego krepostnye krest’yane XVII – pervoy poloviny XVIII v [The Nobility of Russia and its Serfs of the 17th – the First Half of the 18th Century]. M. : In-t istorii SSSR, 1989. 183 p.

Smetnyy spisok 7139 goda [The Estimated List of 7139]. Vremennik imperatorskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey Rossiyskikh [The Temporary of the Imperial Society of History and Antiquities of the Russian]. M.: Universitetskaya tipografiya, 1849. Book 4. Pp. 18–51.

Trepavlov V.V. «Orda samovol'naya»: Kochevaya imperiya nogaev XV–XVII vv. [“Horde Unauthorized”: Nomadic Empire of the Nogai of the 15th – 17th Centuries]. M. : Kvadriga, 2013. 224 p.

Ul'fel'dt Yakob. Puteshestvie v Rossiyu [Travel to Russia]. M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 616 p.

Fekhner M.V. Torgovlya Russkogo gosudarstva so stranami Vostoka v XVI veke [Trade of the Russian State with the Countries of the East in the 16th Century]. M. : Goskul'tprosvetizdat, 1956. 122 p.

Fletcher Dzhil's. O gosudarstve russkom [About the Russian State]. Translated by M.A. Obolensky. M. : Izdatel'skiy dom «Zakharov», 2002. 169 p.

Frolov D.V. «Dva plat'ya muzhskago i zhenskago teplago i kholodnago...» Kostyum dvoryan Mordovskogo kraja vtoroy poloviny XVII v. [“Two Clothes for a Man and a Woman's Warm and Cold ...” The Costume of the Nobility of the Mordovian Region of the Second Half of the 17th Century]. Tsentri i periferiya [Center and Periphery]. 2017. №1. Pp. 39–55

Khudyakov Yu.S. Voennoe delo Sibirskogo khanstva v pozdnem srednevekov'e (v aspekte vzaimodeystviya s russkimi) [Military Affairs of the Siberian Khanate in the Late Middle Ages (in the Aspect of Interaction with the Russians)]. Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. T. 6. Vyp. 3: Arkheologiya i etnografiya [Vestnik of NSU. Series: History, Philology. Vol. 6. Issue 3: Archaeology and Ethnography]. 2007. Pp. 238–254.

Chernov A.V. Vooruzhennyye sily Russkogo gosudarstva v XV–XVII vv. (S obrazovaniya tsentralizovannogo gosudarstva do reform pri Petre I) [Armed Forces of the Russian State in the 15th – 17th Centuries (From the Formation of the Centralized State to Reforms under Peter I)]. M. : Voenizdat, 1954. 224 p.

Shlyushinskiy A.V. Vooruzhenie i voennoe delo tyurkoyazychnogo naseleniya Zapadnoy Sibiri XIII–XVIII vv. : dis. ... kand. ist. Nauk [Armament and Military Affairs of the Turkic-Speaking Population of Western Siberia in the 13th – 18th Centuries. : Dis. ... Cand. Hist. Sciences. Omsk, 2007. 333 p.

B.A. Plushin

THE FEATURES OF THE WEAPONS COMPLEXES OF THE EUROPEAN AND SIBERIAN GROUPS OF TATAR SERVICEMEN OF THE MOSCOW STATE IN THE 16TH – 17TH CENTURIES

The armament studies of the recent years carried out by the author of the article and Siberian experts in armament, allowed reconstructing the weapons complex of Tatars in service in the Moscow State in the 16th – 17th centuries on the East European and West Siberian materials. Further consideration of this issue led to the conclusion that the weapons complex of this category of people differed in the European and Siberian parts of the state. The differences are primarily in different range of distribution of metal armor, arrowheads, and partly the range of close combat weapons. Siberian Tatars in general differ from servicemen from beyond the Urals with a much more frequent use of metal armor and helmets, wider range of close combat weapons.

These differences were caused by the peculiarities of historical, social and economic development of the two regions, social and economic situation of Tatar servicemen in the Urals and the particularity of the local military and political conditions.

Key words: Tatar servicemen, Moscow state, warfare, weapons complex.

В.Ю. Мясников¹, Л.Г. Ярославцева²

¹Администрация Главы Республики Бурятия

и Правительства Республики Бурятия, Улан-Удэ, Россия;

²Национальный музей Республики Бурятия, Улан-Удэ, Россия

ТРИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КЛИНКА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

В статье рассмотрены три клинка (меч, фрагменты палаша и сабля), найденные на территории Иволгинского, Мухоршибирского и Еравнинского районов Республики Бурятия. Все предметы вооружения относятся к категории случайных находок. Приводятся описания клинков и их прорисовки. Авторами предпринята попытка датировки и этнокультурной атрибуции указанных предметов длинноклинкового вооружения. На основе типологического анализа клинки датированы следующим образом: меч – периодом поздней древности – ранним Средневековьем I–VI вв. н.э.; палаш – концом раннего – началом развитого Средневековья VIII–XI вв.; сабля – периодом развитого Средневековья – монгольским временем XII–XIV вв. По месту обнаружения данные предметы вооружения связаны с кочевым населением Забайкалья. В связи с редкостью находок средневекового клинкового оружия в Забайкалье и наличием значительного числа аналогий на территориях Южной и Западной Сибири, Казахстана и Монголии, меч, палаш и сабля, скорее всего, были привозные. Вопрос о производстве клинкового вооружения в Забайкалье в настоящий момент остается открытым. Рассмотренные предметы вооружения указывают на общность тенденций развития военного дела и вооружения кочевых народов Прибайкалья, Монголии и Южной Сибири. Несмотря на то, что клинки являются уникальными для территории Бурятии, они указывают на культурные связи Западного Забайкалья с соседними регионами.

Ключевые слова: Бурятия, Западное Забайкалье, Средневековье, наступательное вооружение, клинковое оружие.

DOI: 10.14258/tpai(2017)3(19).-04

Предметы вооружения из раздела случайных находок существенно пополняют источниковую базу по древнему и средневековому вооружению Западного Забайкалья. На сегодняшний день авторам настоящей работы известно несколько десятков предметов вооружения, относящихся к такой категории предметов. Часть из них опубликована. Значительный интерес представляют случайные находки последних двух десятилетий, происходящие с территории Республики Бурятия. Так, в 1990 г. в районе поселка Стеклозавод (г. Улан-Удэ) был найден позднесредневековый сабельный клинок [Мясников, 2009]. В 1995 г. бронзовый меч карасукского типа обнаружен в Джидинском районе Республики Бурятия [Коновалов, Данилов, Именохоев, 1995]. В 2005 г. в Тункинском районе Республики Бурятия найден шлем [Мясников, 2008], а в 2009 г. в местности Тапхар Иволгинского района Республики Бурятия, в земельном отвале на плиточной могиле у норки суслика, оказались панцирные пластины [Мясников, Дугаров, Чимитова, 2013].

Кроме перечисленных находок имеется еще ряд предметов наступательного и оборонительного вооружения, менее значительных, таких как разрозненные панцирные пластины, наконечники стрел, копий, железки от топоров и др.

В данной статье хотелось бы остановиться на трех уникальных для Западного Забайкалья находках клинкового оружия, поскольку полноценная публикация описания и прорисовок данных предметов наступательного вооружения, безусловно, представляет значительный научный интерес для археологов и оружейников.

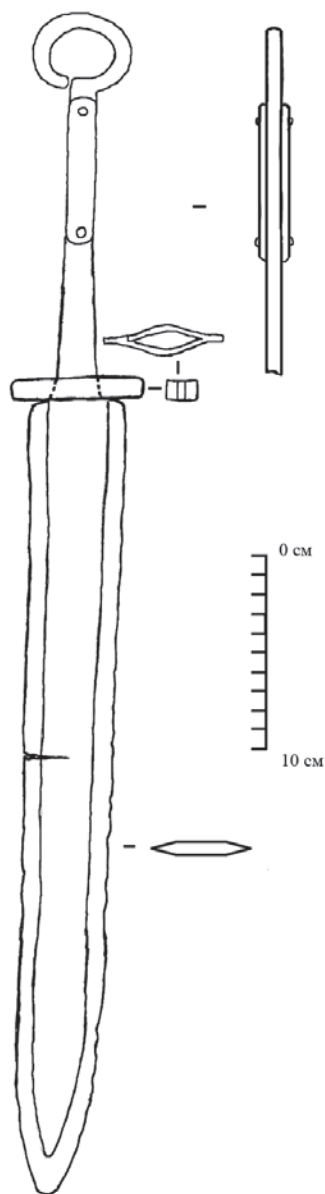

Рис. 1. Меч из
Мухоршибирского района
Республики Бурятия
(ОФ 19798)

Длинноклиновое оружие – редкая находка на территории Республики Бурятия. Описания отдельных археологических находок, происходивших с территории Предбайкалья и Забайкалья, датируемые развитым и поздним Средневековьем, публиковались в работах Ю.Д. Талько-Грынцевича [1900], Е.Ф. Седакиной [1965], Ю.С. Худякова [Бобров, Худяков, 2008; Худяков, 1980; 1987; 1991], П.Б. Коновалова, С.В. Данилова, Н.В. Именохоева [1995], К.И. Рец [2000], В.С. Николаева [2004; 2006], Л.А. Боброва [Бобров, Худяков, 2008]. Клиновое оружие, происходящее с близлежащих территорий – Алтая, Монголии, Тувы, Хакасии, рассматривалось в исследованиях Ю.С. Худякова [1980; 1987], Ю.А. Плотникова и З. Батсайхана [1993]. Данные эпоса о клиновом вооружении были обобщены в исследованиях Р.С. Липец [1984] и В.А. Михайлова [1993]. Данные письменных, археологических, фольклорных источников о комплексе наступательного вооружения кочевников Прибайкалья XVII – начала XVIII вв., в том числе о саблях, были проанализированы и обобщены одним из авторов данной статьи [Мясников, 2007]. Также были опубликованы тезисы докладов с предварительным описанием позднесредневекового предбайкальского бурятского сабельного клинка, найденного в окрестностях Улан-Удэ (пос. Стеклозавод) и хранящегося в настоящий момент в муниципальном автономном учреждении культуры «Музей истории г. Улан-Удэ» (№КП 270), а также сабли, найденной в Еравнинском районе Республики Бурятия, которая будет рассмотрена в данной работе [Мясников, 2013]. Фото и краткое описание указанной сабли и меча, происходящего из Мухоршибирского района, были опубликованы в каталоге выставки «Путь воина» [Путь воина, 2014].

Меч (МИБ ОФ 19798) был найден в пещере Мухоршибирского района местным жителем Т.А. Уржановым и в 2009 г. передан в Музей истории Бурятии (ныне Национальный музей Республики Бурятия).

Меч изготовлен из черного металла (стали?), имеет прямой обоюдоострый клинок, шестиугольный в сечении. Общая длина 60,6 см, длина клинка – 40,6 см,

длина рукояти – 19,7 см. Ширина клинка у перекрестья 4,9 см, он плавно сужается к острию до 4,1 см. Толщина клинка у перекрестья (у плечиков) – 6 мм, на конце у острия 4 мм, затем уменьшается до 2 мм. Ширина рукояти у плечей – 2,1 см, у навершия – 1,4 см. Толщина рукояти у крестовины 6 мм, у навершия – с одной сторо-

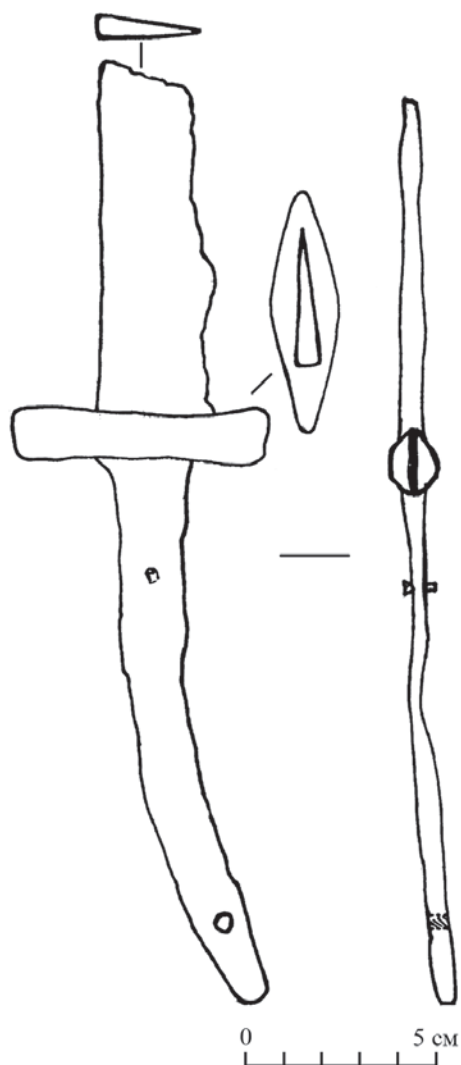

Рис. 2. Палаш из Иволгинского района Республики Бурятия.
Обломок клинка с рукоятью и крестовиной (МИБ 1204/1НВ)

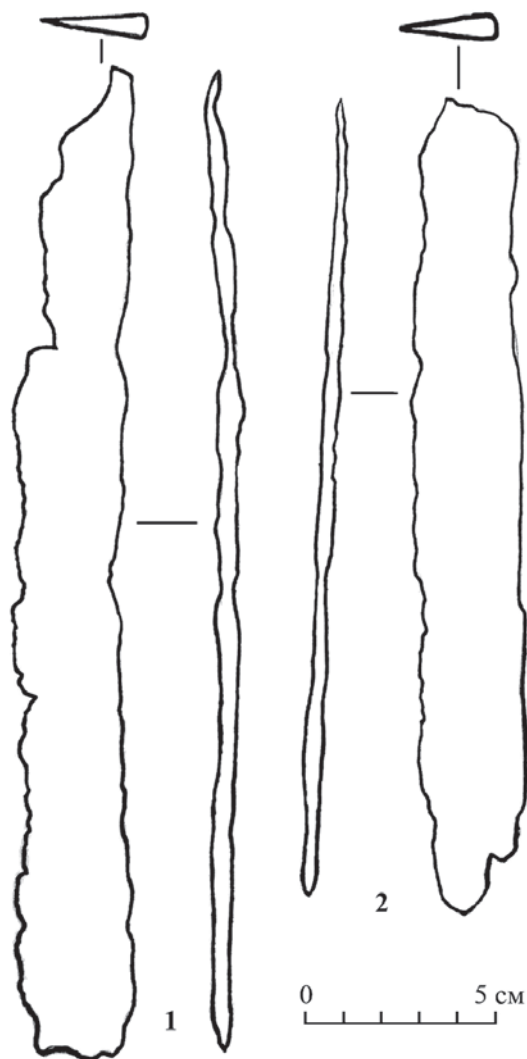

Рис. 3. Палаш из Иволгинского района Республики Бурятия.
Обломки клинка (МИБ 1204/3НВ, МИБ 1204/2НВ)

ны 4 мм, с другой 3,5 мм. Навершие меча выполнено в виде кольца, изготовленного путемковки из черена рукояти, оно отковано в пруток, диаметр которого составляет 6,5 мм. Перекрестье ладьевидное, длина 6,7 см, ширина – на концах 4,5 мм. В середине – 1,6 см. На рукояти две накладные пластины, приклепанные двумя сквозными заклепками. Общий вес меча 721 г.

Меч покрыт равномерным слоем ржавчины, имеются каверны, лезвия меча выщерблены и покрыты мелкими выбоинами. Примерно в середине меча имеется трещина, доходящая до середины клинка.

В памятниках кочевников Центральной Азии и Южной Сибири клинки с кольцевидными навершиями встречаются достаточно часто. Мечи с кольцевидным навершием известны в памятниках Саргатской культуры (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Кольцевое навершие – одна из отличительных черт палашей гуннского и сяньбийского времени. Ряд палашей кокэльской культуры (Тува) и таштыкской культуры (Минусинская котловина) также снабжались кольцевым навершием схожей конструкции [Худяков, 1986, с. 80, 100, рис. 40.-3.].

По наблюдениям А.И. Соловьёва, в Западной Сибири известны находки мечей с кольцевым навершием и прямым перекрестием, сваренным из двух пластин. Данные мечи восходят к длинным мечам позднесарматского облика, с которыми они имели большое типологическое сходство, но в отличие от которых имели кольцевые навершия, вытянутые из черена рукояти. Сарматские же навершия изготавливали из отдельного железного прута, а затем приваривали к рукояти. Сохранение архаичных элементов, выполненных на новом уровне, по мнению А.И. Соловьёва, было обусловлено определенной консервативностью носителей лесных культур. Данный тип мечей исследователь датирует в пределах VI–VIII вв. и, возможно, IX в. [Соловьёв, 1987, с. 66–67].

Схожим клинком обладает меч, хранящийся в коллекции Минусинского краеведческого музея им. Мартянова. Клинок прямой двулезвийный без перекрестья, шестигранный в сечении. Черен прямой, смещен относительно центральной оси в плоскости клинка, в сечении прямоугольный. Кончик черена дополнительно прокован и оформлен в виде петли. Общая длина 55,7 см, длина рукояти 12 см. Клинок сильно коррозирован. Раковины коррозии по всей поверхности. Датируется данный клинок III–V вв. н.э.*

Таким образом, рассмотрев аналогии, мы можем заключить, что меч из Мухоршибирского района имеет явное сходство с железными мечами культур поздней древности и раннего Средневековья. Сравнительно небольшая длина клинка, длинная рукоять, форма клинка, ладьевидное перекрестье, а также кольцевидное навершие указывают на период раннего Средневековья, в связи с чем меч можно датировать по морфологическим признакам в пределах I–VI вв. н.э.

Фрагментированный клинок, НВ – 1204/1,2,3 (старый номер А-11-2). В книге поступлений проходит как «фрагменты мечей (железо)». Точное место и время находки, а также поступления в музей неизвестно. Предположительно найден в районе села Нижняя Иволга (местность «Гуннское городище») Иволгинского района Республики Бурятия. Отреставрирован в 2005 г. М.Л. Воробьёвым, реставратором высшей категории по металлу.

Представляет собой два фрагмента клинка и фрагмент рукояти с крестовиной и остатками клинка. Изготовлен из черного металла (стали?).

1. МИБ 1204/3НВ. Обломок клинка. Общая длина 18,4 см. Ширина – 2,4 см. В сечении треугольный. Толщина обуха – 4–5,5 мм. Вес 65,58 г.

2. МИБ 1204/2НВ. Обломок клинка. Общая длина 22,2 см. Ширина – 2,4 см. В сечении треугольный. Толщина обуха – 7 мм. Вес 75,11 г.

* Синюткина Ю.А. Тактико-технические характеристики длинного клинкового оружия Хакасско-Минусинской котловины (по материалам Абаканского – Минусинского музеев) : дипломная работа / ОФО Институт истории и права. Абакан, 2001. Авторы выражают благодарность руководителю военно-исторического клуба «Мирген» (г. Абакан) Андрею Леонидовичу Петренко за возможность ознакомиться с данным материалом.

3. МИБ 1204/1НВ. Обломок клинка с рукоятью и крестовиной. Общая длина 21 см. Ширина клинка у крестовины – 2,7 см. В сечении треугольный. Толщина обуха – 6,5 мм. Вес 107,43 г.

Перекрестье прямое, по классификации Ю.С. Худякова, «крестовидное», в верхней проекции ромбовидное, концы перекрестья раскованы в виде «лопаточек». Длина перекрестья 5,9 см. Ширина 1,6 см. Высота в средней части 1 см. Высота концов крестовины 1,2 см. Длина одного конца крестовины 1,7 см, второго, расположенного под обухом, 1,9 см. Рукоять имеет наклон в сторону лезвия. В черене пробиты отверстия для крепления обкладок рукояти. В верхнем отверстии сохранилась заклепка диаметром 2,5 мм, диаметр нижнего отверстия около 3,5 мм. Толщина черена у крестовины 7 мм. В нижней трети – 5 мм, на конце 4 мм. Ширина черена у крестовины 1,7 см, в нижней трети 1,2 см. Общий вес палаша 248,12 г.

Фрагменты сильно корродированы, покрыты кавернами, имеются серьезные утраты металла. На рукояти наблюдаются отпечатки от деревянных обкладок.

Несмотря на то, что клинок значительно корродирован и фрагментирован, мы можем с определенной долей уверенности атрибутировать данную находку как палаш. Рассмотрев аналоги с близлежащих территорий Южной и Западной Сибири, мы можем установить временные и территориальные рамки бытования данного предмета наступательного вооружения.

Палаш из Иволгинского района имеет прямой треугольный в сечении клинок, снабженный прямым крестообразным (по терминологии Ю.С. Худякова) перекрестьем, которое имеет вид ромба в верхней проекции. Рукоять изогнута в сторону клинка. Такими характеристиками обладает ряд палашей и слабоизогнутых сабель, происходящих с территории Восточного Казахстана, Горного и Лесостепного Алтая.

Схожими чертами обладает палаш, происходящий из памятника Ибыргыс-Кисте (курган 4), такими как прямой клинок, крестообразное перекрестье со слегка расширяющимися концами, рукоять, имеющая небольшой наклон в сторону лезвия. Клинок относится к древнетюркской культуре и датируется в пределах VIII–X вв. [Худяков, 2004, с. 61, с. 128, рис. 48.-1].

Схожим по конструкции перекрестьем обладает палаш, найденный в 1983 г. в урочище Джолин, расположенном в истоках р. Юстыд (Кош-Агачский район Горно-Алтайской автономной области). Захоронение, из которого происходит клинок, датируется началом или серединой IX в. и относится к древнетюркской культуре [Кубарев, 1992].

Древнетюркский палаш IX–X вв. из погребения Калбак-Таш (курган №2) (Горный Алтай) также имел рукоять с наклоном в сторону лезвия [Кубарев, 2005, с. 299, табл. 117.-1].

Конструктивным сходством обладает кыргызский клинок из памятника Яконур – Горный Алтай 2-я половина IX – 1-я половина X вв., у него схожее перекрестье и рукоять также наклонена в сторону лезвия [Горбунов, 2006, с. 195, рис. 50.-8]. Такие же характеристики имеют клинки сrostкинской культуры из памятника Гилево-VII – Лесостепной Алтай 2-я половина IX – 1-я половина X вв. [Горбунов, 2006, с. 199, рис. 54.-5] и Дмитритово – 2-я половина IX – 1-я половина X вв. [Горбунов, 2006, с. 200, рис. 55.-4].

Схожий по конструктивным особенностям клинок был найден в Восточном Казахстане в могильнике Славянка, курган №2, он имеет практически прямое лезвие, схожее перекрестье, ромбическое в верхней проекции, и рукоять, имеющую

наклон в сторону лезвия. Данная слабоизогнутая сабля принадлежала тюркоязычному народу – кимакам, государство которых существовало в IX–XI вв. и включало территорию Казахстана, Северного Алтая и юг Западной Сибири [Плотников, 1981, с. 165, рис. 1.-4].

Рассмотрев конструктивные особенности фрагментированного палаша из Иволгинского района Республики Бурятия, а также аналогии, происходящие с территории Алтая (Горного и Лесостепного) и Восточного Казахстана, его можно датировать концом эпохи раннего – началом развитого Средневековья, в пределах VIII–XI вв., и по месту находки связать с кочевым населением Западного Забайкалья.

В 2012 г. житель с. Эгита муниципального образования «Еравнинский район» А.В. Бадаев в местности Улунгуй близ с. Эгита обнаружил хорошо сохранившийся сабельный клинок с перекрестьем и остатками гарнитуры для ножен (НМБ – МИБ ОФ 20098).

Данный образец клинкового оружия представляет собой длинный слабоизогнутый клинок с ладьевидным перекрестьем, он изготовлен из черного металла (стали?). В нижней трети клинка у перекрестья в области оковки имеются остатки покрытия металлом желтого цвета (золочение?). Сабельная полоса слабоизогнутая, плечики у клинка с малым наклоном. Клинок в сечении треугольный, верхняя треть клинка имеет обратную заточку – елмань порядка 28 см длиной. На клинке у рукояти имеется оковка с «язычком», внутренний край которого оформлен вырезами в виде чередующихся волн и зубчиков. Оковка прикреплена к клинку кузнечной сваркой и имеет слабую заточку со стороны лезвия. Клинок снабжен ладьевидным перекрестьем. Длина перекрестья – 7,2 см. Перекрестье снабжено двумя выступами с обеих сторон, смотрящих острым краем в сторону лезвия и рукояти. В сечении перекрестье прямоугольное. Концы перекрестья плавно сужаются от 1,3 см до 1 см у торца. Максимальная ширина перекрестья по выступам 2,2 см. Общая длина клинка – 98,5 см, длина черена рукояти 10,5 см. Толщина черена 4 мм, причем он постепенно сужается к концу. Ширина черена 2,3 см. В черене пробиты два отверстия для крепления обкладки рукояти. В верхнем отверстии имеется заклепка, головка которой оформлена в виде четырехлепестковой розетки. Заклепка в сечении четырехугольная, она постепенно сужается к концу. С обратной стороны рукояти она расклепана с небольшой шайбой желтого цвета (бронза?). Высота плечиков – 5 мм. Ширина клинка у рукояти 3,4 см, в средней части – 3,2 см, в верхней трети 3 см. Толщина обуха клинка у крестовины 4 мм, причем толщина не меняется до елмани, после чего идет заметное сужение. Вес клинка около 980 г. Сабля удовлетворительной сохранности, покрыта равномерным слоем ржавчины, лезвие сабли покрыто мелкими слабозаметными выбоинами.

Обойма ножен представляет собой три скобы, прикрепленные к одной длинной тонкой металлической пластине. Пластина цельнокованая с тремя ушками, к которым заклепками крепятся три овальные обоймицы, две крайние имеют кольца для крепления ремней подвеса. Две обоймицы-скобы имеют украшения в виде четырехлепестковых прорезных ажурных розеток (частично обломаны). Судя по внутренним размерам обойм, ширина ножен была порядка 5 см, толщина – порядка 8 мм. Крепление пластины со стороны обуха указывает на то, что саблю носили изгибом вниз.

Аналогичные предметы наступательного вооружения известны на значительной территории, они происходят из Монголии, Алтая, Хакасии, Тувы, Пензенской области.

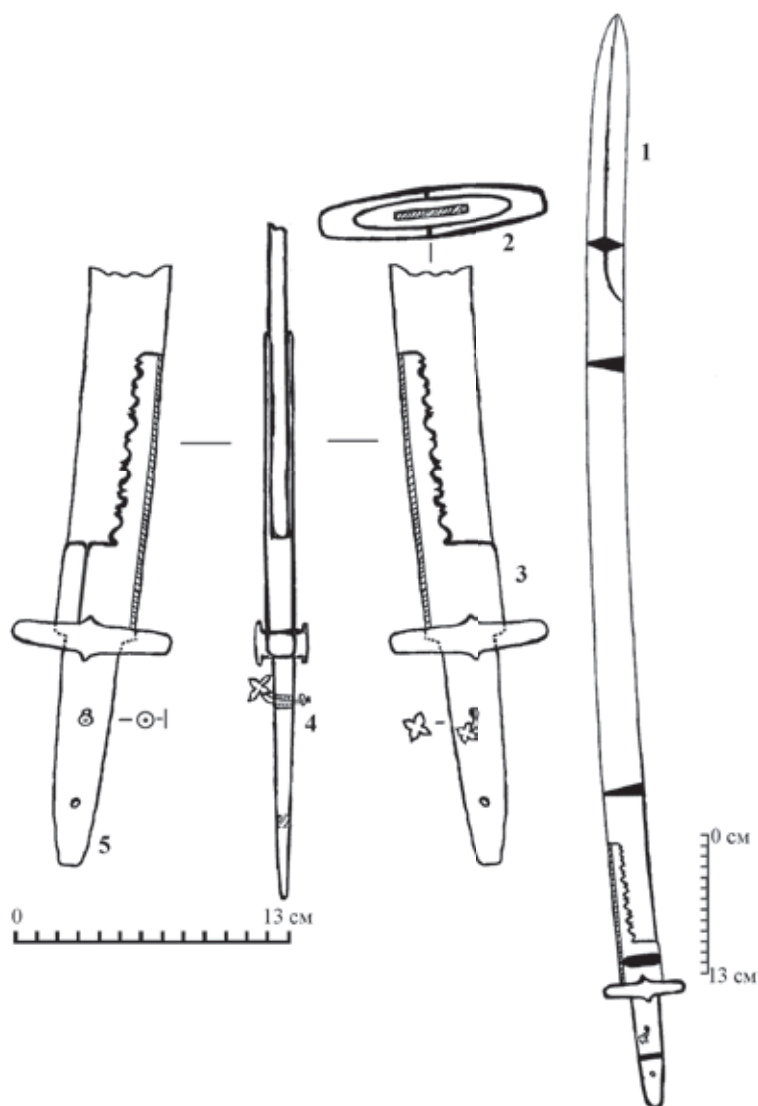

Рис. 4. Сабля из Еравнинского района Республики Бурятия (НМБ – МИБ ОФ 20098):
1 – общий вид; 2 – перекрестье, вид сверху; 3 – рукоять с крестовиной и оковкой, вид с левой стороны; 4 – рукоять с крестовиной и оковкой, вид со стороны обуха;
5 – рукоять с крестовиной и оковкой, вид с правой стороны

Сабля с ножами, найденная в Баянхонгорском аймаке Монголии, имеет ряд сходных черт: треугольный в сечении слабоизогнутый клинок; деревянная обкладка рукояти крепится при помощи заклепки с головкой в виде четырех лепестков подобно сабле из Еравнинского района; аналогичным способом изготовлены обоймицы-скобы сабельного подвеса. Однако они не имеют цельнокованной пластины и крепятся каждая самостоятельно на ножны. Данная сабля датирована радиоуглеродным методом концом XI – серединой XII вв.: 1046 ± 38 лет (905–1022/ 894–1149 гг.) [Erdenebat, 2009].

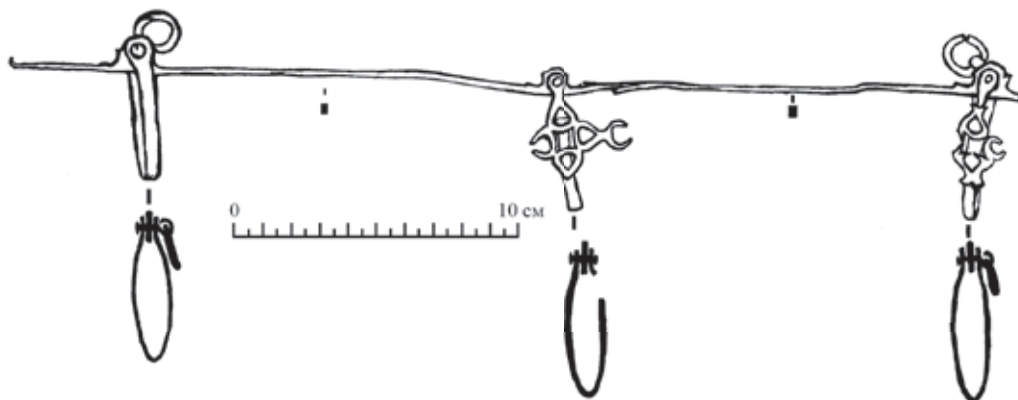

Рис. 5. Гарнитура от ножен сабли из Еравнинского района Республики Бурятия (НМБ – МИБ ОФ 20098)

Похожий клинок с перекрестьем был найден в окрестностях Новокузнецка. Схожими чертами являются: слабоизогнутый клинок с елманью; ладьевидное перекрестье с ромбовидным расширением в средней части; наличие на клинке у черена оковки с язычком со стороны лезвия [Ширин, 2002].

Похожие клинки палашей и сабель X–XIV вв. известны в комплексе вооружения у енисейских кыргызов. Палаш со сходными деталями оформления был найден в Туве в могильнике Демир Суг, к. 1, он был датирован X–XII вв. [Худяков, 1980, с. 38, табл. VI.-1, 2; с. 49, табл. 3]. Оковка с фигурными вырезами и язычком под перекрестьем практически полностью повторяет оковку сабли из Еравнинского района Бурятии.

Палаша со сходными деталями оформления были найдены в памятнике Самохвал-II, к. 1 и Соян-сее, к. 1 из Минусы. Они имеют следующие схожие черты: треугольные в сечении клинки; острия, раскованные на два лезвия (елмани); под перекрестьем клинки палашей снабжены кольцевой оковкой, спускающейся язычком по лезвию на 8 см; перекрестье клинков напускное, ладьевидное, расширяющееся к центру и сужающееся к концам, но несколько иной конструкции [Худяков, 1997].

Значительным сходством обладают сабли, перекрестья и обоймицы от ножен, найденных на Золотаревском городище, расположенном в верховьях р. Суры (правый приток р. Волги), у с. Золотаревка Пензенской области. Датируются находки вооружения 1-й половиной XIII в. В ходе раскопок, проводившихся на городище, найдено большое количество предметов вооружения, имеющих прямые аналоги среди комплекса боевых средств Южной Сибири и Дальнего Востока XII–XIV вв. [Белобрыкин, 2001, рис. 81.-1, 2; 84.-1; 85.-9–25].

Еще одним, очень близким аналогом является клинок с кольцевой оковкой, оформленной практически аналогично сабле из Еравнинского района. Клинок определен как происходящий с территории Ирана, датирован сельждукским периодом XI–XII вв. [Bashir, 2008, с. 39].

Похожий по конструктивным особенностям клинок с золочением в первой трети клинка, напротив круговой оковки, хранится в Национальном музее в Софии. Сабля из Софии также датирована монгольским временем [Inkova, 2013].

Таким образом, сабля, найденная в местности Улунгуй близ с. Эгита Еравнинского района, имеет явные конструктивные аналоги с саблями, датированными эпохой развитого Средневековья – монгольским временем XII–XIV вв. Подобного типа сабли были распространены на значительной территории, включавшей Южную Сибирь и степи Восточной Европы. Датировать саблю из Еравнинского района позволяют конструктивные особенности, а именно: слабоизогнутый клинок с елманью, наличие оковки с язычком у крестовины, ладьевидное перекрестье с ромбическими выступами, конструкция сабельного подвеса. Исходя из перечисленных особенностей конструкции мы можем датировать данный клинок, опираясь на формально-типологические признаки аналогий с соседних территорий, монгольским временем XII–XIV вв. и связать по месту находки с кочевым населением Забайкалья.

Рассмотренные нами находки клинкового оружия показывают развитие клинкового вооружения, используемого жителями Западного Забайкалья в течение эпох поздней древности – раннего и развитого Средневековья. Эти находки еще раз указывают на общность тенденций развития военного дела и вооружения кочевых народов Прибайкалья, Монголии и Южной Сибири. Вопрос о местном забайкальском производстве клинкового вооружения в эпоху Средневековья в настоящий момент остается открытым, поэтому, скорее всего, рассмотренные в данной статье меч, палаш и сабля являются привозными. В настоящий момент эти находки считаются уникальными для территории Бурятии и единичными, однако они указывают на культурные связи Западного Забайкалья с соседними регионами.

Библиографический список

- Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб. ; Пенза : Изд-во ПГПУ, 2001. 200 с.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2008. 784 с. (Historia Militaris).
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 234 с.
- Коновалов П.Б., Данилов С.В., Именохоев Н.В. Бронзовый меч из села Петропавловка (р. Джигда, Бурятия) // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Бурятии и Монголии. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. С. 59–61.
- Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск : Наука, 1992. 108 с.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
- Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М. : Наука, 1984. 263 с.
- Михайлов В.А. Оружие и доспехи бурят. Улан-Удэ : Изд-во ОНЦ Сибирь, 1993. 73 с.
- Мясников В.Ю. Военное дело кочевников Восточной Сибири в XVII – начале XVIII вв. : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2007. 171 с.
- Мясников В.Ю. Позднесредневековый сабельный клинок из музея истории города Улан-Удэ. Монгольский мир в научном и образовательном дискурсах. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. С. 97–100.
- Мясников В.Ю. Позднесредневековый шлем из Тункинского района Республики Бурятия // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. №2/3. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. С. 88–91.
- Мясников В.Ю. Сабля монгольского времени из Еравнинского района Республики Бурятия // Россия – Монголия. Сто лет дипломатического сотрудничества. Улан-Удэ : ГБУ РЦ «Бэлиг», 2013. С. 114–118.
- Мясников В.Ю., Дугаров В.Д., Чимитова Д.К. Средневековые панцирные пластины из Иволгинского района Республики Бурятия // Кыргызский каганат в контексте средневековой государственности и культуры тюркских народов. Бишкек : «Maхprint» басмаканасы, 2013. С. 181–182.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV вв.: Усть-Талькинская культура. Владивосток ; Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. 306 с.

Николаев В.С. Предбайкалье в XII–XIV вв. и некоторые вопросы этногенеза западных бурят // Народы внутренней Азии: этносоциальные процессы в геополитической и цивилизационной динамике. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. С. 20–24.

Плотников Ю.А., Батсайхан З. Сабля с Гобийского Алтая // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Наука, 1993. С. 212–214.

Плотников Ю.А. Рубящее оружие прииртышских кимаков // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1981. С. 110–115.

Путь война. Каталог выставки из фондов Национального музея Республики Бурятия. Улан-Удэ : ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия», 2014. 60 с.

Рец К.И. «Хуннский меч» из Черемуховой пади: к вопросу о датировке и типологии // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. 1: Археология. Этнология. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 122–125.

Седякина Е.Ф. Могильник Усть-Талькин // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1965. С.196–202. (Труды БКНИИ СО АН СССР, вып. 2).

Соловьёв А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск : Наука, 1987. 193 с.

Талько-Грынцевич Ю.Д. Материалы к палеоэкологии Забайкалья // Труды ТКОРГО. М. : [б.и.], 1900. Т. 1, вып. 3. С. 74–75.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск : Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 159 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск : Наука, 1991. 190 с.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 152 с.

Ширин Ю.В. Средневековые случайные находки предметов вооружения из Горной Шории // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 130–134.

Bashir Mohamed. The Arts of the Muslim Knight: The Furusiyya Art Foundation Collection. Milano : Skira ; New York : Distributed in North America by Rizzoli International Publications, 2008. 416 p.

Mariela Inkova. A medieval sabre and a knife from the exhibition I of the National museum of history in Sofia // Acta Militaria Mediaevalia IX. Kraków – Rzeszów – Sanok 2013, S. 63–88 [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/9633335/A_Medieval_Sabre_and_Knife_from_National_Museum_of_History_Sofia

Ulbayar Erdenebat. Altmongolisches Grabbrauchtum - Archäologisch-historische Untersuchungen zu den mongolischen Grabfunden des 11. bis 17. Jahrhunderts in der Mongolei. Anhang : Katalog der Grabfunde. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Rheinischen Friedrich – Wilhelms – Universität. Bonn, 2009.

References

Belorybkin G.N. Zolotarevskoe poselenie [Zolotarevskoye Settlement]. SPb. ; Penza : Izd-vo PGPU, 2001. 200 p.

Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego srednevekov'ya i rannego novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.) [Arms and Tactics of Nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Medieval and Early Modern Era (the 15th – First Half of the 18th century)]. SPb. : Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2008. 784 p. (Historia Militaris).

Gorbunov V.V. Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) [The Military Arts of the Altai Population in the 3rd–14th Centuries. Part II: Offensive Weapons]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. 234 p.

Kononov P.B., Danilov S.V., Imenokhoyev N.V. Bronzovyy mech iz sela Petropavlovka (r. Dzhi-da, Buryatiya) [Bronze Sword from the Village of Petropavlovka (the Dzhi-da River, Buryatia)]. Kul'tury i pamyatniki bronzovogo i rannego zheleznogo vekov Buryatii i Mongolii [Cultures and Monuments of the Bronze and Early Iron Ages of Buryatia and Mongolia]. Ulan-Ude : BNTs SO RAN, 1995. Pp. 59–61.

Kubarev V.D. Palash s sogdiyskoy nadpis'yu iz drevnetyurkskogo pogrebeniya na Altae [Palash with Sogdian Inscription from the Ancient Turkic Burial in Altai]. Severnaya Aziya i sosednie territorii v srednie veka [Northern Asia and Neighboring Territories in the Middle Ages]. Novosibirsk : Nauka, 1992. 108 p.

Kubarev G.V. Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov) [Culture of the Ancient Turks of Altai (Based on the Materials of Funerary Monuments)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhologii i etnografii SO RAN, 2005. 400 p.

Lipets R.S. Obrazy batyra i ego konya v tyurko-mongol'skom epose [The Images of the Batyr and His Horse in the Turkic-Mongolian Epic]. M. : Nauka, 1984. 263 p.

Mikhaylov V.A. Oruzhie i dospekhi buryat [Arms and Armor of the Buryat People]. Ulan-Ude : Izd-vo ONTs Sibir', 1993. 73 p.

Myasnikov V.Yu. Voennoe delo kochevnikov Vostochnoy Sibiri v XVII – nachale XVIII vv. : dis. ... kand. ist. nauk [Military Arts of Nomads of Eastern Siberia in the 17th – Early 18th Centuries. : Dis. ... Cand. Hist. Sciences. Ulan-Ude, 2007. 171 p.

Myasnikov V.Yu. Pozdnesrednekovyy sabel'nyy klinok iz muzeya istorii goroda Ulan-Ude. Mongol'skiy mir v nauchnom i obrazovatel'nom diskursakh [Late Medieval Saber Blade from the Museum of the History of the City of Ulan-Ude. The Mongolian World in Scientific and Educational Discourses]. Ulan-Ude : Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2009. S. 97–100.

Myasnikov V.Yu. Pozdnesrednekovyy shlem iz Tunkinskogo rayona Respubliki Buryatiya [Late Middle Age Helmet from the Tunkinsky District of the Republic of Buryatia]. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrenney Azii [Humanitarian Studies of Inner Asia. №2 / 3]. №2/3. Ulan-Ude : Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2008. Pp. 88–91.

Myasnikov V.Yu. Sablya mongol'skogo vremeni iz Eravninskogo rayona Respubliki Buryatiya [Saber of Mongolian Time from the Eravninsky District of the Republic of Buryatia]. Rossiya-Mongoliya. Sto let diplomaticheskogo sotrudnichestva [Russia-Mongolia. Hundred Years of Diplomatic Cooperation]. Ulan-Ude : GBU RTs "Belig", 2013. Pp. 114–118.

Myasnikov V.Yu., Dugarov V.D., Chimitova D.K. Srednekovyye pantsirnye plastiny iz Ivolginskogo rayona Respubliki Buryatiya [Medieval Armor Plates from the Ivolginsky District of the Republic of Buryatia]. Kyrgyzskiy kaganat v kontekste srednekovoy gosudarstvennosti i kul'tury tyurkskikh narodov [Kyrgyz Kaganate in the Context of Medieval Statehood and Culture of the Turkic Peoples]. Bishkek : "Maxprint" basmakanasy, 2013. Pp. 181–182.

Nikolaev V.S. Pogrebal'nye komplekсы kochevnikov yuga Sredney Sibiri v XII–XIV vv.: Ust'-tal'kinskaya kul'tura [Funeral Complexes of Nomads in the South of Central Siberia in the 12th–14th Centuries: Ust-Tal'k Culture]. Vladivostok ; Irkutsk : Izd-vo In-ta geografii SO RAN, 2004. 306 p.

Nikolaev V.S. Predbaykal'e v XII–XIV vv. i nekotorye voprosy etnogeneza zapadnykh buryat [The Baikal Region in the 12th–14th Centuries and Some Questions of the Ethnogenesis of Western Buryats]. Narody vnutrenney Azii: etnosotsial'nye protsessy v geopoliticheskoy i tsivilizatsionnoy dinamike [Peoples of Inner Asia: Ethnosocial Processes in Geopolitical and Civilizational Dynamics]. Ulan-Ude : Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2006. Pp. 20–24.

Plotnikov Yu.A., Batsaykhan Z. Sablya s Gobiyskogo Altaya [Saber from the Gobi Altai]. Voennoe delo naseleniya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka [Military Affairs of the Population of the South of Siberia and the Far East]. Novosibirsk : Nauka, 1993. Pp. 212–214.

Plotnikov Yu. A. Rubyashchee oruzhie priirtyshskikh kimakov [Slaughtering Weapons of the Priirtysh Kimaks]. Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noy Azii [Military Affairs of the Ancient Tribes of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 110–115.

Put' voina. Katalog vystavki iz fondov Natsional'nogo muzeya Respubliki Buryatiya [The Way of the Warrior. Catalog of the Exhibition from the Collections of the National Museum of the Republic of Buryatia]. Ulan-Ude : GAUK RB "Natsional'nyy muzey Respubliki Buryatiya", 2014. 60 p.

Rets K.I. "Khunnskiy mech" iz Cheremukhovoy padi: k voprosu o datirovke i tipologii ["Hunnish sword" from Cheremukhova Fall: on the Issue of Dating and Typology]. Problemy istorii i kul'tury kochevykh tsivilizatsiy Tsentral'noy Azii. T. 1. Arkheologiya. Etnologiya [Problems of History and Culture of Nomadic Civilizations in Central Asia. Vol. 1. Archaeology. Ethnology]. Ulan-Ude : Izd-vo BNTs SO RAN, 2000. Pp. 122–125.

Sedyakina E.F. Mogil'nik Ust'-Tal'kin [Burial Ground Ust-Talkin]. Materialy po istorii i filologii Tsentral'noy Azii [Materials on the History and Philology of Central Asia]. Ulan-Ude : Buryat. kn. izd-vo, 1965. Pp. 196–202. (Trudy BKNII SO AN SSSR, vyp. 2).

Solov'ev A.I. Voennoe delo korennoy naseleniya Zapadnoy Sibiri. Epokha srednevekov'ya [Military Arts of the Indigenous Population of Western Siberia. The Era of the Middle Ages]. Novosibirsk : Nauka, 1987.

Tal'ko-Gryntsevich Yu.D. Materialy k paleoekologii Zabaykal'ya [Materials to the Paleoecology of Transbaikalia]. Trudy TKORGO [Proceedings of TKORGO]. M. : [b.i.], 1900. T. 1, vyp. 3. Pp. 74–75.

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie eniseyskikh kyrgyzov VI–XII vv. [Armament of the Yenisei Kyrgyz of the 6th–12th Centuries]. Novosibirsk : Nauka, 1980. 176 p.

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v epokhu razvityego srednevekov'ya [Arms of Nomads of Southern Siberia and Central Asia in the Era of the Developed Middle Ages]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 1997. 159 p.

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii [Arms of Medieval Nomads of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1986. 268 s.

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvityego srednevekov'ya [Armament of the Central Asian Nomads in the Era of the Early and Developed Middle Ages]. Novosibirsk : Nauka, 1991. 190 p.

Khudyakov Yu.S. Drevnie tyurki na Enisee [Ancient Turks on the Yenisei]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2004. 152 p.

Shirin Yu.V. Srednevekovye sluchaynye nakhodki predmetov vooruzheniya iz Gornoy Shorii [Medieval Random Finds of Armament from Gornaya Shoria]. Materialy po voennoy arkheologii Altaya i sopredel'nykh territoriy [Materials on Military Archaeology of Altai and Adjacent Territories]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. Pp. 130–134.

Bashir Mohamed. The Arts of the Muslim Knight: The Furusiyya Art Foundation Collection. Milano : Skira ; New York : Distributed in North America by Rizzoli International Publications, 2008. 416 p.

Mariela Inkova. A Medieval Sabre and a Knife from the Exhibition I of the National Museum of History in Sofia // Acta Militaria Mediaevalia IX. Kraków – Rzeszów – Sanok 2013, Pp. 63–88 [Electronic Resource]. URL: https://www.academia.edu/9633335/A_Medieval_Sabre_and_Knife_from_National_Museum_of_History_Sofia

Ulambayar Erdenebat. Altmongolisches Grabbrauchtum – Archäologisch-historische Untersuchungen zu den mongolischen Grabfunden des 11. bis 17. Jahrhunderts in der Mongolei. Anhang : Katalog der Grabfunde. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Rheinischen Friedrich – Wilhelms – Universität. Bonn, 2009.

V.Yu. Myasnikov, L.G. Yaroslavtseva

THREE MEDIEVALS BLADES FROM THE COLLECTION OF NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

The article considers three swords (a sword, fragments of a broadsword and a saber) found in the territory of the Ivolginsky, Mukhorshibirsky and Eravninsky districts of the Republic of Buryatia. All weapons belong to the category of random finds. Descriptions and detailed representation of blades are given. The authors attempted to establish dating and ethno-cultural attribution of these items of long-blade weapons. On the basis of the typological analysis, the swords are dated as follows: the sword – a period of late antiquity – by the early Middle Ages 1st – 6th centuries AD; Broadsword – the end of the early – the beginning of the developed Middle Ages 8th – 11th centuries; Saber – the period of the developed Middle Ages – Mongolian time of the 12th – 14th centuries. At the place of detection, these armaments are associated with the nomadic population of Transbaikalia. Due to the rarity of the finds of medieval blade weapons in Transbaikalia and the presence of a significant number of analogies in the territories of Southern and Western Siberia, Kazakhstan and Mongolia, the sword, broadsword and saber were most likely imported. The question of the production of blade arms in the Transbaikalia at the moment remains open. The considered items of armament indicate common tendencies in the development of military affairs and armament of the nomadic peoples of Pribaikalye, Mongolia and Southern Siberia. Despite the fact that the blades are unique for the territory of Buryatia, they point to the cultural ties of Western Transbaikalia with neighboring regions.

Key words: Buryatia, Western Transbaikalia, Middle Ages, offensive weapons, blade weapons.

К ТИПОЛОГИИ РУКОЯТЕЙ КИТАЙСКОГО КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ – «ПИСТОЛЕТНАЯ» РУКОЯТЬ КАК ДАТИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК

Традиционное клинковое оружие Китая в большинстве случаев имеет рукоять, закрепляемую путем расклепа конца хвостовика на навершии рукояти. Некоторое количество традиционно используемых рукоятей имеет крепление деревянных накладок к хвостовику при помощи заклепок. Практически все они снабжены обмоткой шнуром или текстильной лентой. Это традиционные для Китая формы рукоятей, бытовавшие на протяжении тысяч лет. Однако среди китайского клинкового оружия встречаются также образцы с рукоятями, именуемые в оружейно-литературе «пистолетными». Эти типы не являются традиционными для Китая и могут быть использованы в качестве надежного датирующего признака для атрибуции предметов китайского вооружения, находящегося в музейных и частных собраниях. По форме и материалу «пистолетных» рукоятей – нефриту и дереву – можно выделить два их типа, датирующихся 2-й половиной XVIII в. и 1-й половиной XIX в. соответственно. Первый тип надежно увязывается с проникновением в империю Цин элементов могольской воинской культуры через Восточный Туркестан во 2-й половине XVIII в., второй предположительно связывается с опосредованным влиянием европейского (в первую очередь, голландского и португальского) морского клинкового оружия на оружие народов Юго-Восточной Азии и далее на клинковое оружие Китая. Крайняя редкость рукоятей второго типа требует продолжения исследований в данном направлении для выяснения их генезиса, степени распространенности, ареала и периода бытования.

Ключевые слова: Китай, Шаолинь, Цяньлун, Линьцин, сабли, «пистолетные» рукояти, нефрит.

DOI: 10.14258/tpai(2017)3(19).-05

Китайское клинковое оружие вот уже несколько столетий привлекает к себе пристальное внимание исследователей. К сожалению, несмотря на обилие вещественных, изобразительных и письменных источников, многие вопросы, связанные с особенностью конструкции, эволюции и боевого применения клинкового оружия Поднебесной, изучены в недостаточной степени. К числу слабо изученных вопросов относится и проблема появления и развития китайского длинно- и короткоклинкового оружия, снабженного так называемыми рукоятями «пистолетного» типа (кит. *цуйбин* 曲柄). Данной теме и посвящена настоящая статья.

Традиционное китайское клинковое оружие имеет деревянные рукояти всадного типа, крепящиеся путем расклепа конца хвостовика на навершии рукояти*. Готовая рукоять обматывается текстильным шнуром по деревянной обкладке черена. Однако этот доминирующий тип все же не составляет всех 100% типов рукоятей на китайском клинковом оружии**. Так, на поздних образцах (2-я половина XIX – 1-я половина XX в.) рукоять может формироваться путем обкладки черена рукояти каким-либо органическим материалом с обшивкой плотной тканью или же простой обмоткой текстильной лентой прямо по черену. При всей примитивности и неэстетичности подобной конструкции рукояти они имеют немалые достоинства – возможность подгонки под любые анатомические данные владельца и высокую ремонтпригодность.

* Можно разделить их по форме на прямые, наклонные и изогнутые/«горбатые». Пример «горбатой» рукояти см.: Смертельная красота, кат. №249, с. 297.

** Встречаются рукояти без обмотки, однако это происходит достаточно редко. В ряде случаев обмотка рукояти была просто утрачена с течением времени.

Существуют также площадные рукояти, где деревянные, костяные или роговые щечки обкладки рукояти крепятся при помощи заклепок, проходящих через отверстия в щечках рукояти и хвостовике клинка*. Иногда в качестве шайб под головки заклепок используются литые монеты с квадратным отверстием**.

Кроме того, существуют и крайне редко встречающиеся рукояти так называемого «пистолетного» типа (кит. *цюйбин* 曲柄)***, имеющие две основные разновидности.

«Пистолетные» рукояти на клинковом оружии являются для Китая надежным датированным признаком. Практически все образцы оружия с подобным дизайном эфеса могут быть надежно датированы 1750–1790-ми (рис. 1–8) и 1800–1850-ми годами**** (рис. 13; 14).

При этом следует отметить дискретность существования обоих типов и их серьезные конструктивные различия.

Разница типов «пистолетной» рукояти на китайском клинковом оружии состоит как в дизайне, так и в материале, что, несомненно, накладывало отпечаток на технику владения этим оружием.

Первая, более ранняя, восходит к образцам индийского и среднеазиатского оружия, распространенного в приграничных с Восточным Туркестаном и Джунгарией регионах. Эти рукояти изготовлены, как правило, из прекрасного по своим пластическим качествам кашгарского нефрита, очень ценившегося в Китае в качестве поделочного камня вообще и материала для рукоятей клинкового оружия в частности.

В 1-й половине XIX в. «отец русской синологии» Н.Я. Бичурин писал про «яркянскую (Яркендскую. – А.П.) и хотанскую яшму»*****: «Здесь в реке Юрункаше добывают яшмовые камни, из которых большие бывают величиною с блюдо, а малые с кулак или грушу. Случается, что один кусок весит от 3 до 400 *гинов******. *Сии камни неодинакового цвета. Белые как снег, темнозеленые как мурава, желтые как воск, красные как киноварь и темные как туш почитаются превосходными. Белейшие с красными крапинами, и темнозеленые с сквозными золотыми полосами, бывают еще реже.*

Дно реки покрыто камнями различной величины, между которыми и яшмовые находятся. Достают их со дна реки таким образом: вдали от берега становится один чиновник, а подле самого берега один Офицер из гарнизона для надзора. От 20 до 30-ти искусных Туркистанских водолазов становятся поперег реки цепью один подле другого, и ступают по камням голыми ногами. Как скоро попадетс яшмовый камень, то Туркистанец узнает его, наступив ногою, и, согнувшись, вытаскивает оный и бро-

* Рукояти такого типа встречаются преимущественно на короткоклинковом оружии и двуручных саблях *дадао* (大刀) конца XIX – начала XX в. Примеры рукоятей с обмоткой тканью см. Смертельная красота, кат. №209, с. 271; кат. №231, с. 285; кат. №316, с. 329.

** Данная особенность не является датирующим признаком, поскольку литые монеты не имели правил обращения и среди китайского монетного материала, собранного в начале XX в. из находящихся в обращении монет, можно было легко обнаружить образцы 500 и даже 1000-летней давности, а также аналогичные по дизайну и способу изготовления корейские, японские и вьетнамские монеты.

*** Букв. «изогнутая рукоять». В целях различения типов рукоятей в русскоязычной оружиеведческой литературе мы именуем их «пистолетными», в отличие от рукоятей другой формы.

**** За исключением близких к «пистолетным» рукоятям «горбатых» рукоятей, обычно встречающихся на клинковом оружии Китая со 2-й половины XIX до середины XX вв.

***** В своих работах Н.Я. Бичурин указывает, что в притоке реки Хотан-дарья, именуемом Юрункаш, добывают лучшую белую «яшму», а в притоке Каракаш – зеленую «яшму». Следует отметить, что в своих работах Н.Я. Бичурин постоянно смешивает понятия «нефрит» и «яшма».

***** 1 *гин* (*цзинь*) весит 0,6 кг. Таким образом, вес камня составляет от 1,8 до 240 кг.

сает на берег. Солдат бьет один раз в медный таз, а офицеры ставят на бумаге красную точку. По выходе водолазов из реки требуют от них камней по числу точек.

В 230 *ли** от Яркяни есть гора Мирчжай, которая вся состоит из разноцветной яшмы, но иная в коре, а другая содержит внутри себя частицы кварца. Кто желает достать яшму чистую, без всякой примеси, и притом величиною до 10000 *гинов*, тот должен итти на высочайшие вершины горы, на которые и природным жителям трудно подниматься. Здесь находятся волы, привыкшие ходить по горам. Туркистанец с орудиями поднимается на таком воле на гору, и отсекает камень, которые сами собою скатываются вниз. Сия яшма называется горною.

Яркянь ежегодно весною и осенью отправляет от 7 до 10000 *гинов* сей яшмы ко Двору**. Яркянская и хотанская яшма, добываемая в реках Юрункаше и Кхаракаше, вся идет ко Двору в неопределенном количестве, и препровождается от станции до станции до самого Пекина.

Частный провоз сей яшмы строжайше запрещен; на караулах и станциях обязаны осматривать. Но Туркистанцы к частному промыслу, а купцы к частному вывозу оной разные имеют хитрости, так что невозможно прекратить сего злоупотребления (курсив наш. – А.П.)» [Бичурин, 1829, с. 136–138].

При этом Бичурин отмечал, что мастера-мусульмане из Кашгара Аксу достигли очень высокого искусства обработки нефрита. В частности, из нефрита вырезали рукояти для ножей и сабель: «В Кашгаре ткнут парчи, атласы и разные другие шелковые материи, тянут пряденое золото и серебро. В сем городе находятся искусные мастера золотых дел и чисто полируют нефритовые изделия. В Аксу также хорошо отделявают нефритовые вещи; узды и седла из замши развозят отсюда по всему Тюркистану, а сабельные клинки, топоры и *нефритовые ножные черенки* (курсив наш. – А.П.) считаются превосходными» [Бичурин, 1829, с. 305–206].

Согласно уложениям маньчжурской империи Цин, нефритовые рукояти для сабель и ножей входили в состав «дани», которую мусульманские чиновники Синьцзяна были обязаны привозить ко двору: «Дань представляется китайскому двору только от высших беков шести городов, исключая Харашара, почему и приезды беков в Пекин разделены на шесть очередей, то есть каждому из высших беков доводится однажды в шесть лет побывать в Пекине. Дань, представляемая ими, очень маловажна и состоит в золоте, кишмише и нефрите (курсив наш. – А.П.)***. Князя турпанский и хамиский ежегодно с своими чиновниками посылают в Пекин дань, которая также очень маловажна. Вещи, идущие в дань, изготовляются на собственный счет беков и князей. Сии маленькие посольства препровождаются в Пекин и обратно на счет китайского правительства, а дань вознаграждается подарками от двора» [Бичурин, 2002, с. 311].

* 1 *ли* в настоящее время составляет 576 м.

** Таким образом, в начале XIX в. ежегодная казенная добыча нефрита в Яркенде и Хотане составляла от 4,2 до 6 тонн.

*** В первом списке уложения Лифаньюань – «Цяньлунчао нэйфу чаобэнь Лифаньюань цзэли» (Список уложения Палаты Внешних Сношений за период Цяньлун из дворцовой сокровищницы) – датированным 1789 годом, указано, что дань нефритом предписана только Хотану: «[дань, которую поставляет] Хотан – нефрит из [рек] Каракаш и Юрункаш, количество не установлено». В то же самое время среди изделий, поставляемых в качестве дани от княжества Хами, указаны сабли (кит. *пэйдао* 佩刀), которые могли поставляться с нефритовыми рукоятями.

Дань ко двору цинских императоров привозили беки Кашгара, Яркенда, Аксу, Хотана, Уша, Кучи, а также мусульманских княжеств Турфан и Хами, статус которых несколько отличался от статуса прочих городов Восточного Туркестана*. Полученные от них резные нефритовые изделия поступали в дворцовые кладовые. Поставленный из Синьцзяна нефрит также попадал в кладовые, откуда выдавался дворцовым мастерам для обработки. По сведениям Н.Я. Бичурина, в дворцовых мастерских (кит. *Цзаобаньчу* 造辦處) работало много ремесленников, в т.ч. 221 кузнец, а также резчики, полировальщики, лакировщики и т.п.

Таким образом, характерные «пистолетные» рукояти для ножей и сабель, встречающиеся на цинских предметах вооружения, имели, как правило, либо восточнотуркестанское (предметы дани), либо китайское (изделия из поставленного из Синьцзяна нефрита) происхождение. Рукояти собственно могольского изготовления также возможны.

«Пистолетная» рукоять первого типа вырезается из нефрита разных цветов в форме высокой конической шапки с полями, имеющей свисающий на одну сторону закругленный конец. Поверхность рукояти покрывается рельефным узором в виде цветов растений, волют и других геометрических элементов и тщательно полируется. Несколько реже встречается инкрустация нефрита другими камнями при помощи кастов из золоченой меди. При этом в орнаментации рукояти господствуют флоральные мотивы. Рудиментарная гарда образуется «полями шапки» (рис. 5).

Крепление к клинку происходит нетрадиционным для оружейного производства Китая, но характерным для Индии способом при помощи мастики из смеси органических смол и клея – в торце рукояти вырезается паз, соответствующий по размерам и форме хвостовику клинка, после чего заполняется разогретым мастичным составом, в который вставляется хвостовик клинка (рис. 6). После отвердевания состава клинок надежно скрепляется с рукоятью.

Рукояти этого типа за счет подобной технологии крепления могут встречаться как на длинноклинковом оружии (практически всегда – на саблях), так и на кинжалах (кит. *бишоу* 匕首), как обоюдоострых, так и однолезвийных.

Первые датированные предметы цинского клинкового оружия с «пистолетными» рукоятями появляются в середине правления Цяньлун (1735–1796) и связаны с покорением цинскими войсками Восточного Туркестана – ценивший зарубежную экзотику император Хунли приказал дворцовым мастерам изготавливать рукояти для заказанных им мечей, сабель и ножей из нефрита по модным в те годы монгольским образцам (рис. 1–3).

Из документации, находившейся в архиве Дворцового ведомства, известно, что в 1748 г. император заказал придворным мастерам первую партию сабель и ножей по его собственному дизайну, законченную лишь в 1757 г. Всего же оружие по дизайну, разработанному и согласованному с императором, производили вплоть до его отречения в 1796 г.** Насчитывается не менее 4 хорошо документированных

* Наследственные мусульманские правители Турфана и Хами, исходя из складывавшейся к концу XVII – началу XVIII вв. политической конъюнктуры, добровольно признали власть Цинов еще во время правления императора Канси (1661–1722) и поэтому считались по своему статусу выше чиновников-мусульман из прочих городов Восточного Туркестана.

** Последнюю партию изготовили в 1795 г., когда императору было уже 84 года.

Рис. 1. Сабля *Баотэн*, серия «Небо» №17. Китай, 1784 г. Частное собрание [Электронный ресурс] // URL: <<http://auction.artron.net/paimai-art5024833569/>>

партий сабель, ножей и мечей, созданных по заказу императора Хунли в 1748–1757, 1779, 1793 и 1795 гг.*

Среди этого оружия имеются образцы с великолепными рукоятями из хотанского нефрита, изготовленными в подражание могольским (рис. 19). Наиболее характерной в этом отношении является знаменитая сабля *Баотэн* (寶騰 – Драгоценное

* Всего было изготовлено 90 сабель, палашей и мечей, а также 30 кинжалов. Некоторые китайские исследователи (например, сотрудник музеев Гугун Сюй Цидэ) считают, что это была единая партия, создание которой растянулось на 47 лет. История создания этой партии клинкового оружия и его конструктивные и декоративные особенности заслуживают отдельного исследования.

Рис. 2. Сабли *Баотэн*, серия «Небо» №30, и *Чжэньюань*, серия «Земля» №30. Китай, 2-я половина XVIII в. Городской музей г. Яньтай, провинция Шаньдун, КНР [Электронный ресурс] // URL: <http://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MjM5MjA0MjA4Mg==&mid=2651412592&idx=2&sn=6bec70d045d24b8ab3c1b88147da91f9&chksm=bd51a57d8a262c6b574b81c98300ab312d190a144ba3d5f2e2894e705efd836b19ed9116b4d9&3rd=MzA3MDU4NTYzMw==&scene=6#rd>

воспарение)*, серия «Небо» №17, изготовленная в 1784 г.** (рис. 1). Она имеет рукоять «пистолетного» типа, изготовленную из хотанского белого нефрита сорта «бараний жир» (кит. *янчжи* 羊脂).

* В англоязычных переводах предлагается перевод «Парящее сокровище» (Soaring Treasure), однако это противоречит грамматическому строю китайской фразы. Скорее всего, сочетание «Драгоценное воспарение» является каким-то даосским термином, одним из тех, которыми пользовался император Хунли для наречения некоторых своих сабель, мечей и кинжалов.

** Сабли подразделялись на серии «Небо», «Земля» и «Человек» и имели порядковые номера, указывавшиеся на клинках. Их хранили в специальных ящиках комплектами.

Рис. 3. Сабля *Коумин*, серия «Небо» №27. Китай, 2-я половина XVIII в. Музей провинции Ляонин, г. Шэньян, КНР [Электронный ресурс] // URL: <<https://kknews.cc/culture/9o36n5.html>>

Рис. 4. Кинжал с нефритовой рукоятью. Китай, 2-я половина XVIII в. Частное собрание [Электронный ресурс] // URL: <<http://www.michaelbackmanltd.com/3201.html>>

К сожалению, данная сабля стала широко известна, в первую очередь, благодаря продаже ее на одном из аукционов в Гонконге в 2008 г. за рекордно высокую сумму в 58 900 000 гонконгских долларов и попала в частное собрание лица, не пожелавшего раскрыть инкогнито. В связи с этим сабля *Баотэн* в настоящий момент доступна для изучения исключительно по фотографиям и описаниям, сделанным для целей аукционной продажи*.

* Подлинность сабли была подтверждена рядом экспертов, в т.ч. Сюй Цидэ и Хуанфу Цзяном.

Рис. 5. Типичная нефритовая «пистолетная» рукоять, смонтированная на китайский клинок. Предположительно Индия, XVIII в. Частное собрание [Электронный ресурс] // URL: <<http://www.michaelbackmanltd.com/3201.html>>

Рис. 6. Паз в нефритовой рукояти для крепления клинка

Аналогичные рукояти имеют сабли *Гэчжи* (戈止 – Останавливающая оружие) серии «Небо» №12, *Коумин* (扣鳴 – Прерывающая звуки) серии «Небо» №27, а также *Чжэньюань* (振遠 – Устрашающая на дальних расстояниях) серии «Земля» №30, *Баотэн* серии «Небо» №30 и другие* (рис. 2; 3; 7).

Все вышеперечисленные сабли, несмотря на роскошную отделку, весьма утилитарны и имеют соответствующий боевому оружию вес и длину – так, пара *Баотэн* серии «Небо» №30 и *Чжэньюань* серии «Земля» №30 весят (с ножнами) 1540 и 1744 г. при общей длине сабли 86,4 и 87,1 см соответственно. Размеры кинжалов также довольно велики – в частных коллекциях и музейных собраниях известны *бишоу* с нефритовой «пистолетной» рукоятью общей длиной от 37 до 52 см (рис. 4).

Предположительно, личные сабли императора вызвали подражания у цинских сановников высокого ранга, имевших возможность видеть их во время посещения дворца, а также покупавших дорогие резные изделия из нефрита, поступавшие в Китай через Восточный Туркестан. К этому же выводу подталкивает и информация из сообщения Н.Я. Бичурина, что существует массовая нелегальная торговля нефритом между собственно китайскими провинциями и Синьцзяном (рис. 5; 9).

* Сабля *Гэчжи* была похищена в Пекине летом 1900 г. офицером немецкой армии и в 1905–1911 гг. продана им шведскому доктору Энгстрёму, помогавшему возводить госпиталь на немецкой базе ВМФ в Цзяочжоу, а затем продана потомками Энгстрёма 16 декабря 2016 г. на аукционе Altair, США, за 1 200 000 долларов США.

Рис. 7. Сабля *Гэчжи* серии «Небо» №12.
Китай, 2-я половина XVIII в.
[Электронный ресурс] // URL:
<<https://kknews.cc/culture/v881a4.html>>

Рис. 8. Сабля, приписываемая тайпинскому полководцу Тань Шаогуану (1835–1863)
Электронный ресурс] // URL: <<http://nicecasio.pixnet.net/blog/post/454295807>>

Кроме того, определенная еще в период Цяньлун поставка дани от княжества Хами в виде готовых сабель подразумевала аккумуляцию в дворцовых кладовых некоторого количества готового оружия, оформленного в восточнотуркестанских традициях, к которым можно отнести и популярную во 2-й половине XVIII в. «пистолетную» рукоять из нефрита. Оружие из дворцовых кладовых могло выдаваться членам императорского клана и высшим сановникам империи, что также свидетельствует о возможности существования оружия с нефритовыми «пистолетными» рукоятками вне императорского обихода.

Однако, к сожалению, о достоверно атрибуированных образцах китайских сабель с нефритовыми «пистолетными» рукоятками, принадлежавшими не императору Хун-

ли лично, нам неизвестно, хотя периодически всплывающие на антикварных аукционах предметы подобного типа позволяют предположить их отнюдь «не императорское» происхождение*.

Таким образом, можно утверждать, что все известные китайские сабли с нефритовыми «пистолетными» рукоятями датируются периодом 1748–1796 гг.** либо, другими словами, 2-й половиной XVIII в.

Однако помимо этих нефритовых рукоятей «первого типа» существуют и сабли с «пистолетными» рукоятями, изготовленными из лакированного дерева. Внешне они не имеют никакого сходства с нефритовыми рукоятями сабель, изготовленных по заказу императора Хунли или ввезенных из Индии и Восточного Туркестана.

Эти сабли также встречаются крайне редко – до настоящего момента автору известна лишь одна сабля с подобной рукоятью, находящаяся в его личном собрании, а также немногочисленные изображения подобных сабель с фресок широко известно за пределами Китая буддийского монастыря Шаолинь.

В монастырском павильоне Байидянь (白衣殿) имеется несколько фресок, сохранившихся после пожара 1928 г. и реставрированных в конце XX века. На них изображены монахи, отрабатывающие разные виды единоборств – обучение бою с оружием (кит. *ляньбинци* 練兵器), бою без оружия (кит. *ляньцюаньтао* 練拳套), а также парные и групповые бои (рис. 9).

На фресках Байидянь можно различить не менее 6 человек, вооруженных парными и одинарными саблями с «пистолетной» рукоятью и специфической формы клинками с резким изгибом в последней трети клинка (рис. 9; 10). Рукояти сабель окрашены в кораллово-красный цвет. По внешнему виду рукоятей на изображениях определить их материал невозможно. Не различимы также и детали прибора рукояти.

Единственный известный автору реальный экземпляр имеет деревянную рукоять аналогичной формы, покрытую черным лаком, однако форма клинка существенно отличается – это слабоизогнутый клинок дамасской стали пятигранного сечения***.

* Нельзя исключить и подделку – так, в последнее время на аукционах несколько раз продавалась «императорская сабля» с названием *Ляньцзин* (鍊精 – Закалка квинтэссенции жизни) серии «Небо» №26 по совершенно бросовым ценам – торги начинались от 1 тысячи долларов, а максимальная цена продажи составила порядка 29 тысяч долларов. По всей видимости, в этом случае имела место хорошо сделанная копия реальной сабли с этим названием.

** В заказанных императором Хунли партиях сабель и кинжалов встречаются также и другие виды рукоятей – зооморфные (в виде лошадиных голов и т.п.), с закрытыми гардами и других форм. В 1900 г. часть этих сабель, кинжалов и мечей была похищена вошедшими в Пекин войсками восьми держав и в дальнейшем либо была частично возвращена Китаю, либо всплыла на антикварном рынке. Основная часть заказанного императором оружия в настоящее время находится в собрании мусеев Гугун в Пекине, КНР. Сабля, атрибутируемая как принадлежавшая тайпинскому военачальнику Тань Шаогуану (1835–1863), вызывает определенного рода сомнения в связи с тем, что неизвестны обстоятельства ее обнаружения и современное место хранения.

*** Более уместным кажется определение этого типа стали не как «дамасской», смешиваемой в быденном сознании с булатами, а как стали, полученной при проковке перекрученного пакета стальных полос (проволок) с разным содержанием углерода, дающих при финишной полировке или же протравке изделия красивый узор из переплетающихся линий. В этом отношении кажется очень удачным английский термин *twistcore* (перекрученный сердечник), отражающий технологический процесс получения этой стали. Технология получения подобной стали была широко известна не только на мусульманском Востоке, но и в Центральной Азии (Тибет и Монголия), и в Китае.

Рис. 9. Монахи обучаются обращению с оружием. Фрагмент фрески павильона Байидянь, монастырь Шаолинь, уезд Дэнфэн, провинция Хэнань, КНР. 1-я треть XIX в. [Электронный ресурс] // URL: <<http://ironbodhisattva.blogspot.ru/>>

Рис. 10. Явление Киннары. Фрагмент фрески павильона Байидянь, монастырь Шаолинь, уезд Дэнфэн, провинция Хэнань, КНР. 1-я треть XIX в. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.shaolin.org.cn/templates/T_newS_list/index.aspx?nodeid=191&page=ContentPage&contentid=18106>

Рис. 11. Спарринг во дворе Шаолинского монастыря. Иллюстрация из сочинения Линьцина «Хунсюэ иньюань туцзи» (1849) [Электронный ресурс] // URL: <<https://thebamboosea.wordpress.com/2012/05/31/%E9%B4%BB%E9%9B%AA%E5%9B%A0%E7%B7%A3%E5%9C%96%E8%A8%98-a-wild-swans-trail-part-3-the-shaolin-monastery/>>

Рис. 12. Визит Линьцина к Ши Чжаньмо (?). Фрагмент фрески павильона Байдиань, монастырь Шаолинь, уезд Дэнфэн, провинция Хэнань, КНР. 1-я треть XIX в. [Электронный ресурс] // URL: <<http://ironbodhisattva.blogspot.ru/>>

Рис. 13. Сабля с «пистолетной» рукоятью из собрания автора. Китай, 1-я треть XIX в.

Рис. 14. Сабля с видоизмененной «пистолетной» рукоятью, XIX в. Собрание Музея изящных искусств Кёнъин, Сеул, Республика Корея [Электронный ресурс] // URL: <<http://www.arscives.com/historysteel/korean.swordlist.htm>>

Рукоять имеет у гарды орнаментированную драконами *куй* (夔) обоймицу *бингу* (柄箍), скрепляющую щеки обкладки рукояти, а также пропущенную через головку рукояти втулку для крепления темляка, видимые окончания которой оформлены в виде многолепесткового цветка (рис. 13).

По другим иконографическим источникам, а также известным автору музейным и частным собраниям подобного рода сабли не прослеживаются. Клинки с резким изгибом в последней трети также встречаются нечасто. По стечению обстоятельств,

Рис. 15. Традиционный нож голок, XX в. Ява, Индонезия. Частное собрание [Электронный ресурс] // URL: <<http://manonjayaknives.blogspot.ru/2016/03/golok-galonggong-manonjaya-balik-mipih.html>>

Рис. 16. Крис, 1-я половина XIX в. Суматра, Индонезия. Частное собрание [Электронный ресурс] // URL: <<https://www.ima-usa.com/products/original-indonesian-dutch-east-indies-island-of-sumatra-kris-dagger-circa-1840.html?variant=26158762181>>

Рис. 17. Сабля с нефритовой «пистолетной» рукоятью неизвестного происхождения. Корректная атрибуция и датировка затруднена [Электронный ресурс] // URL: <<https://ru.pinterest.com/pin/354799276864827661/>>

например, клинок с аналогичным изгибом в последней трети находится в собрании автора и по особенностям конструкции эфеса может быть датирован 1-й половиной XIX в.

Еще один образец сабли с клинком, имеющим похожую форму, находится в частном собрании в США и датирован американским коллекционером и мастером боевых искусств Скоттом М. Роделлом (Scott M. Rodell) концом 1840-х – началом 1850-х гг.*.

Кроме того, у села Толстый Нос под Красноярском был случайно найден клинок, форма ко-

* По своему типу сабля напоминает не до конца сформировавшуюся саблю *нювэйдао* (牛尾刀), однако рукоять сабли прямая, а клинок имеет не развитую елмань, а резкий изгиб в последней трети клинка, аналогичный изображениям с фресок Шаолинского монастыря.

Рис. 18. «Тибетский ритуальный меч XIX века» – иллюстрация из книги Чака Уиллса “Swords, Spears & Maces (illustrated history of weapons)”

торого в последней трети до некоторой степени напоминает изгиб клинков с фресок монастыря Шаолинь, однако рукоять сабли полностью утрачена – у клинка обломлен хвостовик [Митько и др., 2007, с. 116, рис. 1].

В связи с этим возникает вопрос о надежной датировке фресок павильона Байидянь – только они могут дать примерные даты бытования оружия с такими рукоятями. Специальные работы, посвященные фрескам Шаолиньского монастыря, нам неизвестны. В путеводителях и прочей литературе подобного рода преимущественно указывается очень расплывчатая «дата» – «начало XIX века».

Единственной известной нам попыткой более точно определить время написания фресок в павильоне Байидянь является работа израильского исследователя китайских боевых искусств Мейра Шахара «Монастырь Шаолинь: история, религия и китайские боевые искусства», вышедшая в свет в 2008 г. в издательстве Гавайского университета.

Не без оснований М. Шахар связывает создание фресок с визитом в Шаолинь в 1828 г. ревизора провинции Хэнань маньчжура Линьцина (麟慶, 1791–1846). Согласно опубликованным в 1849 г. запискам Линьцина «Хунсюэ иньюань туцзи» (鴻雪因緣圖記), он приехал в Шаолинь и вынудил настоятеля монастыря продемонстрировать боевые искусства, которыми владели монахи.

Поскольку изучение боевых искусств в Китае после восстания под руководством сект Байляньцзяо (1796–1804) и Тяньлицизяо (1813) находилось под официальным запретом, монахи не могли «донести» сами на себя, засвидетельствовав на стенах одного из павильонов монастыря свои боевые практики.

Собственно, и сам Линьцин не упоминает ничего о подобных фресках, сообщая лишь, что при беседе с монахами уверял их, что «давно слышал о боевых искусствах, культивирующихся в монастыре». После беседы с настоятелем Ши Чжаньмо (釋湛謨, ок. 1780 – ?), в которой Линьцин уверил монаха, что он понимает, что боевые искусства нужны монахам для того, чтобы охранять обитель, и не собирается предпринимать никаких враждебных действий, ему был продемонстрирован спарринг без оружия. В показательных выступлениях приняло участие несколько «здоровых монахов» (рис. 11). Их действия Линьцин описал очень завуалированно, используя образы из даосского трактата «Чжуан-цзы» – «переваливаясь, [как] медведи, расправляли [крылья как] птицы» (熊經鳥伸).

После отъезда Линьцина начальник финансового департамента провинции Хэнань Ян Гочжэнь (楊國楨, ? – после 1841 г.) внезапно выделил 3700 *лянь* серебра для ремонта и реконструкции помещений монастыря. Именно с этим визитом и последующим неожиданным финансированием можно связать создание фресок.

В качестве доказательства можно также привести изображение на одной из фресок – в беседке находится цинский чиновник (Линьцин) с сопровождающими и настоятель (Ши Чжаньмо) с послушниками, а на площадке перед ними происходит групповой спарринг (рис. 12). Цинские чиновники легко узнаваемы благодаря характерной прическе с выбритым лбом и длинной косой, а их неофициальное одеяние свидетельствует о неформальном характере встречи.

Таким образом, можно условно датировать фрески павильона Байидянь 1-й третью XIX в., что позволяет также уточнить время бытования сабель с характерной «пистолетной» рукоятью, изготовленной из лакированного дерева – вряд ли будет ошибочным предположение, что такие сабли изготавливали и применяли в 1-й половине

Рис. 19. Нефритовые «пистолетные» рукояти сабель, заказанных императором Цяньлуном в период 1748–1795 гг. Китай, 2-я половина XVIII в. Собрание музеев Гугун, Пекин, КНР [Электронный ресурс] // URL: <<http://chineseswords2.freewebspace.com/photo.html>>

XIX в., хотя ареал их распространения остается неизвестным. Поскольку данный тип рукояти встречается крайне редко, возможно предположить некоторое его локальное распространение в провинциях Северного Китая (например, Хэнань) в 1-й половине XIX в. Не исключено бытование сабель с рукоятями такого типа и в других провинциях, однако это предположение еще нуждается в дальнейшем обосновании.

Конструкция клинка и отделка деталей прибора образца сабли из собрания автора позволяет предположить, что подобного рода оружие применялось не только монахами, но и светскими воинами – прокованный из перекрученного пакета стальных полос с разным содержанием углерода клинок редко встречающегося в Китае пятигранного сечения*, остатки позолоты на сохранившихся деталях прибора, а также многочисленные изображения дракона *куй* дают возможность предположить, что эта сабля была изготовлена для военного чиновника среднего или даже высшего ранга.

В поисках клинкового оружия с рукоятями подобного типа в Азиатско-Тихоокеанском регионе мы неожиданно обнаруживаем отдаленный аналог легкой слабоизогнутой сабли с видоизмененной «пистолетной» рукоятью второго типа в собрании селульского Музея изящных искусств Кёнъин (рис. 14).

Сабля из музея Кёнъин датируется XIX в., однако ее рукоять не является полным аналогом сабельных рукоятей с фресок монастыря Шаолинь и, возможно, представляет собой местное производное от китайского оригинала.

В Японии нет клинкового оружия, имеющего «пистолетные» рукояти первого и второго типов. Однако в странах Юго-Восточной Азии (Малайзия, Индонезия, Филиппины и т.д.) внезапно обнаруживается целая палитра рукоятей пистолетного типа как на длинноклинковом, так и короткоклинковом оружии – *голоках*, *бадеках*, *парангах*, *баронгах*, *крисах* и т.п.

* В Японии такое сечение клинка называется *хирамунэ Сёбу-дзукуру*.

Несомненно влияние на местное холодное оружие голландских и португальских образцов морского клинкового оружия. Так, на одном из мечей с «пистолетной» рукояткой, изготовленном в 1919 г. на Яве, даже указано место изготовления на голландском языке – WIR A.Z.MTJKEROEN. Возможно предположить влияние клинкового оружия Юго-Восточной Азии и, опосредованно, оружия португальских и голландских колонизаторов на развитие китайского клинкового оружия начала XIX в. в связи с обострением обстановки на южном побережье Китая, вылившимся в так называемую «пиратскую войну» 1790–1810-х гг.

Активно общавшиеся с представителями различных народностей Юго-Восточной Азии китайские пираты Гуандуна могли оказаться тем самым недостающим звеном в цепи заимствования китайскими оружейниками «пистолетной рукояти» второго типа. Таким образом, можно предварительно утверждать, что между «пистолетными» рукоятками первого и второго типов нет никакой генетической взаимосвязи. Однако эта гипотеза нуждается в дальнейшем обосновании, что в настоящее время затруднено отсутствием дополнительных материалов для проведения исследования.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что «пистолетная» рукоять на клинковом оружии Китая встречается в двух основных разновидностях:

1) нефритовая, изготовленная по образцу монгольских рукоятей мастерами из Синьцзяна или Пекина;

2) деревянная лакированная, изготовленная китайскими мастерами.

Рукояти первого типа теоретически могут встречаться на саблях, датированных периодом с 1750-х гг. (с момента входа цинских войск на территорию Джунгарии и Восточного Туркестана) и до самого крушения Цинской империи в 1912 г., однако более реалистичными кажутся датировки 1750–1790-ми гг. – мода на среднеазиатскую и индийскую экзотику в целом не пережила период правления Цяньлун. Как правило, источником поступления таких рукоятей являются камнерезные мастерские Индии, Восточного Туркестана и, в значительной степени, дворцовые мастерские Пекина.

Встречающиеся порой на антикварном рынке сабли с нефритовыми рукоятками в широких ножнах, зачастую позолоченных или отделанных в технике клуазоне (рис. 17), являются, по нашему мнению, в лучшем случае сувенирной продукцией для европейских и американских туристов, изготовленной в начале XX в., в худшем – современными подделками для антикварного рынка. Качество клинков у этих сабель крайне низкое, и основное внимание уделено украшению ножен. Страдает и качество обработки камня. Все вместе это позволяет предположить, в самом благоприятном для этих образцов случае, их дискретное существование с рукоятками первого типа – как минимум, их разделяют 100 лет*.

* Американский автор Чак Уиллс определил в своей универсальной книге-определителе одно из таких сомнительного вида изделий, как «тибетский ритуальный меч XIX века», не приведя обоснований. Подобного рода «определители оружия», оказывая существенное влияние на массового читателя, плохо влияют на развитие исследований в данной области.

Рукояти второго типа встречаются в собственно китайских провинциях в 1-й четверти – половине XIX в. Генетическая связь между рукоятями первого и второго типов из имеющихся в наличии материалов не прослеживается. Вполне допустимо также их дискретное по времени и географическому ареалу существование и влияние клинкового оружия европейского типа через посредство народов Юго-Восточной Азии.

Тем не менее, наличие «пистолетной» рукояти первого или второго типов представляет собой яркий датирующий признак и позволяет более надежно датировать предметы цинского клинкового оружия из музейных собраний и частных коллекций.

Автор выражает благодарность к.и.н. В.Е. Белановскому за предоставленную возможность ознакомиться с рядом редких образцов клинкового оружия Китая и Юго-Восточной Азии.

Библиографический список

Анисимова М.А. Оружие Востока XV – первой половины XX века: из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб. : Атлант, 2013. 528 с.

Бичурин Н.Я. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Ч. II. СПб., 1829 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Opis_Czungar_Vost_Turkestan/text23.htm

Бичурин Н.Я. Пекинское дворцовое правление // Русская беседа. Собрание сочинений русских писателей, издаваемое в пользу А.Ф. Смирдина. СПб., 1841. Т. 2. С. 4–59. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Peking_dvorc_pravl/text.htm

Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи (в двух частях). М. : Восточный дом, 2002. 464 с.

Карлова Е.М., Пастухов А.М., Попов А.Ю., Успенская Е.Н. Смертельная красота. Оружие Индии и Китая. Каталог выставки. М. : Государственный Музей Востока, 2015. 368 с.

Митько О.А., Кержаев А.М. Сабля из Новоселовского района Красноярского края // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2007. С. 115–117.

Shahar M. The Shaolin Monastery – History, Religion, and the Chinese Martial Arts, Honolulu – Hawai : University of Hawai'i Press, 2008. 281 p.

Wills Chuck Swords, Spears & Maces (illustrated history of weapons). Heatherton : Hinkler Books, 2014. 160 p.

Линьцин Хунсюэ иньюань туцзи (Иллюстрированные записки о следах гуся на белом снегу, порождающих причинно-следственные связи), Янчжоу, 2-е издание, 1847. (фотокопия ксилографа) [Электронный ресурс]. URL: https://ru.scribd.com/document/93420649/%E9%B4%BB%E9%9B%AA%E5%9B%A0%E7%B7%A3%E5%9C%96%E8%A8%98-3-6?ad_group=725X400343X04ccc6643bf545e430e2850d0e4147c9&campaign=Skimbit%2C+Ltd.&content=10079&irgwc=1&keyword=ft750noi&medium=affiliate&source=impactradius

Пэн Пэн Дао бин сяньцзянь (Сабля и воин – взгляд друг на друга). Цзинань : Шаньдун мэйшу чубаньшэ, 2011. 338 с. (на кит. яз.).

Хуанфу Цзянь Чжунгодаоцзянь (Ironandsteelswords of China). Цзинань : Минтяньчубаньшэ, 2007. 252 с. (на кит. яз.).

Цингун убэй (Военное снаряжение из цинских дворцов). Шанхай, Гонконг : Шицзи чубаньгунфэнь юсянь гунсы, Шанхай кэсюэ чжишу чубаньшэ, Шаньу иньшугуань (Сянган) юсянь гунсы, 2008. 264 с. (на кит. яз.).

Цяньлунчао нэйфу чаобэнь Лифаньюань цзэли (Список уложения Палаты Внешних Сношений за период Цяньлун из дворцовой сокровищницы). 1789 [Электронный ресурс]. URL: <http://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=983875>

Приложение 1

Типы рукоятей на китайском оружии периода Цин*

Тип	Рукоять	Материал	Период бытования
I Прямая сабельная		Дерево, текстильный шнур, сталь	Конец XVI – начало XX в. (становятся архаичными к концу XVIII в.)
II Наклонная сабельная		Дерево, текстильный шнур, сталь	XVII – начало XX в. (получает большую популярность к середине XVIII в.)
III Изогнутая («горбатая») сабельная		Дерево, сталь	XVII – начало XX в. (получает большую популярность к середине XVIII в.)
IV «Пистолетная» тип 1		Нефрит, медный сплав, золото, полудрагоценные камни, сталь	2-я половина XVIII – начало XX в. (пик популярности проходит к началу XIX в.)
IVa «Пистолетная» тип 2		Дерево, лак, медный сплав	Начало – середина XIX в. (генезис и период бытования предположителен)
IVb Зооморфная		Нефрит, медный сплав, полудрагоценные камни	2-я половина XVIII – начало XX в. (пик популярности проходит к началу XIX в.)

* Фотографиями, приведенными в качестве иллюстраций к данным типам рукоятей, не исчерпывается все многообразие разновидностей рукоятей китайского клинкового оружия и использованных материалов. При этом имеются в виду только рукояти, встречающиеся на китайском оружии периода Цин (1636–1912). Период бытования индийских нефритовых рукоятей в данном случае не учитывается.

Тип	Рукоять	Материал	Период бытования
V Прямая		Обмотка текстильной лентой и шнуром по стальному хвостовику клинка	XVII – начало XX в. (наибольшую популярность приобретает с началом массовых восстаний в XIX в.)
VI Прямая мечевая		Нефрит	2-я половина XVIII – начало XX в. (пик популярности проходит к началу XIX в.)
VI Прямая мечевая		Рог, медный сплав желтого цвета	XVII – начало XX в. (традиционная форма)
VII Прямая ножевая		Деревянные щечки, плоская конструкция	XVII – начало XX в. (традиционная форма)
VII Прямая ножевая		Нефрит, сталь, золото, полудрагоценные камни. Всадная конструкция	2-я половина XVIII – начало XX в. (популярная в высших слоях общества после завоевания Синьцзяна форма)

References

Anisimova M.A. Ouzhie Vostoka XV – pervoy poloviny KhKh veka: iz sobraniya Voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voysk i voysk svyazi [Weapons of the East of the 15th – the first half of the 20th Century: from the Collection of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps]. SPb. : Atlant, 2013. 528 p.

Bichurin N.Ya. Opisanie Chzhun'garii i Vostochnogo Turkistana v drevnem i nyneshnem sostoyanii. Ch. II [Description of Zhonggar and East Turkistan in the Ancient and Current State. Part II]. SPb., 1829 [Electronic Resource] URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Opis_Czungar_Vost_Turkestan/text23.htm

Bichurin N.Ya. Pekinskoe dvortsovoe pravlenie [Peking Palace Rule]. Russkaya beseda. Sobranie sochineniy russkikh pisateley, izdavaemoe v pol'zu A.F. Smirdina [Russian Conversation. Collection of Works of Russian Writers, Published in Favor of A.F. Smirdin]. St. Petersburg, 1841. Vol. 2. Pp. 4–59 [Electronic Resource]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Peking_dvorc_pravil/text.htm

Bichurin N.Ya. Statisticheskoe opisanie Kitayskoy imperii (v dvukh chastyakh) [Statistical Description of the Chinese Empire (in two parts)]. M. : Vostochnyy dom, 2002. 464 p.

Karlova E.M., Pastukhov A.M., Popov A.Yu., Uspenskaya E.N. Smertel'naya krasota. Oruzhie Indii i Kitaya. Katalog vystavki [Deadly Beauty. Weapons of India and China. Exhibition Catalog]. M. : Gosudarstvennyy Muzei Vostoka, 2015. 368 p.

Mit'ko O.A., Kerzhaev A.M. Sablya iz Novoselovskogo rayona Krasnoyarskogo kraya [Saber from the Novoselovsky District of the Krasnoyarsk Territory]. Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Sibiri i Tsentral'noy Azii [Armament and Military Arts of the Nomads of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet, 2007. Pp. 115–117.

Shahar M. The Shaolin Monastery – History, Religion, and the Chinese Martial Arts, Honolulu – Havai : University of Hawai'i Press, 2008. 281 p.

Wills Chuck Swords, Spears & Maces (illustrated history of weapons). Heatherton : Hinkler Books, 2014. 160 p.

Linqing Hongxue yinyuan tuzhi (Illyustrirovannye zapiski o sledakh gusya na belom snegu, porozhdayushchikh prichinno-sledstvennyye svyazi) [Illustrated Notes on the Tracks of a Goose on White Snow, Generating Causal Relationships]. Yangzhou, 2nd edition, 1847 (photocopy of a xylograph) [Electronic Resource]. URL: https://ru.scribd.com/document/93420649/%E9%B4%BB%E9%9B%AA%E5%9B%A0%E7%B7%A3%E5%9C%96%E8%A8%98-3-6?ad_group=725X400343X04ccc6643bf545e430e2850d0e4147c9&campaign=Skimbit%2C+Ltd.&content=10079&irgwc=1&keyword=ft750noi&medium=affiliate&source=impactradius

Peng Peng Dao Bing Xiangjian (Sablya i voin – vzglyad drug na druga). [Saber and Warrior – Look at Each Other]. Jinan : Shandong meishu chubanshe , 2011. 338 p. (in Chinese).

Huangfu Jiang Zhongguo daojian (Iron and Steel Swords of China). Jinan : Mingtian chubanshe, 2007. 252 p. (in Chinese).

Tsingunubey (Voennoe snaryazhenie iz tsinskikh dvortsov) [Military Equipment from the Qing Palaces]. Shankhay, Gongkong : Shitszichuban'gufen'yusyan'gunsy, Shankhay kesyuechzhishuchuban'she, Shan'uin'shuguan' (Yangan) yusyan'gunsy, 2008. 264 p. (in Chinese).

Qianlongchao neifu chaoben Lifanyuan zeli (Spisok ulozheniya Palaty Vneshnikh Snosheniy za period Tsyun' lun iz dvortsovoy sokrovishchnitsy) [(List of the Regulations of the Chamber of External Relations for the Qianlong Period from the Palace Treasury)]. 1789 [Electronic Resource]. URL: <http://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=983875>

A.M. Pastukhov

REGARDING THE TYPOLOGY OF HILTS OF CHINESE EDGED WEAPONS – THE “PISTOL” GRIP AS THE DATING CHARACTERISTICS

The most part of Chinese edged weapons traditionally have the hilt which is fixed by the riveting of the end of the tang on the end of the pommel. Some traditional hilts have wooden grips fixed to the tang with rivets. Practically all these hilts have the windings of textile cord or band. They are hilts traditional for China during thousands of years. However, as it is described in special literature, among Chinese edged weapons there are samples with so called “pistol” grips. These types are not traditional for China and could be used for the reliable dating characteristic for pieces of Chinese weapons in the museum and private collections. Judging by the material of the “pistol” grips – nephrite and wood – one is able to distinguish 2 types of handles dating by the 2nd half of 18th century and the 1st half of 19th century respectively. The 1st type could be connected reliably with the penetration of elements of Mughal military culture into the Qing Empire via Eastern Turkestan in the second half of the 18th century; the 2nd type could be connected presumably with the influence of the European naval edged weapons (beginning from Dutch and Portuguese ones) to the weapons of nations of South-East Asia and further – to the edged weapons of China. The extreme rarity of the hilts of the 2nd type demands the continuation of researches in this direction to find out the genesis of these hilts, the degree of popularity, the area and period of existing.

Key words: China, “pistol” grips, nephrite, hilt, Shaolin, sabers, Qianlong, Linqing.

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ НЕКОТОРЫХ ШЛЕМОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА XII–XVI вв.

В представленной статье проанализирован ряд иностранных заимствований, оказавших определенное влияние на развитие боевых наголовий воинов Северного Кавказа XII–XVI вв. Так, в частности, установлено, что данный процесс выражался как в импорте шлемов европейского и золотоордынского производства на Северный Кавказ, так и в усвоении местными мастерами некоторых элементов конструкции и оформления иностранных боевых наголовий.

К золотоордынским заимствованиям в конструкции шлемов, найденных на территории Северного Кавказа, можно отнести: козырьки, металлические кольца для крепления плюмажа из двух лент, наверхия в виде длинного шпиля, шарообразное «яблоко» на шейке наверхия и др.

К числу заимствований с территории Руси, Золотой Орды или Ирана относятся такие элементы оформления шлема, как наносники в комбинации с надбровными вырезами и накладными пластинчатыми «бровями». Некоторые из данных элементов (например, кольца для плюмажей) сохранились на северокавказских шлемах вплоть до этнографического времени и превратились в своеобразный маркер местных боевых наголовий, в то время как другие, в силу различных причин, были вытеснены из широкого военного обихода.

Импорт с территории Западной Европы был, в целом, незначителен. Часть наголовий, предположительно европейского производства, переделывались северокавказскими мастерами с учетом местных военных реалий.

Ключевые слова: Северный Кавказ, защитное вооружение, шлемы.

DOI: 10.14258/tpai(2017)3(19).-06

С территории Северного Кавказа происходит весьма представительная серия предметов вооружения XII–XVI вв., которые современные исследователи обычно связывают с местной военно-культурной традицией. В то же время ближайшие аналогии данных предметов вооружения происходят из Центральной Азии, Руси и Европы. Выделение иностранных заимствований в комплексе вооружения воинов Северного Кавказа развитого и позднего Средневековья является актуальной научной задачей. Отсутствие специальных работ по данной тематике существенно затрудняет всестороннее изучение военного дела и военной истории народов рассматриваемого региона на протяжении указанного исторического периода.

Цель данной статьи заключается в выявлении иностранных заимствований в комплексе боевых наголовий средневекового населения Северного Кавказа XII–XVI вв.

В качестве объекта исследования были выбраны 12 шлемов, выявленных в период 1937–2005 гг. на территории Северного Кавказа и датируемых XII–XVI вв. Следует также сделать оговорку о том, что вышеназванные находки в процессе своего изучения привели к дискуссиям об их принадлежности и происхождении.

При раскопках башенного комплекса Верхний Лейми (Ингушетия) в 1937 г. Л.П. Семеновым [1937, №234] в полуподземном склепе №2 было отмечено наличие деталей защитного вооружения: большие и малые части кольчуги из массивных колец (8 экз.), фрагменты железных налокотников (9 экз.), 13 фрагментов шлема. Само захоронение было датировано XIII–XIV столетиями.

К сожалению, указанные выше находки оказались утрачены и не были введены в научный оборот. Однако в отчете сохранилось несколько фотографий, по которым

можно сделать анализ этих данных (рис. 1). Интересующее нас наголовье было, по всей видимости, цельнокованым, сфероконической формы с металлическим кольцом на навершии для крепления плюмажа [Чахкиев, 1985, с. 64]. По мнению Е.И. Нарожного [2012, с. 178], подобный шлем конструктивно схож с находками из погребальных комплексов золотоордынского времени Малаи, Дмитриевская, Останий. Так, в частности, подвижное кольцо для плюмажа исследователь относит к золотоордынским инновациям. В комплексе вооружения народов Северного Кавказа данный конструктивный элемент сохранился вплоть до раннего Нового времени [Бобров, Сальников, 2016а, с. 326; 330; 2016б]. Центральноазиатским влиянием, вероятно, могло быть обусловлено и появление на шлеме небольшого козырька, выгнутого из лицевой части купола наголовья (рис. 1).

В апреле 1941 г., при строительстве Шапсугского водохранилища, на территории Северского района Краснодарского края, на берегу реки Убин была обнаружена гряда захоронений. В данном случае, среди предметов защитного вооружения, нас интересуют находки трех сильно фрагментированных шлемов, датируемых XIII–XV вв. Все наголовья имеют низкую сфероконическую форму. Диаметр у основания 19×22 см, высота 23 см (рис. 2). Тулья шлемов состоит из четырех пластин подтрапециевидной формы, соединенных сваркой. В золотоордынский период подобные наголовья являлись неотъемлемой частью защитного вооружения кочевых народов, находившихся под влиянием Золотой Орды, в частности, речь может идти о половцах, через которых данный шлем, теоретически, мог оказаться у черкесов [Стрельченко, 1960, с. 150–157]. В то же время не исключено, что данные образцы защитного вооружения были изготовлены мастерами Северо-Западного Кавказа, а их находки в памятниках кочевников Восточной Европы обусловлены импортом с территории Черкессии.

Значительный интерес для нашей темы представляют находки шлемов в воинских захоронениях №1 и 67 Келийского могильника (Горная Ингушетия). Боевое наголовье из захоронения №1 было обнаружено экспедицией М.Б. Мужухоева в 1987 г. Шлем сильно фрагментирован, но в ходе реконструкции можно говорить о наличии куполообразной верхней части и широкого околыша (рис. 3). Наносник не имеет скульптурного оформления и характеризуется как упрощенный и редуцированный. Данный экземпляр относится к периоду XIII–XIV столетий и, по всей вероятности, берет свое происхождение с территории средневековой Руси либо же является подражанием образцам из вышеназванного региона [Виноградов, Нарожный, 1994, с. 69].

Шлем из захоронения №67 довольно неплохой сохранности, его высота 23 см, диаметр нижнего края корпуса – 20 см. В центральной части нижнего края присутствует козырек, край которого загнут вниз на 2 см. Верхняя коническая часть наголовья свернута из листа металла, верхняя часть снабжена отверстием для султана (рис. 3а). Нижняя часть также изготовлена из металлического листа. Верхняя и нижняя части соединены путемковки, о чем явствует соединительный шов. По краям козырька присутствуют сквозные отверстия диаметром 0,2 см. Подобные отверстия имеются на боковой и тыльной частях шлема. Предположительно, данные отверстия предназначались для крепления кольчужной бармицы. Е.И. Нарожный [2012, с. 173–183] относит некоторые элементы данного шлема (козырек и трубку для султана) к золотоордынским инновациям, распространение которых в регионе могло происходить различны-

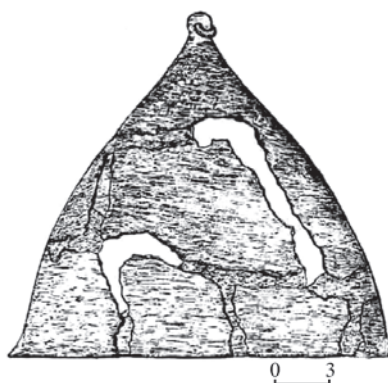

Рис. 1. Фрагментированный шлем из погребения №2 с. Верхий Лейми
(по Д.Ю. Чахкиеву)

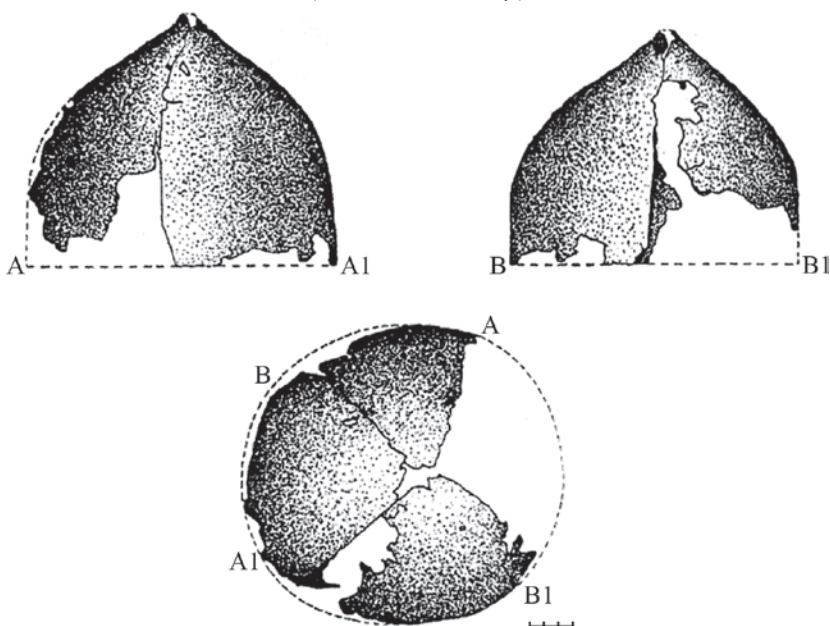

Рис. 2. Реконструкция шлема из Убинского могильника
(по Р.Б. Схатуму и В.М. Дымченко)

ми путями*. Шлемы с надбровными вырезами, накладными «бровями», наносником или полумаской (рис. 3; 4) исследователи соотносят с комплексом вооружения воинов средневековой Руси или Золотой Орды [Жуков, 2006, с. 151–156; Горелик, 2002, с. 25, 26, 77; Негин, 2013, с. 10]. Распространенность данных шлемов объясняется их про-

* Некоторые конструктивные особенности шлемов М.В. Горелик [1988, с. 268] относит к специфическим монгольским чертам, опираясь на следующие признаки: 1) накладное коническое загнутое назад навершие; 2) шпиль навершия и кольцо на вершине для подвески «типичного монгольского украшения в виде двух ленточек»; 3) гравированный орнамент из горизонтальной круговой линии по венцу и нескольких вертикальных, «отображающих идеальную структуру шлема»; 4) полумаска с профилированным носом и отверстиями для подвески бармицы.

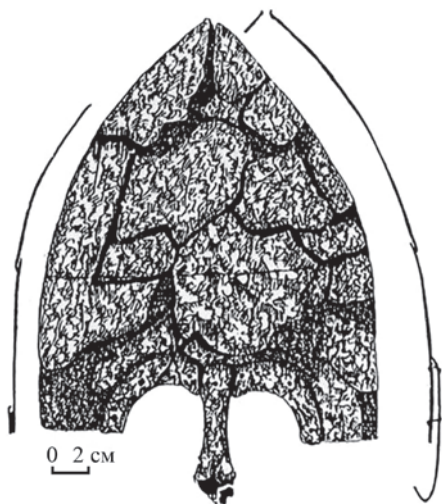

Рис. 3. Шлем из погребения №1 Келийского могильника (рисунок А.Е. Негина по материалам В.Б. Виноградова и Е.И. Нарожного)

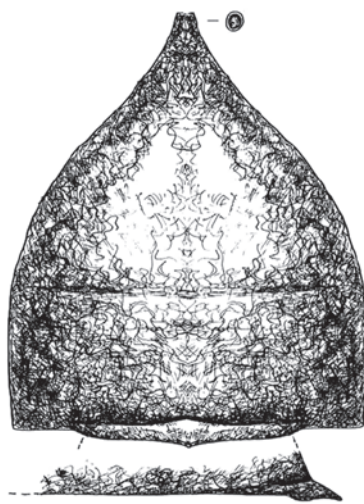

Рис. 3а. Шлем из погребения №67 Келийского могильника (по Е.И. Нарожному)

Рис. 4. Шлемы из с. Никольского (сверху) и Киева (снизу) (по данным К.А. Жукова и А.Н. Новочихина)

Рис. 5. Реконструкция вооружения воина-кочевника по материалам погребения из п. Лосево (по М.В. Горелику)

стойкой, прочностью и надежностью в боевой обстановке: плавно вытянутая форма и выступающее наверху препятствовали нанесению отвесного, прямого удара рубяще-режущим (мечи, палаши, сабли и пр.) и ударным оружием (булавы, шестопе-

ры и т.п.), которое обычно соскальзывало с поверхности подобного металлического убора. Из-за значительной дороговизны обладала подобными шлемами только состоятельная прослойка ингушских воинов [Чахкиев, 1986, с. 18–26].

Главное отличие двух описанных выше наголовий №1 и 67 Келийского могильника заключается в конструкции их двухчастной тульи, которая состоит из цилиндрического околыша и конической, или сфероконической верхней части. Последний факт позволяет предположить, что шлемы были изготовлены местными оружейниками, которые, однако, дополнили их иностранными заимствованиями: наносником в комбинации с надбровными вырезами и накладными пластинчатыми «бровями», а также козырьком соответственно*.

В 1998 г. в Ростовский областной музей краеведения гражданкой В.Г. Виноградовой были переданы шлем и металлический фрагмент щита. В свою очередь, эти вещи попали в руки ростовчанки во время отпуска на Черноморском побережье Краснодарского края в районе поселка Головинка. Находки были переданы местными жителями, которые обнаружили их в корневище старого дерева недалеко от устья реки Шахе.

Согласно данным Л.С. Илюкова, шлем имеет сфероконическую форму. В плане он овальный и состоит из четырех пластин, соединенных между собой методом сварки. Высота шлема 16 см, размеры по основанию 22 × 17,5 см (рис. 6). Наверху имеет четырехугольное отверстие, предназначенное для крепления плюмажа. В основании шлема присутствуют две пары петель, симметрично расположенных друг к другу. Вполне возможно, что они предназначались для крепления металлического прута, на который, в свою очередь, крепились кольца кольчужной бармицы [Илюков, 2010, с. 15–16]. Данный шлем датируется XIII–XV вв., и автор его относит к черкесскому комплексу вооружения. Хотя конструкция наголовья позволяет сделать идентичный вывод с описанными выше убинскими находками.

Определенный интерес представляет шлем из кочевнического комплекса захоронений возле поселка Семивод (села Урожайного) Ставропольского края, опубликованный Е.И. Нарожным [2010].

Наголовье сфероконической формы свернуто в сфероконус из одного металлического листа. Место соединения шва проковано под углом и почти незаметно. Высота шлема 24 см; реконструируемый диаметр нижней части корпуса шлема 22 см. Верхушка шлема горизонтально уплощена; в центре уплощения – сквозное отверстие округло-овальной формы (рис. 7). Лицевая сторона сохранившейся части шлема по нижней закраине, судя по мелким фрагментам, обломана, изначально имелся неглубокий (до 2 см в высоту) п-образный вырез. По обе стороны от него, со значительным интервалом, расположены сквозные отверстия для заклепок, при помощи которых к нижнему краю шлема крепилась предварительно сложенная пополам железная

* Анализируя шлемы с надбровными вырезами, следует также обратить внимание на инвентарь погребения XIII – 1-й половины XIV столетия, исследования которого были проведены в 1979 г. Темизбекским отрядом Северо-Кавказской экспедиции Северо-Осетинского государственного университета под руководством А.И. Семенова вблизи поселка Лосево Кавказского района Краснодарского края. Анализ инвентаря позволяет сделать вывод о половецкой принадлежности захоронения. Особый интерес вызывает наличие в комплексе частей боевого наголовья. Шлем снабжен коническим, шпильевидным навершием, которое может свидетельствовать о монгольском влиянии. Основание снабжено надбровными дугами и вырезами для глаз. Предположительно, конструкция могла иметь наносник. Вдоль нижнего края шлема присутствуют крепления кольчужной бармицы (рис. 5) [Чхаидзе, Дружинина, 2010, с. 425–436]. Однако, ввиду плохой сохранности шлема и кольчуги, детальное описание параметров этих предметов вооружения отсутствует.

пластина с п-образными вырезами, образующими чередующиеся зубцы, вырезанные по месту сгиба этой пластинки. Высота расположения отверстий для заклепок – до 2 см от нижнего края шлема. Зубцы расположены часто и предназначались для вставки между ними (в П-образные вырезы) колец бармицы. Высота (глубина) каждого такого выреза – около 0,6 см, ширина каждого выреза не более 0,2 см. Ширина получившегося и выступающего зубца не более 0,2 см. Под нижним краем шлема, между ним и сгибом пластины-обруча, а также сквозь верхние кольца бармицы, вероятно, продевался железный прут-проволока. Несколько ее мелких фрагментов позволяют судить о том, что такая проволока имела округлое сечение.

Среди предметов комплекса заметно бросается в глаза усеченно-конический спил рога животного с зашлифованной внешней поверхностью, из центра верхней части конуса выходит наружу фрагмент округлого железного стержня, венчающего шлем. Стержень завершается пластиной луновидной формы, один край которой обломан. Другой ее край завершается перпендикулярно расположенным «диском» малого диаметра с вдавленным центром. Железный стержень-шпиль, утопленный в роговой конус округлой в сечении формы, плавно утолщается книзу.

Среди мелких фрагментов железа, относящихся к комплексу из пос. Семеновод, есть несколько фрагментов от этого же шпиля, позволяющих реконструировать внешний вид всего стержневидного шпиля. Среди них и фрагмент его нижнего окончания с округлым выступом в центральной части. Вероятно, этот отросток, по диаметру совпадающий с диаметром отверстия на макушке шлема, проходил сквозь это отверстие внутрь шлема и расклепывался изнутри наголовья.

Общая реконструируемая длина стержневидного шпиля изначально, скорее всего, была около 20 см. Усеченный конус из рога, сквозь который проходил шпиль, нижней горизонтальной плоскостью был приклеен к уплощенной «площадке» на макушке шлема.

Диаметр нижней части усеченного конуса из рога идеально совпадает с горизонтальным уплощением на верхушке шлема. Эти уточнения позволяют предложить возможную реконструкцию всего наголовья.

В комплексе из поселка Семеновод найден фрагмент кольчатой бармицы. Судя по ее остаткам, плетение бармицы представляло систему соединения одного кольца с тремя-пятью соседними. Кольца, диаметром около 1 см и толщиной 2 мм, имели ровно обрезанные концы, плотно примыкавшие один к другому и соединенные сваркой. В сечении кольца имели округлую форму. По всей вероятности, снизу (с внутренней стороны) на фрагменте бармицы были следы от кожаной подкладки. Точная длина бармицы не установлена ввиду ее фрагментированности [Нарожный, 2010, с. 101–104].

Данное наголовье датируется серединой XIII столетия. Дискуссионным остается вопрос об этнической принадлежности шлема: беря во внимание стреловидный шпиль наверхия, М.В. Горелик [1979, с. 91–101] относит подобные наголовья к шлемам золотоордынского времени. В свою очередь, А.Н. Кирпичников связывает эту деталь со средневековой Русью [Кирпичников, Медведев, 1985, с. 355–356]. На основании археологических данных Д.Ю. Чахкиев утверждает, что подобный элемент часто встречается в боевых наголовьях, найденных в Горной Ингушетии и относящихся к золотоордынскому времени (рис. 8). Исходя из вышесказанного, с определенной долей уверенности можно разделить точку зрения Е.И. Нарожного о том, что шлем из поселка Семивод является ранним экземпляром монгольских наголовий, привнесенных на Северный Кавказ из Центральной Азии.

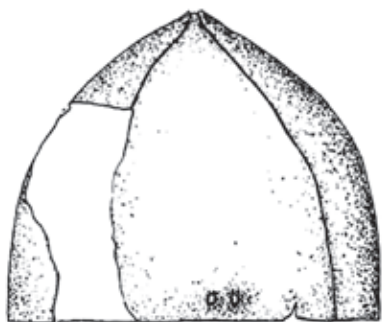

Рис. 6. Шлем из окрестностей п. Головинка (по Л.С. Илюкову)

Рис. 7. Фото фрагментов шлема из п. Семивод (по Е.И. Нарожному)

Рис. 7а. Реконструкция шлема из п. Семивод (по Е.И. Нарожному)

Рис. 8. Реконструированное навершие шлема из п. Семивод (по Е.И. Нарожному)

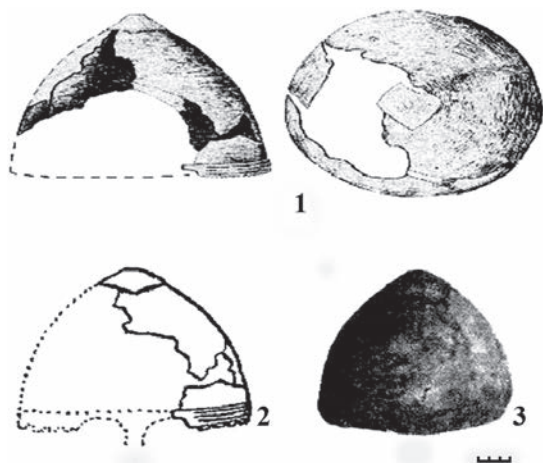

Рис. 9. Шлемы Золотоордынской эпохи (1–2 – шлем из погребения из-под с. Новотерское (1 – по Д.Ю. Чахкиеву; 2 – по М.В. Горелику)); 3 – шлем из-под г. Энгельса (по Е.К. Максимоу)

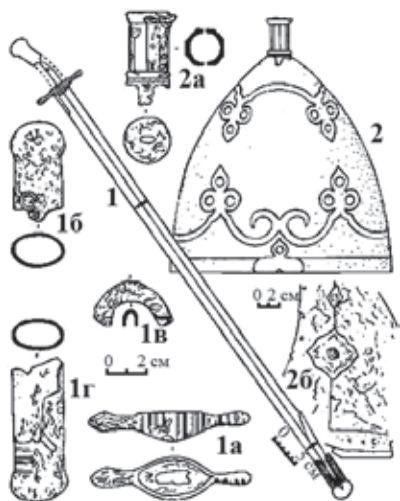

Рис. 10. Предметы вооружения из погребения Андреевская щель №5: 2 – шлем (реконструкция), 2а – навершие, 2б – следы ремонта (по А.Н. Новичкину)

Еще одно боевое наголовье было выявлено из позднекочевнического захоронения вблизи села Новотерского Наурского района Чечни. Данный шлем был исследован и опубликован Д.Ю. Чаккиевым [1983, с. 95–104], который отнес его вместе с сопутствующим инвентарем к комплексу вооружения половецкого всадника XIII столетия.

Шлем цельнокованый, сильно поврежден. Сохранившаяся высота 18,6 см, диаметр 23,6 см, вес 1190 г. По низу шлема приклепан железный обруч с отверстиями для колец бармицы. Навершие – бронзовое, цельное, в виде 4-конечной розетки, с отверстием для плюмажа. Изнутри шлем имеет следы матерчатой или кожаной подкладки. По мнению исследователя, по форме шлем имеет аналогии с русско-половецкими боевыми наголовьями XIII в. из Энгельса, Бабичей и т.п. Но, в отличие от большинства шлемов этой группы, он не имеет бронзовой обтяжки, что явствует о его кавказской специфике. В регионе подобные шлемы встречаются в адыгских погребениях XIII–XIV вв.

В свою очередь, М.В. Горелик [1987, с. 190], проведя реконструкцию новотерского шлема, предположил, что изначально шлем был снабжен вырезами для глаз, а факт наличия в погребении пластин доспеха позволяет отнести вышеназванную находку к золотоордынскому комплексу защитного вооружения.

Е.И. Нарожный, проводя сравнительный анализ различных деталей новотерского шлема с известными образцами из Келийского погребения, Убинского могильника и находкой шлема близ г. Энгельса (рис. 9), делает вывод о том, что подобные, во многом конструктивно схожие шлемы относятся к широкому хронологическому диапазону, охватывающему X–XIV столетия. Территориальный разброс данных находок свидетельствует об ареале использования подобных шлемов. Вопрос об их этнической принадлежности, по мнению исследователя, остается дискуссионным [Нарожный, 2008, с. 42–55].

Если сравнить подобный шлем с аналогичными находками с территории русских княжеств и инвентарем кочевнических погребений, то можно прийти к выводу о том, что боевые наголовья кочевников XII–XIII столетий испытали сильное влияние оружейного дела средневековой Руси. В этом отношении новотерский шлем не является исключением. Однако конструктивно новотерский шлем схож с убинскими боевыми наголовьями, что позволяет отнести его к половецкому комплексу защитного вооружения золотоордынского времени.

В 1991 и 1992 гг. отряд Анапского археологического музея проводил охранные раскопки на средневековом могильнике Андреевская щель. Памятник расположен в 0,5 км восточнее с. Су-Псех Анапского района Краснодарского края, на склоне горы, справа от входа в урочище Андреевская щель, по которому и получил название. Для нас особый интерес представляет захоронение, получившее в полевой документации №5, где были обнаружены сильно поврежденный шлем и спекшаяся от коррозии кольчуга.

Железный шлем сфероконической формы высотой около 30 см склепан из двух половинок путем крепления при помощи заклепок к их стыкам с внутренней стороны узкой пластины. Шлем увенчан восьмигранным навершием с овальным отверстием в верхнем основании и двумя круглыми отверстиями, расположенными на противоположных гранях. Тулья шлема украшена приклепанными к основе ажурными пластинами с медными прокладками, изображающими бутоны и побеги. Поверхность шлема, возможно, была посеребрена – при реставрации отчетливо были видны капельки белого металла от расплавившейся при кремации амальгамы. На одном из стыков – выпуклая четырехугольная заклепка – след возможного ремонта. Кольчужная бармица была

найдена отдельно от наголовья и представляла собой ленту шириной 20 см и состояла из овальных колец диаметром 0,7 см (рис. 10).

А.М. Новичихин [2008, с. 26–41] сравнивает данный шлем с древнерусскими, при этом отмечая главную его особенность – двухчастность наголовья, в отличие от четырехчастных древнерусских. Это, в свою очередь, позволяет предположить, что под влиянием вышеназванных четырехчастных шлемов наголовье из урочища Андреевская щель было произведено в регионе Северного Кавказа как копия со средневекового русского шлема. Весомым подтверждением этому, на наш взгляд, является то, что анализ погребального инвентаря позволяет отнести захоронение к первой половине XII столетия, что явно исключает золотоордынское влияние.

В 2003 г. на северо-западной окраине Ростова-на-Дону экспедицией Донского археологического общества, при раскопках курганного комплекса «Хавалы-4», были выявлены фрагменты защитного вооружения: шлема и кольчуги.

Основная часть шлема свернута из целой железной пластины, края которой в месте соединения чуть расплющены, заведены друг за друга и заварены. Навершие шлема коническое, изготовлено из цельной железной пластины, наваренной внахлест на основную часть шлема. Нижняя часть навершия выполнена в виде четырех симметричных овальных выступов-лепестков. Шлем венчает округлое шарообразное утолщение-яблоко, переходящее в зауженную верхушку-шпиль с вертикальным сквозным отверстием для крепления султана или флажка-яловца. У нижнего края шлема прослежены остатки двух железных заклепок и небольшое округлое сквозное отверстие, возможно, для крепления бармицы (рис. 11).

Анализ инвентаря позволяет определить хронологическую и этническую принадлежность захоронения. Так, в частности, довольно редкая для региона находка шлема была отнесена исследователями к началу (первой половине) XIII столетия и имеет аналогии с черноклобуцкими боевыми наголовьями, обнаруженными на территории Поросья [Прокофьев, Трубников, 2008, с. 135–141]. Данная датировка была подвергнута критике Е.И. Нарожным и А.А. Сазоновым [2011], которые, на основании анализа инвентаря погребения, датировали его концом XIII – началом XIV вв. Эта версия представляется более вероятной, так как большинство восточноевропейских наголовий, снабженных навершием с «яблоком» на шейке, также датируется Золотоордынским периодом [Негин, 2013, с. 45–47, 51].

На территории Северного Кавказа также были выявлены боевые наголовья, имеющие аналоги в западноевропейском комплексе вооружения.

Так, в 1972 г. в окрестностях города Белая Калитва (Ростовская область) был обнаружен шлем, ныне хранящийся в фондах Государственного исторического музея (г. Москва (ГИМ №99858 оп. №14373)).

Данный артефакт имеет следующие размеры: общая высота наголовья – 230 мм, ширина в поперечнике – 220 мм, окружность – 660 мм, высота венца сзади – 139 мм, высота венца спереди – 58 мм. Шлем имеет цилиндро-коническую форму. Он изготовлен из двух металлических пластин, предположительно железных, соединенных между собой заклепками, большинство из которых сохранилось. Шлем подвергался переделке, которая в основном коснулась нижней части венца. Сохранившийся в первоначальном виде шлем позволяет провести сравнение этого наголовья с подобным экземпляром из Артиллерийского музея Парижа и представить возможную начальную форму описывае-

мого экспоната. По мнению И.Я. Абрамзона, форма шлема, его размеры, способ крепления частей и деталей доказывают аналогичность шлема из г. Белая Калитва и шлема, хранящегося в Париже. Ряд незначительных отличий вызваны, скорее всего, местом и временем изготовления (рис. 12) [Абрамзон, 1980, с. 149–151]. Шлем из Артиллерийского музея достаточно точно датируется концом XIII – самым началом XIV в. Место его изготовления – Германия [Hefner-Altenek, 1903, S. 13–15]. Если принимать эту точку зрения, получается, что шлем, случайно найденный в районе г. Белая Калитва, изначально был западноевропейским и только потом был переделан.

Можно предположить, что интересующий нас шлем был завезен в этот район из Западной Европы купцами или воинами. Впрочем, он мог быть изготовлен (скопирован) на месте по какому-то определенному, но явно импортному образцу. И в том, и другом случаях шлем можно датировать концом XIII – 1-й половиной XIV вв. По-видимому, к XVI столетию он подвергался переделке и уже в новом виде дошел до нас [Абрамзон, 1980, с. 151].

Следует отметить, что данное боевое наголовье не единственное в своем роде в регионе Северного Кавказа. Еще одна находка была обнаружена в 1968 г. при случайных обстоятельствах. Шлем находился в разрушенном каменном ящике у села Ярыш-Марды (современная Чечня), откуда и был извлечен местными жителями вместе с железным наконечником копья. Практически сразу же оба предмета поступили в Чечено-Ингушский краеведческий музей. Лишь в 1982 г. этот шлем был опубликован в журнале «Советская археология» Х.М. Мамаевым и Д.Ю. Чахкиевым. Авторы соотнесли данную находку со средневековыми шлемами Руси, при этом указывая на малые размеры шлема: при диаметре основания в 29 см шлем имел высоту всего 13 см [Мамаев, Чахкиев, 1982, с. 250–254].

Основываясь на этих исследованиях, Е.И. Нарожный предположил, что данная находка представляет собой купол шлема без тульи. Отсутствующая тулья посредством горизонтального пояска внизу сохранившегося купола соединялась с ним заклепками (рис. 13).

Другими словами, шлем из Ярыш-Марды конструктивно напоминает шлем из Белой Калитвы, отличаясь от него декоративным оформлением купола (конические выступы по внешней поверхности). Это и позволяет предположить, основываясь на выводах Е.И. Нарожного [2003, с. 112–125], что в данном случае речь идет об европейском прототипе шлема, изготовленном на территории Золотой Орды, впоследствии оказавшемся в захоронении местного горского воина.

Стоит также упомянуть об еще одной случайной находке шлема в окрестностях Кисловодска, хранящегося в настоящий момент в фондах Кисловодского историко-археологического музея. Данный артефакт был описан и введен в научный оборот в 2005 г. сотрудниками Армавирского государственного педагогического института.

Указанные авторы отмечают следующее: шлем железный, кованый, округлой формы, с невысоким «гребнем». Изготовлен из двух пластин с округло-выпуклыми наружу поверхностями. В месте их соединения, сверху вниз, шлем прокован; в месте соединения хорошо замечен шов крепления. Спереди и сзади шлема оформлены высокие подтреугольные полы. Они подняты спереди и сзади и заканчиваются острием одинаковой формы с вырезами. Над вырезом лицевой части, при помощи двух заклепок, к корпусу шлема прикреплена деформированная гильза для плюмажа, когда-то украшавшего боевое навершие. Левая часть шлема имеет полукруглый выступ (в виде козырька), изгибающийся кверху. На противоположной стороне, также изгибаясь вверх, еще один выступ

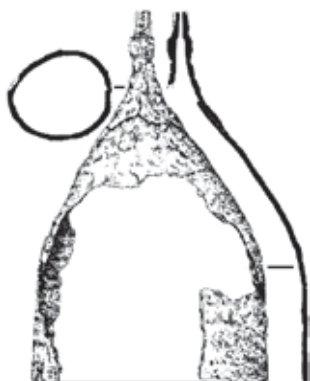

Рис. 11. Шлем из курганного комплекса Хавалы 4 (по данным Р.В. Прокофьева и В.В. Трубникова)

Рис. 12. Шлем из г. Белая Калитва (по А.Я. Абрамзону)

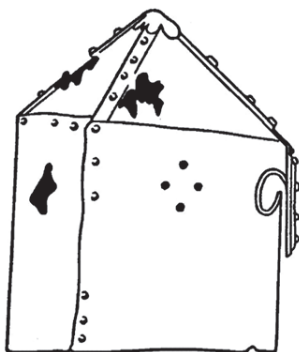
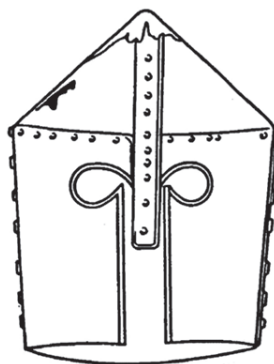

Рис. 12а. Шлем из Артиллерийского музея. Париж (по S.H. Hefner-Altenek)

с острыми краями. Общая высота шлема – 27 см. Диаметр нижней части тульи – 23,5 см. Диаметр по линии окончаний вырезов – 34 см. По бокам наголовья, вдоль нижнего его края, над загибающимися вверх частями расположены декоративные заклепки в виде «звездочек» (рис. 14) [Басов, Березин, Дружинин, 2005, с. 308–312].

Близкие, если не тождественные аналогии этому шлему известны пока что только на территории Западной, Южной и Центральной Европы. Все эти аналогии описаны швейцарским оружейником В. Бехаймом, который приводит и европейское название таких шлемов – «морион» [Voescheim, 1986, S. 55–56].

Теоретически факт появления западноевропейского шлема на Северном Кавказе было бы логично сопоставлять с итальянскими (Генуя или Венеция) торговыми факториями Приазовья или Причерноморья. Дискуссионным остается вопрос о том, посред-

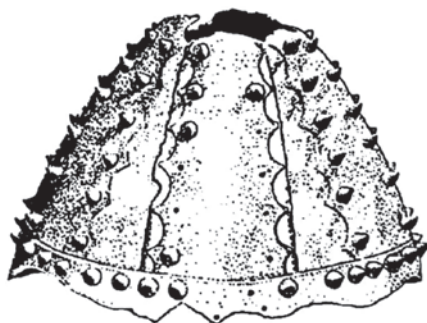

Рис. 13. Купол шлема из селения Ярыш-Марды (по X.M. Мамаеву и Д.Ю. Чахкиеву)

Рис. 14. Шлем морион из Историко-археологического музея г. Кисловодска (Ставропольский край): 1 – вид спереди; 2 – вид сзади

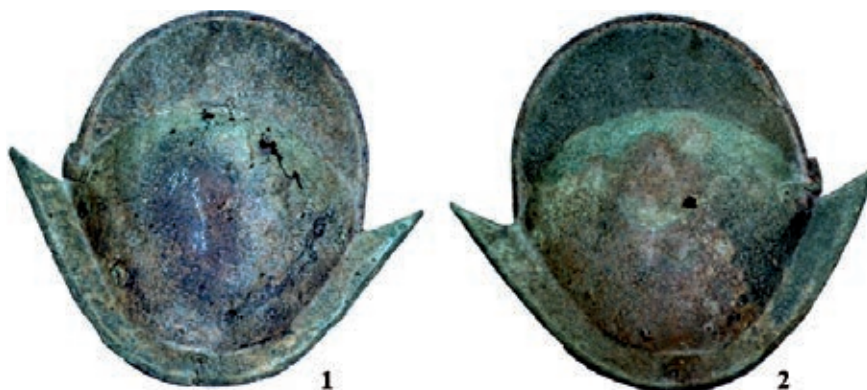

Рис. 14а. Шлем морион из Историко-археологического музея г. Кисловодска (Ставропольский край): 1 – вид слева; 2 – вид справа

ством кого или каких событий данный предмет оказался на месте своего обнаружения. Бесспорно, он мог стать военным трофеем либо быть просто утерянным. Ведь для охраны караванов и факторий итальянцы нанимали местных жителей, оснащая их своим вооружением [Сальников, 2015, с. 195–197]. Однако здесь необходимо учитывать одну особенность: подобные шлемы были распространены в Европе XVI–XVII вв., а Причерноморье и Приазовье было потеряно итальянцами в 70-х гг. XV в. в результате османской политики в регионе. Поэтому не исключено, что трофейный западноевропейский «морион» попал на Северный Кавказ в XVI–XVII вв., в ходе османо-черкесского торгового обмена.

Собранные материалы позволяют сделать вывод о том, что комплекс боевых наголовий народов Северного Кавказа XII–XVI вв. испытывал на себе определенное влияние защитного вооружения народов Западной и Восточной Европы, а также Золотой Орды. Заимствования были выражены как в импорте боевых наголовий западноевро-

пейского, русского и золотоордынского производства на Северный Кавказ, так и в усвоении местными мастерами некоторых элементов конструкции и оформления иностранных боевых наголовий. К золотоордынским заимствованиям в конструкции шлемов, найденных на территории Северного Кавказа, можно отнести: козырек, металлическое кольцо для крепления плюмажа из двух лент, навершие в виде длинного шпиля, шарообразное «яблоко» на шейке навершия. К числу заимствований с территории Руси или все той же Золотой Орды относятся такие элементы оформления шлема, как наносники в комбинации с надбровными вырезами и накладными пластинчатыми «бровями». Некоторые из данных элементов (например, кольца для плюмажей) сохранились на северокавказских шлемах вплоть до этнографического времени и превратились в своеобразный маркер местных боевых наголовий [Бобров, Сальников, 2016а–б]. В то время как другие, в силу различных причин, были вытеснены из широкого военного обихода.

С определенной долей уверенности можно утверждать, что служба северокавказских воинов в войсках Золотой Орды являлась доминирующим источником проникновения импортных элементов в комплекс вооружения местных народов. Нельзя отрицать и возможность прямых заимствований в результате непосредственных торгово-экономических контактов.

На территории Северного Кавказа обнаружено немного шлемов, которые были классифицированы как европейские. Эту малочисленность можно объяснить в первую очередь тем, что к XV столетию большая их часть могла быть переделана в соответствии с региональными особенностями военного дела, в результате чего указанные боевые наголовья стали частью местного комплекса вооружения. Ввиду того, что северокавказские воины делали ставку на тактику маневренного боя, используемые шлемы не должны были препятствовать широкому обзору. Если брать во внимание рассмотренные нами шлем из Белой Калитвы и наголовье из Артиллерийского музея Парижа, то в первом мы видим, что части, мешавшие обзору, были исключены, незначительно изменив внешний вид.

Как правило, распространение европейских образцов защитного вооружения связывают с деятельностью на Северном Кавказе итальянских торговцев, влияние которых в регионе было весьма ощутимо. Так, в 30-е гг. XIX столетия Ф. Дюбуа де Монпере упоминал, что в былые времена генуэзцы проживали во всех долинах Северного Кавказа. Значимым является и тот факт, что прибрежные воды Черного и Азовского морей были рассадником пиратства коренных народов. Таким образом, определенная доля европейского оружия могла попадать в регион в качестве трофея.

Библиографический список

Абрамзон И.Я. Шлем из города Белая Калитва // История и культура Европы по археологическим данным. М. : Государственный исторический музей СССР, 1980. С. 149–151 (Труды ГИМа. Вып. 85).

Басов И.И., Березин С.Я., Дружинин И.А. Позднесредневековый шлем из Кисловодского краеведческого музея // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир : АГПИ, 2005. С. 308–312.

Бобров Л.А., Сальников А.В. Северокавказские шлемы крымско-татарской знати из Музея дворца Топкапы (г. Стамбул, Турецкая Республика). Особенности конструкции, оформления и боевого применения // *Vylye Gody*. 2016a. Vol. 40. Is. 2. Pp. 323–334.

Бобров Л.А., Сальников А.В. Шлем «танж» из собрания Музея искусств Метрополитен // *Vylye Gody*. 2016b. Vol. 42. Is. 4. Pp. 1077–1086.

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. Погребения Келийского могильника // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар : Кубанский государственный университет, 1994. С. 69, рис. 2.1.

- Горелик М.В. Средневековый монгольский доспех // Олон Улсын монголч Эрдэмтний Ш. Их хурал. Бот. Ш. Улаанбаатар : Олон улсын монголч эрдэмтний их хурлын байнгийн хороо, 1979. С. 91–101.
- Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск : Наука, 1987. С. 190.
- Горелик М.В. Спорные вопросы истории средневекового оружия Евразии // Военная археология. СПб. : Институт истории материальной культуры Российской академии наук, 1998. С. 268.
- Жуков К.А. Куполовидные шлемы с полумасками на территории Руси. Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем. М. : Министерство обороны РФ, 2006. С. 151–156.
- Илюков Л.С. Шлем и щит из окрестностей поселка Головинка // *Vylye Gody*. 2010. Vol. 1. P. 15–16.
- Кирпичников А.Н., Медведев Л.Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. М. : Наука, 1985. С. 355–366 (Археология СССР).
- Нарожный Е.И. О шлемах из сел. Ярыш-Марды и святилища Реком // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир : АГПИ, 2003. С. 112–125.
- Нарожный Е.И. О некоторых типах средневековых шлемов с территории Северного Кавказа // Военная история. М. : Квадрига, 2008. С. 42–55.
- Нарожный Е.И. Шлем из разрушенного кочевнического погребения у поселка Семивод // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2010. №1. С. 101–104.
- Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Погребение №67 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // Поволжская археология. 2012. №2. С. 173–183.
- Нарожный Е.И., Сазонов А.А. Средневековое кочевническое захоронение из курганного могильника «Прикубанский-1» (Красноармейский район Краснодарского края) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2011. №1. С. 64–68.
- Негин А.Е. Шлем из Городца. Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского ун-та, 2013. 96 с.
- Новичихин А.М. Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреева щель // Военная история. М. : Квадрига, 2008. С. 26–41.
- Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю. Шлем из сел. Ярыш-Марды (Чечня) // Советская археология. 1982. №2. С. 250–254.
- Сальников А.В. О европейском влиянии на северокавказское вооружение XIII–XIV веков // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №3–1. С. 195–197.
- Семенов Л.П. Отчет об археологической работе в Чечено-Ингушской АССР в 1937 году. Архив ЛО ИА АН СССР. Ф. 2. 1937. №234.
- Стрельченко М.Л. Вооружение адыгейских племен в X–XV веках (по материалам Убинского могильника) // Наш край: материалы по изучению Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар : Краснодарское книжное издательство, 1960. С. 140–157.
- Чахкиев Д.Ю. Богатое погребение воина-кочевника у с. Новотерское (Чечено-Ингушетия) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный : Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого, 1983. С. 95–104.
- Чахкиев Д.Ю. Полуподземный склеп у сел. Верхний Лейми // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный : Чечено-Ингушский институт истории, социологии и филологии, 1985. С. 64.
- Чахкиев Д.Ю. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых вайнахов (XIII–XVIII вв.). Археолого-этнографическое исследование : автореф. ... канд. ист. наук. М., 1986. С. 18–26.
- Чахкиев Д.Ю. Новые воинские захоронения золотоордынского времени Паметского могильника горной Ингушетии // Новое в археологии и этнографии Ингушетии. Нальчик : Издательский центр «Эль-Фа», 1998. 99 с.
- Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Погребение кочевника XIII – 1-й половины XIV в. у села Лосево в Степном Прикубанье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8: Золотоордынское время. Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2010. С. 425–436.
- Boecheim W. Handbuch der Waffenkunde. Leipzig (репринт 1890 г.). S. 55–56.
- Hefner-Alteneck S.H. Waffen, Frankfurt am Main. 1903. S. 13–15.

References

- Abramzon I.Ia. Shlem iz goroda Belaia Kalitva [Helmet from Belaya Kalitva]. Istoriia i kul'tura Evropy po arkhologicheskim dannym [History and Culture of Europe according to Archaeological data]. M. : Gosudarstvennyi istoricheskii muzei SSSR, 1980. Pp. 149–151 (Trudy GIMa. Vyp. 85) [Proceedings of GIM Issue 85].

Basov I.I., Berezin S.Ia., Druzhinin I.A. Pozdnesrednevekovi shlem iz Kislovodskogo kraevedcheskogo muzeia [Late Medieval Helmet from the Kislovodsk Museum of Local History]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza*. Vyp. 5 [Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus. Issue 5]. Armavir : AGPI, 2005. Pp. 308–312.

Bobrov L.A., Sal'nikov A.V. Severokavkazskie shlemy krymsko-tatarskoi znati iz Muzeia dvortsa Topkapy (g. Stambul, Turetskaia Respublika). Osobennosti konstruktssii, oformleniia i boevogo primeneniia [North Caucasian Helmets of the Crimean Tatar Nobility from the Topkapi Palace Museum (Istanbul, Republic of Turkey). Features of Construction Design, Design and Combat Use], *Bylye Gody*. 2016a. Vol. 40. Is. 2. Pp. 323–334.

Bobrov L.A., Sal'nikov A.V. Shlem "tanzh" iz sobraniia Muzeia iskusstv Metropoliten [Helmet "Nanzh" from the Collection of the Metropolitan Museum of Art]. *Bylye Gody*. 2016b. Vol. 42. Is. 4. Pp. 1077–1086.

Vinogradov V.B., Narozhnyi E.I. Pogrebeniia Keliiskogo mogil'nika [Burials of the Keliia Burial Ground] *Arkheologicheskie i etnograficheskie issledovaniia Severnogo Kavkaza* [Archaeological and Ethnographic Studies of the North Caucasus]. Krasnodar : Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 1994. 69p., ill. 2.1.

Gorelik M.V. Srednevekovi mongol'skii dospekh [Medieval Mongolian Armor]. *Olon Ulsyn mongolch Erdemtnii III. Ikh khural*. Bot. III. Ulaanbaatar : Olon ulsyn mongolch erdemtnii ikh khurlyn baingiin khoroo, 1979. Pp. 91–101.

Gorelik M.V. Rannii mongol'skii dospekh (IKh – pervaiia polovina XIV v.) [Early Mongolian Armor (the 9th – the First Half of the 14th Century)]. *Arkheologiiia, etnografiia i antropologiiia Mongolii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology]. Novosibirsk : Nauka, 1987. 190 p.

Gorelik M.V. Spornye voprosy istorii srednevekovogo oruzhiia Evrazii [Early Mongolian Armor (the 9th – the First Half of the 14th Century)]. *Voennaia arkheologiiia* [Archaeology, Ethnography and Anthropology]. SPb. : Institut istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk, 1998. 268 p.

Zhukov K.A. Kupolovidnye shlemy s polumaskami na territorii Rusi. Voennoe delo Rossii i ee sosedei v proshlom, nastoiashchem i budushchem [Dome-like Helmets with Half-Masks in the Territory of Russia. Military Affairs of Russia and its Neighbors in the Past, Present and Future]. M. : Ministerstvo oborony RF, 2006. Pp. 151–156.

Iliukov L.S. Shlem i shchit iz okrestnostei poselka Golovinka [The Helmet and the Shield from the Vicinity of the Village of Golovinka]. *Bylye Gody*. 2010. Vol. 1. Pp. 15–16.

Kirpichnikov A.N., Medvedev L.F. [Armament]. *Vooruzhenie. Drevniia Rus'. Gorod, zamok, selo* [Ancient Russia. City, Castle, Village]. M. : Nauka, 1985. Pp. 355–366 (Arkheologiiia SSSR).

Narozhnyi E.I. O shlemakh iz sel. Iarysh-Mardy i sviatilishcha Rekom [About the Helmets from the Villages of Yarysh-Mardy and Rekom Sanctuary]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza*. Vyp. 2 [Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus. Issue 2]. Armavir : AGPI, 2003. Pp. 112–125.

Narozhnyi E.I. O nekotorykh tipakh srednevekovykh shlemov s territorii Severnogo Kavkaza [On Some Types of Medieval Helmets from the Territory of the North Caucasus]. *Voennaia istoriia* [Military History]. M. : Kvadruga, 2008. Pp. 42–55.

Narozhnyi E.I. Shlem iz razrushennogo kochevnicheskogo pogrebeniia u poselka Semivod [Helmet from the Destroyed Nomadic Burial near the Village of Semivod]. *Batyr. Traditsionnaia voennaia kul'tura narodov Evrazii* [Batyr. Traditional Military Culture of the Peoples of Eurasia]. 2010. №1. Pp. 101–104.

Narozhnyi V.E., Narozhnyi E.I. Pogrebenie №67 Keliiskogo mogil'nika (Gornaia Ingushetiia) [Burial No. 67 of the Keliyskoye Burial Ground (Gornaya Ingushetia)]. *Povolzhskaiia arkheologiiia* [Povolzhskaya archeology]. 2012. №2. Pp. 173–183.

Narozhnyi E.I., Sazonov A.A. Srednevekoev kochevnicheskoe zakhoronenie iz kurgannogo mogil'nika "Prikubanskii-1" (Krasnoarmeiskii raion Krasnodarskogo kraia) [Medieval Nomad Burial from the Burial Cemetery "Prikubansky-1". (Krasnoarmeysky District of the Krasnodar Territory)]. *Batyr. Traditsionnaia voennaia kul'tura narodov Evrazii* [Batyr. Traditional Military Culture of the Peoples of Eurasia]. 2011. №1. Pp. 64–68.

Negin A.E. Shlem iz Gorodtsa [The Helmet from Gorodets]. *Nizhnii Novgorod : Izd-vo Nizhegorodskogo un-ta*, 2013. 96 p.

Novichikhin A.M. Voinskii kenotaf s zakhoroneniem boevogo konia na srednevekovom mogil'nike Andreeva shchel' [Military Cenotaph with the Burial of a Warhorse on the Medieval Burial Ground of Andreeva Crevice]. *Voennaia istoriia* [Military History]. M. : Kvadruga, 2008. Pp. 26–41.

Mamaev Kh.M., Chakhkiev D.Iu. Shlem iz sel. Iarysh-Mardy (Chechnia) [Helmet from the Villages of Yarysh-Mardy (Chechnya)]. *Sovetskaia arkheologiiia* [Soviet Archaeology]. 1982. №2. Pp. 250–254.

Sal'nikov A.V. O evropeiskom vliianii na severokavkazskoe vooruzhenie XIII–XIV vekov [On the European Influence on North-Caucasian Armament of the 13th–14th Centuries]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, Socio-Economic and Social Sciences]. 2015. №3–1. Pp. 195–197.

Semenov L.P. Otchet ob arkhelogicheskoi rabote v Checheno-Ingushskoi ASSR v 1937 godu. *Arkhiv LO IA AN SSSR. F. 2* [Report on Archaeological Work in the Chechen-Ingush ASSR in 1937. Archive LO IA IA USSR. F. 2]. 1937. №234.

Strel'chenko M.L. Vooruzhenie adygeiskikh plemen v X–XV vekakh (po materialam Ubinskogo mogil'nika) [Armament of the Adygea Tribes in the 10th–15th Centuries (based on the Materials of the Ubinsky Burial Ground)]. *Nash kraj: materialy po izucheniiu Krasnodarskogo kraia. Vyp. 1.* [Our Land: Materials on the Study of the Krasnodar Territory. Issue. 1]. Krasnodar : Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. Pp. 140–157.

Chakhkiev D.Iu. Bogatoe pogrebenie voina-kochevnika u s. Novoterskoe (Checheno-Ingushetiia) [A Rich Burial of a Warrior-Nomad Near Novoterskoe (Chechen-Ingushetia)]. *Arkheologiya i voprosy sotsial'noi istorii Severnogo Kavkaza* [Archaeology and Questions of Social History of the North Caucasus]. Groznyi : Checheno-Ingushskii gosudarstvennyi universitet im. L.N. Tolstogo, 1983. Pp. 95–104.

Chakhkiev D.Iu. Polupodzemnyi sklep u sel. Verkhonii Leimi [Semi-Underground Crypt near Villages of Top Leymi]. *Srednevekoveye pogrebal'nye pamiatniki Checheno-Ingushetii* [Medieval Burial Monuments of Chechen-Ingushetia]. Groznyi : Checheno-Ingushskii institut istorii, sotsiologii i filologii, 1985. Pp. 64.

Chakhkiev D.Iu. Oruzhie i voprosy voennogo iskusstva pozdnesrednekovykh vainakhov (XIII–XVIII vv.). *Arkheologo-etnograficheskoe issledovanie : avtoref. ... kand. ist. Nauk* [Weapons and Questions of Military Art of Late Medieval Vainakhs (the 13th–18th Centuries). Archaeological and Ethnographic Research: Synopsis of the Dis. ... Cand. Hist. Sciences. M., 1986. Pp. 18–26.

Chakhkiev D.Iu. Novye voinskie zakhroneniia zolotoordynskogo vremeni Pametskogo mogil'nika gornoi Ingushetii [New Military Burial Places of the Golden Horde Time of the Pametsky Burial Ground of the Ingushetia Mountain]. *Novoe v arkhologii i etnografii Ingushetii* [New in Archaeology and Ethnography of Ingushetia]. Nal'chik : Izdatel'skii tsentr "El'-Fa", 1998. 99 p.

Chkhaidze V.N., Druzhinina I.A. Pogrebenie kochevnika XIII – 1-i poloviny XIV v. u sela Losevo v Stepnom Prikuban'e [Burial of the Nomad of the 13th – 1st Half of the 15th Century in the Village of Losevo in the Steppe Kuban ']. *Stepi Evropy v epokhu srednekov'ia. T. 8: Zolotoordynskoe vremia* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 8: The Golden Horde Time]. Donetsk : Donetskii nats. un-t, 2010. Pp. 425–436.

Boeheim W. *Handbuch der Waffenkunde*. Leipzig. (reprint of 1890). Pp. 55–56.

Hefner-Alteneck S.H. *Waffen*, Frankfurt am Main. 1903. Pp. 13–15.

A.V. Salnikov

TO THE QUESTION OF ATTRIBUTION OF SOME HELMETS OF THE NORTH CAUCASUS IN THE 12TH –16TH CENTURIES

The article analyzes a number of foreign borrowings which had a certain influence on the development of combat helmets of the warriors of the North Caucasus in the 12th–16th centuries. So in particular it was found out that this process was expressed in the European imports of hats and the gold production in the North Caucasus as well as in the mastering of the local craftsmen of certain elements of the design and decoration of foreign combat helmets.

The Golden borrowing in the design of the helmets found on the territory of the North Caucasus include: canopies, metal ring for fastening a plume of two tapes, the finial in the form of a long spire, ball shaped "Apple" on the neck of the finial.

The borrowings from the territory of Rus, the Golden Horde and Iran include such elements of the helmet design as a nasal protection plates in combination with the brow cut and patch plate "eyebrows". Some of these elements (e.g., rings for plumes) are preserved on the North Caucasian helmets up to ethnographic time and have become a kind of marker of local combat helmets while others for various reasons were driven out from the wide military use.

Imports from Western Europe were overall insignificant. Part of the helmets of presumably European origin was altered by the North Caucasus craftsmen considering local military realities.

Key words: North Caucasus, defensive weapons, helmets.

Л.А. Бобров¹, В.В. Горбунов², А.А. Тишкин²

¹Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ЮЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ ХУДЯКОВ – ОСНОВАТЕЛЬ СИБИРСКОЙ ОРУЖИЕВЕДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ*

В статье рассмотрена научная биография известного советского и российского археолога и оружейоведа Юлия Сергеевича Худякова, которому в этом году исполняется 70 лет. Выделены основные этапы карьеры ученого, установлены ключевые направления его исследований в сфере изучения военно-культурного наследия кочевников Центральной Азии и Южной Сибири эпохи Древности, Средневековья и раннего периода Нового времени. Проанализирован вклад Ю.С. Худякова в развитие отечественного оружейоведения в целом и в разработку теоретических основ изучения военного дела номадов в частности. Выдвинут тезис о существовании особой «сибирской» оружейоведческой школы, основателем и лидером которой может по праву считаться Ю.С. Худяков. Установлено, что отличительной особенностью исследований представителей данной научной школы является применение разработанной Ю.С. Худяковым комплексной аналитической модели изучения военного дела кочевых этносов и культур и соответствующих данной модели принципов классификации предметов вооружения. Отмечено участие юбиляра в разных сферах научно-организационной и учебной деятельности.

Ключевые слова: археология, оружейоведение, сибирская оружейоведческая школа, Юлий Сергеевич Худяков.

DOI: 10.14258/tpai(2017)3(19)-07

В декабре 2017 г. исполняется 70 лет выдающемуся советскому и российскому археологу-оружиеведу Юлию Сергеевичу Худякову, доктору исторических наук, главному научному сотруднику Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН), профессору Новосибирского государственного университета (НГУ). Наряду с К.Ф. Смирновым, А.И. Мелюковой, А.Ф. Медведевым, А.Н. Кирпичниковым, А.М. Хазановым, М.В. Гореликом и другими специалистами он может быть отнесен к числу основателей современного отечественного оружейоведения (рис. 1).

Обозначая вклад Ю.С. Худякова в работу коллектива Института археологии и этнографии СО РАН, академик В.И. Молодин [2007, с. 6] отметил следующее: «...не будет преувеличением сказать, что в нынешнем виде оружейоведение в этом ведущем научном учреждении, да и в значительной степени и в Сибирском регионе, получило многоплановое развитие благодаря Юлию Сергеевичу Худякову... Прежде всего следует подчеркнуть факт высочайшей методической квалификации исследователя, его способность проводить блестящие типологии вооружения в целом, а также осуществлять глубокий анализ морфологии различных видов и конкретных предметов наступательного и защитного вооружения. В этой сфере изучения им были разработаны типологические матрицы для разных видов вооружения, как оборонительного, так и наступательного, как дальнего, так и ближнего боя, относящегося как к раннему железу, так и к раннему, развитому и позднему Средневековью. Типологические построения сопровождались детальным анализом эволюции, форм всех видов вооружения, скрупулезным подбором круга аналогий».

* Исследование частично проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект №1.4539.2017/8.9).

Рис. 1. Ю.С. Худяков – профессор,
главный научный сотрудник ИАиЭт СО РАН,
кавалер ордена «Данакер»

На момент написания настоящей статьи научное наследие Ю.С. Худякова включает 36 монографий, разделов в коллективных монографиях, учебных пособий и популярных книг, более 1400 научных и научно-популярных статей, из которых более 100 вышли в рецензируемых журналах и в зарубежных изданиях, опубликованных в Азербайджане, Германии, Венгрии, Польше, США, Китае, Монголии, Южной Корее, Казахстане, Кыргызстане, Туркмении, Турции и других странах. При этом Ю.С. Худяков продолжает активно трудиться, ежемесячно публикуя все новые и новые научные работы, привлекающие заслуженное внимание археологов и оружейников многих стран мира.

Рассмотреть все аспекты научной деятельности юбиляра в рамках небольшой публикации не представляется возможным. Поэтому лишь кратко остановимся на основных этапах жизненного пути Ю.С. Худякова и на основе

анализа его публикаций с 1971 по 2017 г. выделим ключевые направления его исследований в сфере изучения военно-культурного наследия номадов Центральной Азии и Южной Сибири.

Будущий ученый родился 8 декабря 1947 г. в с. Медвежка Кемеровской области в семье геолога Сергея Алексеевича Худякова (1919–1984) и уроженки США художницы Ирмы Юльевны Геккер. Дед Ю.С. Худякова по материнской линии – Юлий Геккер (1881–1938) в юности участвовал в революционной деятельности и был вынужден покинуть Россию, опасаясь преследования царских властей. Впоследствии он стал известным философом и вместе с семьей вернулся в СССР по приглашению первого наркома просвещения РСФСР А.В. Луначарского.

Уже во время учебы в средней школе Юлий Худяков проявил интерес к археологии и истории народов Евразии, а также к древнему оружию и доспехам. Этому весьма способствовало знакомство юного исследователя с археологическими трудами С.И. Ру-

денко, историческими картинами В.М. Васнецова, В.В. Верещагина, иллюстрациями И.Я. Билибина, а также художественными произведениями В.Г. Яна [Борисенко, Скобелев, 2007, с. 26].

После окончания школы, работы в геологической экспедиции и службы в рядах советской армии Ю.С. Худяков в 1969 г. поступил на гуманитарный факультет НГУ (рис. 2). Знакомство с учеными-археологами способствует росту его интереса к археологической и военно-исторической тематике. Участь на третьем курсе, Ю.С. Худяков публикует свою первую научную статью, посвященную военной организации кочевников Центральной Азии. Талантливый и усидчивый студент привлекает внимание заслуженных специалистов-археологов, преподававших в вузе. Так, научным руководителем дипломной работы Ю.С. Худякова являлся выдающийся ученый и будущий академик РАН А.П. Деревянко [Борисенко, Скобелев, 2007, с. 26, 27].

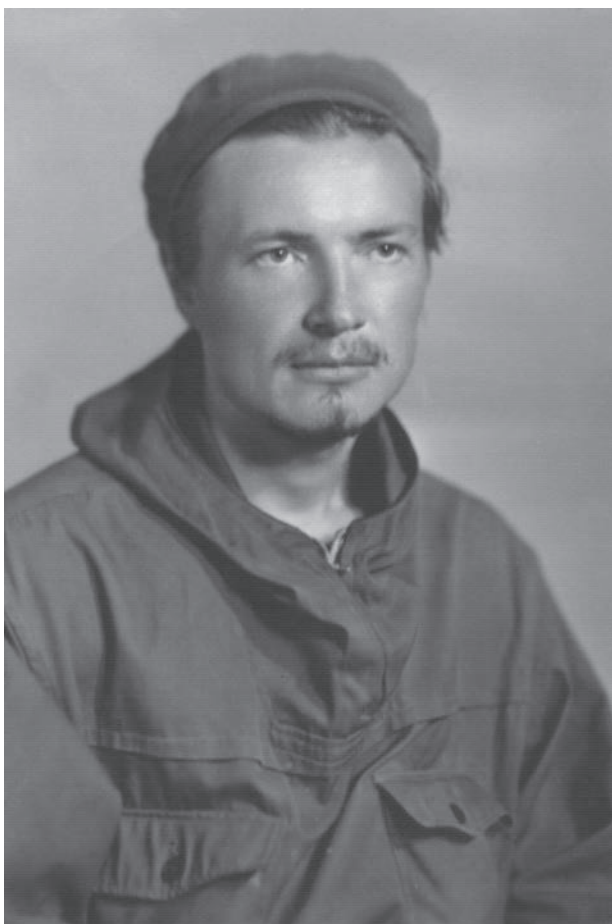

Рис. 2. Юлий Худяков – студент Новосибирского государственного университета

За годы учебы в НГУ Юлий Худяков участвовал в археологических экспедициях в Горном Алтае, Приамурье, Туве, Таджикистане, Памире и других местах (рис. 3). Прослушав лекцию В.Л. Янина о раскопках в Новгороде, он в 1972 г. присоединился к Новгородской экспедиции, где познакомился со своей будущей женой – О.В. Коршуновой [Борисенко, Скобелев, 2007, с. 27].

В 1975 г. Ю.С. Худяков возглавил Южносибирский отряд Института археологии и этнографии СО РАН, который в разные годы работал в Хакасии, Красноярском крае, Туве, Горном Алтае. В ходе раскопок в Минусинской котловине в 1975–1988 гг. Ю.С. Худяковым было обнаружено большое количество предметов вооружения енисейских кыргызов. Детальная работа с данными находками позволила молодому исследователю выработать универсальную модель оружейведческого анализа археологических материалов (см. ниже).

Мало кто знает факт, который напоминает Ю.Ф. Кирюшин, когда Ю.С. Худяков приезжает в Барнаул на заседания диссертационного совета. Дело в том, что Юлий Сергеевич для подготовки кандидатской диссертации сначала был принят в аспи-

Рис. 3. В археологической экспедиции в Монголии под руководством академика А.П. Окладникова (1979 г.)

рантуру Алтайского государственного университета (АГУ) к основателю этого вуза А.П. Бородавкину. Но потом его перевели в Новосибирск, где в 1977 г. состоялась защита кандидатской диссертации. Научным руководителем являлся всемирно известный советский археолог и академик А.П. Окладников. В 1988 г. Ю.С. Худяков защитил докторскую диссертацию.

В разное время нынешний юбиляр познакомился со многими известными советскими учеными: М.И. Артамоновым, М.П. Грязновым, А.Д. Грачом, Л.Н. Гумилёвым и др. Многолетняя дружба связывала его со знаменитым оружиеведом и искусствоведом М.В. Гореликом (1946–2015).

С 1977 г. Ю.С. Худяков преподает различные курсы по археологии в НГУ. В разные годы он также читал лекции в Горно-Алтайском, Хакасском, Бурятском университетах, в Читинском педагогическом институте, в Евразийском университете им. Л.Н. Гумилёва (г. Астана, Республика Казахстан), Бишкекском гуманитарном университете (г. Бишкек, Республика Кыргызстан), Кыргызском национальном университете (г. Бишкек, Республика Кыргызстан), Кыргызско-Турецком университете «Манас» (г. Бишкек, Республика Кыргызстан) и др. На протяжении многих лет Ю.С. Худяков возглавлял кафедру археологии и этнографии НГУ. За это время им были подготовлены 16 докторов и кандидатов наук, более 70 магистров и дипломированных специалистов в области археологии.

Начиная с 1994 г. и по настоящее время Ю.С. Худяков является бессменным членом диссертационного совета по историческим наукам в Алтайском государственном университете, в котором, под его руководством, были защищены шесть диссертаций,

в том числе две кандидатские и одна докторская по военной тематике [Эбель, 1998; Бобров, 2005; 2011].

Неутомимый ученый продолжает принимать активное участие в археологических экспедициях. Им проведены исследования как на территории Южной Сибири, так и в Средней Азии, Монголии и Китае.

Научное наследие Ю.С. Худякова исключительно богато и разнообразно. Наряду с собственно археологическими публикациями им были подготовлены статьи и монографии по исторической, этнографической, искусствоведческой тематике. Однако не будет большим преувеличением сказать, что наибольшую известность ученому принесли его оружиеведческие работы. Некоторые из данных исследований очень быстро стали классическими и вошли в состав «золотого фонда» отечественного оружиеведения.

Подавляющее большинство профильных научных работ Ю.С. Худякова носит комплексный характер. Тем не менее можно выделить несколько основных направлений научных исследований юбиляра в сфере изучения военно-культурного наследия народов восточной части Великой степи:

1. Сбор, систематизация и типологический анализ предметов наступательного и защитного вооружения населения Центральной Азии и Южной Сибири эпохи Древности, Средневековья и раннего Нового времени.

2. Изучение различных аспектов военного дела (комплекс вооружения, военная организация, тактика и стратегия) кочевых народов Евразии, а также его эволюции на протяжении указанного исторического периода.

3. Разработка теоретических основ и упорядочение понятийного аппарата оружиеведения.

4. Создание графических и предметных реконструкций воинов-номадов и их вооружения, моделирование функциональных свойств оружия и доспехов.

Одной из важнейших заслуг Ю.С. Худякова перед отечественной исторической наукой следует считать формирование уникальной базы данных по вооружению азиатских кочевников. В общей сложности Ю.С. Худяковым было проанализировано более 30 тысяч экземпляров наступательного и защитного вооружения из памятников последних веков II тыс. до н.э. – третьей четверти II тыс. н.э. В числе прочих предметов исследователем введены в научный оборот эталонные образцы боевых средств, позволяющие надежно датировать и атрибутировать оружие и доспехи, происходящие из числа случайных находок, а также старых музейных коллекций и частных собраний. Во многом благодаря работам Ю.С. Худякова предметы вооружения стали все чаще привлекаться археологами для определения хронологии и этнокультурной принадлежности погребальных, поминальных и поселенческих объектов. В настоящее время, согласно академику В.И. Молодину [2007, с. 5]: «Именно оружейный набор, динамично изменяющийся во времени и в пространстве, может являться надежным индикатором относительной, а порой и абсолютной, хронологии изучаемых археологических комплексов».

На основе комплексного анализа вещественных (в первую очередь, археологических), изобразительных и письменных источников Ю.С. Худяковым реконструированы особенности вооружения, тактики и военной организации различных кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии. В результате удалось впервые в отечественной и мировой историографии проследить единую линию эволюции военного

дела центральноазиатских и южносибирских номадов с конца эпохи бронзы до начала Нового времени. Так, в частности, Ю.С. Худяковым были изучены вооружение и военное дело енисейских кыргызов, хунну (сюнну), тюрок, сяньби, уйгуров, киданей, кипчаков, монголов и ряда других народов [Худяков, 1980; 1986; 1991; 1997; Бобров, Худяков, 2008; Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011]. При этом выводы, сделанные ученым в 80–90-х гг. XX в., получили подтверждения в научных исследованиях последующих десятилетий и сохранили свою актуальность.

Не меньшее значение имеет и вклад Ю.С. Худякова в теорию отечественного оружиеведения. Им были упорядочены основные термины, используемые при описании предметов вооружения [Худяков, 1979]. На основе систематизации военных материалов енисейских кыргызов ученым выработана комплексная аналитическая модель исследования военного дела кочевых этносов и культур. Она включала измерение, отрисовку и фотофиксацию находок оружия и доспехов из памятников изучаемой культуры, типологическую классификацию видов вооружения, сведение их в единый комплекс боевых средств, реконструкцию структуры военной организации и военного искусства в целом [Худяков, 1980]. В последующие годы, на основе данной модели, была намечена и реализована программа изучения вооружения и военного искусства хунну (сюнну), кочевников Саяно-Алтая, тюрок, уйгуров, кимаков, курыкан, байырку, шивэй, киданей, монголов и др. [Худяков, 1986; 1991; 1997]. Рассматриваемая модель успешно прошла проверку временем. Вот уже более 35 лет она активно используется археологами, военными историками и оружиеведами России, а также стран Ближнего и Дальнего Зарубежья. Широкое признание ученых получили и принципы классификации предметов наступательного и защитного вооружения номадов, предложенные Ю.С. Худяковым [2007].

Достоинством многих работ Ю.С. Худякова является их иллюстративное сопровождение. Ученый не ограничивается изображениями только предметов вооружения, а дополняет их графическими реконструкциями воинов. Это начинание, характерное в нашей стране в 1970–1980-е гг. только для работ М.В. Горелика, было подхвачено другими оружиеведами, археологами, художниками и очень широко востребовано не только в научных, но и в учебных и популярных изданиях.

С именем Ю.С. Худякова связаны и первые этапы становления предметной (экспериментальной) научно-исторической реконструкции комплексов вооружения и одежды номадов Южной Сибири и Центральной Азии [Бобров, Худяков, Филиппович, 2015]. В настоящее время предметная научно-историческая реконструкция является важным и перспективным направлением современных инновационных археологических исследований. На основании детального анализа предметов материальной культуры из археологических памятников ученые изготавливают их точные копии из аутентичных материалов (железа, бронзы, кожи и т.д.). Подобные реконструкции становятся объектом специальных научных экспериментов, в ходе которых исследователи восстанавливают древние производственные технологии, уточняют особенности использования тех или иных предметов материальной культуры. В рамках реализации научно-исторического проекта «С сибирским воином через века», при консультациях Ю.С. Худякова, было выполнено более 30 предметных научно-исторических реконструкций комплексов вооружения и одежды хуннских (сюннских) и сяньбийских воинов II–III вв., тюркских латников VI–VIII вв., чжурчжэньских воинов XII–XIII вв.,

монгольских панцирников XIII–XIV вв., сибирско-татарских воинов, русских казаков и стрельцов XVI–XVII вв. (рис. 4; 5). В настоящее время работы ученых НГУ экспонируются в университетах и музейных собраниях России, Казахстана, Монголии, Китая

Рис. 4. Предметные научно-исторические реконструкции комплексов вооружения и одежды воинов Южной Сибири, Центральной и континентальной Восточной Азии эпохи Древности и раннего Средневековья (мастер – Ю.А. Филиппович)

Рис. 5. Ю.С. Худяков (слева), ректор НГУ М.П. Федорук (в центре) и Л.А. Бобров на пресс-конференции в ИТАР ТАСС, посвященной проекту «С сибирским воином через века» (2014 г.)

и других стран. Результаты профильных исследований новосибирских оружейников получили высокую оценку специалистов, как на региональном, так и на федеральном уровне Азии [Бобров, Худяков, Филиппович, 2015].

Наряду с разработкой методики предметной научно-исторической реконструкции, Ю.С. Худяковым были сформулированы принципы изучения функциональных свойств предметов древнего и средневекового вооружения с помощью методов естественных наук. Так, в частности, на основе мультидисциплинарного подхода научным коллективом, во главе с Ю.С. Худяковым, смоделированы баллистические свойства и боевой функционал наконечников стрел и предложена процедура математического моделирования прочности защитных пластин [Ведерников, Худяков, Омелаев, 1995; Коробейников, Худяков, 2001]. При этом «...результаты изучения исторического опыта наших далеких предков были использованы нынешними учеными-баллистами для выработки наиболее оптимальных форм современных проникающих, предназначенных для поражения защищенных различными видами брони наземных и воздушных целей. Подобного рода деятельность убедительно показала способность такой дисциплины гуманитарного профиля, как археология, внести свой вклад в развитие современного производства, в частности, направленного на укрепление обороноспособности нашей страны» [Молодин, 2007, с. 8].

Важным направлением деятельности юбиляра является популяризация достижений современной археологической науки, как через общение с представителями средств массовой информации (рис. 5), так и через реализацию научно-образовательных проектов. Так, например, в рамках программы «С сибирским воином через века» Ю.С. Худяков и его ученики регулярно проводят открытые лекции и семинары для школьников сельских районов Новосибирской области. Участники подобных мероприятий могут не только ознакомиться с военной историей сибиряков различных исторических эпох, но и примерить точные копии их боевых и парадных доспехов (рис. 6; 7).

«Нет сомнения, что археологическое оружейничество Сибири, получившее столь мощный импульс развития благодаря неустанной и чрезвычайно плодотворной деятельности профессора Ю.С. Худякова, будет и далее крепнуть и совершенствоваться, находя новых сторонников в среде молодой научной смены» [Молодин, 2007, с. 10]. Эти слова академика В.И. Молодина, сказанные в 2007 г., оказались во многом пророческими. На протяжении последних десяти лет интерес молодого поколения ученых России и стран СНГ к военно-культурному наследию номадов Центральной Азии и Южной Сибири только возрос. Немалую роль в данном процессе играет и научная деятельность юбиляра. Тиражи книг Ю.С. Худякова неуклонно увеличиваются, а интернет-ролики, построенные на материалах его произведений, набирают по несколько сотен тысяч просмотров.

Однако, как минимум, не меньшее значение имеет тот факт, что с каждым годом все больше российских и иностранных ученых берут на вооружение детально разработанные и многократно апробированные Ю.С. Худяковым принципы изучения оружейного наследия народов Евразии. В данной связи не будет большим преувеличением сказать, что Ю.С. Худяков стал основателем самостоятельной «сибирской школы» российского оружейничества, которая в настоящий момент насчитывает более двух десятков исследователей, имеющих ученую степень докторов и кандидатов

Рис. 6. Ю.С. Худяков ведет открытую лекцию для школьников Маслянинского района Новосибирской области

Рис. 7. Ю.С. Худяков со школьниками и преподавателями районов Новосибирской области

исторических наук. Отличительной особенностью представителей данной научной «школы» является применение разработанной Ю.С. Худяковым комплексной аналитической модели исследования военного дела кочевых этносов и культур и соответствующих данной модели принципов классификации предметов вооружения. При этом представители «сибирской оружейведческой школы» продолжают трудиться не только на территории собственно Сибирского региона (Новосибирск, Барнаул, Омск, Горно-Алтайск и др.), но также в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Улан-Удэ, Владивостоке и даже за пределами нашей страны – в Казахстане, Кыргызстане, Монголии и других странах.

Научные заслуги Ю.С. Худякова высоко оценены в Кыргызстане, Монголии, России и других странах. Так, в частности, в Кыргызстане он был избран почетным иностранным членом Национальной Академии наук, стал заслуженным деятелем науки, почетным профессором Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына и Института восточных языков и культур, лауреатом премий им. академика А. Алтымышбаева и члена-корреспондента А. Табалдиева. Решением президента Кыргызской Республики исследователь награжден орденом «Данакер» (рис. 1). В Монголии Ю.С. Худяков был избран членом-корреспондентом Института кочевых цивилизаций ЮНЕСКО и почетным доктором Института археологии Монгольской Академии наук. В течение ряда лет Ю.С. Худяков избирался вице-президентом Общества востоковедов России.

70 лет – это весьма почтенный возраст для любого человека. Но в свои семьдесят Ю.С. Худяков полон сил, творческих планов и замыслов. От имени всех благодарных учеников и коллег желаем Юлию Сергеевичу Худякову творческих успехов, здоровья и долгих лет жизни. Надеемся, что он еще не раз порадует любителей археологии, военной истории и оружейведения новыми важными открытиями. Это имеет особое значение для журнала «Теория и практика археологических исследований», в котором публикуется данная статья. Юлий Сергеевич с первого номера входит в состав редколлегии этого издания, регулярно публикуя свои статьи, а также рецензируя поступающие работы. Это и другие направления деятельности юбиляра вносят неоценимый вклад в развитие археологии.

Библиографический список

- Бобров Л.А. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии XV – первой половины XVIII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 24 с.
- Бобров Л.А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Средней, Центральной и континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2011. 54 с.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С., Филиппович Ю.А. Доспехи волка // Наука из первых рук. 2015. №1 (61). С. 92–105.
- Борисенко А.Ю., Скобелев С.Г. Творческий путь археолога и оружейведа Ю.С. Худякова // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2007. С. 26–41.
- Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И. Баллистика от стрел до ракет. Новосибирск : ИТПМ СО РАН, 1995. 236 с.

Коробейников С.Н., Худяков Ю.С. Анализ функциональных свойств защитного вооружения номадов Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. №4 (8). С. 108–115.

Молодин В.И. Оружиеведение в сибирской археологии (к 60-летию профессора Ю.С. Худякова) // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2007. С. 5–14.

Худяков Ю.С. Основные понятия оружиеведения // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Наука, 1979. С. 184–193.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск : Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья. Новосибирск : Наука, 1991. 189 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1997. 159 с.

Худяков Ю.С. Основные проблемы изучения военного дела средневековых номадов Северной и Центральной Азии // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2007. С. 15–25.

Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III век до н.э.). СПб. : Филологический факультет СПбГУ, Нестор-История, 2011. 172 с.

Эбель А.В. Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1998. 23 с.

References

Bobrov L.A. Zashchitnoe vooruzhenie kochevnikov Tsentral'noy Azii XV – pervoy poloviny XVIII vv. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Protective Armament of the Nomads of Central Asia of the 15th – the First Half of the 17th Centuries : Synopsis of the Dis. ... cand. Hist. Sciences. Barnaul, 2005. 24 p.

Bobrov L.A. Osnovnye napravleniya evolyutsii kompleksov zashchitnogo vooruzheniya narodov Sredney, Tsentral'noy i kontinental'noy Vostochnoy Azii vtoroy poloviny XIV–XIX v. : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [The Main Directions of the Evolution of the Populations of the Middle East, Central and the Continent, East Asia of the Second Half of the 14th – 19th Century : Synopsis. Dis. ... of Dr. Hist. Sciences. Barnaul, 2011. 54 p.

Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.) [Arms and Tactics of Nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Middle Ages and New Times (the 15th – First Half of the 17th Century)]. SPb. : Filologicheskiy fakul'tet SPbGU, 2008. 776 p.

Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S., Filippovich Yu.A. Dospekhi volka [The Armor of the Wolf]. Nauka iz pervykh ruk [Science First-Hand]. 2015. №1 (61). Pp. 92–105.

Borisenko A.Yu., Skobelev S.G. Tvorcheskii put' arkhologa i oruzhieveda Yu.S. Khudyakova [The Creative Path of the Archaeologist and Weapon Researcher t Yu.S. Khudyakov]. Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Sibiri i Tsentral'noy Azii [Arms and Military Science of Nomads of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 2007. Pp. 26–41.

Vedernikov Yu.A., Khudyakov Yu.S., Omelaev A.I. Ballistika ot strel do raket [Ballistics from Arrows to Rockets]. Novosibirsk : ITPM SO RAN, 1995. 236 p.

Korobeynikov S.N., Khudyakov Yu.S. Analiz funktsional'nykh svoystv zashchitnogo vooruzheniya nomadov Tsentral'noy Azii [Analysis of the Functional Properties of the Defensive Armament of Nomads of Central Asia]. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2001. №4 (8). Pp. 108–115.

Molodin V.I. Oruzhievedenie v sibirskoy arkhologii (k 60-letiyu professora Yu.S. Khudyakova) [Arms in Siberian Archaeology (on the Occasion of the 60th Anniversary of Professor Yu.S. Khudyakov)]. Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Sibiri i Tsentral'noy Azii [Arms and Military Affairs of Nomads of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 2007. Pp. 5–14.

Khudyakov Yu.S. Osnovnye ponyatiya oruzhievedeniya [Basic Concepts of Weapons Science]. Novoe v arkhologii Sibiri i Dal'nego Vostoka [New in the Archaeology of Siberia and the Far East]. Novosibirsk : Nauka, 1979. Pp. 184–193.

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie eniseyskikh kyrgyzov VI–XII vv. [Armament of the Yenisei Kyrgyz of the 6th–12th Centuries]. Novosibirsk : Nauka, 1980. 176 p.

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii [Arms of Medieval Nomads of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1986. 268 p.

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo Srednevekov'ya [Armament of the Central Asian Nomads in the Era of the Early and Developed Middle Ages]. Novosibirsk : Nauka, 1991. 189 p.

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v epokhu razvitogo Srednevekov'ya [Arms of Nomads of Southern Siberia and Central Asia in the Era of the Developed Middle Ages]. Novosibirsk : In-t arkhologii i etnografii SO RAN, 1997. 159 p.

Khudyakov Yu.S. Osnovnye problemy izucheniya voennogo dela srednevekovykh nomadov Severnoy i Tsentral'noy Azii [The Main Problems of Studying the Military Affairs of Medieval Nomads of North and Central Asia]. Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Sibiri i Tsentral'noy Azii [Arms and Military Arts of Nomads of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 2007. Pp. 15–25.

Khudyakov Yu.S., Erdene-Ochir N. Voennoe delo drevnikh kochevnikov Mongolii (II tysyacheletie – III vek do n.e.) [Military Arts of the Ancient Nomads of Mongolia (2nd millennium – 3rd Century BC)]. SPb. : Filologicheskii fakul'tet SPbGU, Nestor-Istoriya, 2011. 172 p.

Ebel' A.V. Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Gornogo Altaya v gunno-sarmatskuyu epokhu : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Armament and Military Affairs of the Population of the Altai Mountains in the Hunno-Sarmatian Era]: Synopsis of Dis. ... Cand. Hist. Sciences. Barnaul, 1998. 23 p.

L.A. Bobrov, V.V. Gorbunov, A.A. Tishkin

YULIY SERGEYEVICH KHUDYAKOV – FOUNDER OF THE SIBERIAN ARMS RESEARCHING SCHOOL

The article examines the scientific biography of the famous Soviet and Russian archaeologist and arms expert Yuliy Khudyakova who turns 70 this year; singles out the main stages of the scientist's career; identifies key directions of his research in the studying of the military and cultural heritage of the nomads of Central Asia and Southern Siberia of the Antiquity, the Middle Ages and the early period of Modern Times. The analysis is given to contribution of Yu.S. Khudyakov in the development of domestic weapons science in general and in the development of theoretical bases for the study of military affairs of nomads in particular. A thesis is proposed about the existence of a special "Siberian" art school with Yu.S. Khudyakov as the founder and the leader. It is established that the distinctive feature of the research of representatives of this scientific school is the application of the developed by Yu.S. Khudyakov comprehensive analytical model to study military affairs of nomadic ethnoses, cultures and the principles of classification of weapons items corresponding to this model. The participation of the jubilee in various spheres of scientific, organizational and educational activities is noted.

Key words: archeology, weapons science, Siberian arms school, Julius S. Khudyakov.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 903.04(571.52)

Л.С. Марсадолов, Е.А. Миколайчук, Л.С. Гавриленко, С.В. Панкова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТКАНЕЙ ИЗ КУРГАНА АРЖАН-1 В ТУВЕ

Ткани из кургана Аржан-1 – одни из немногих хорошо сохранившихся в Евразии древнейших образцов текстильных изделий конца IX – начала VIII в. до н.э. В 1971–1974 гг. археологическая экспедиция под руководством М.Х. Маннай-оола и М.П. Грязнова раскопала в Туве на территории Саяно-Алтайского горного региона курган Аржан-1 – самый древний в Евразии памятник пред- или раннескифского времени. Аржанское собрание тканей одно из самых полных и разнообразных по своему составу. Все ткани шерстяные, отличаются высоким качеством и разнообразием декора. Эти ткани не только уникальны по сохранности и времени, но также многоцветны. В качестве текстильного сырья «аржанцы» использовали исключительно шерсть и практиковали такие техники, как ткачество и плетение. На однотонных тканях и в многоцветных орнаментальных мотивах использованы зеленый, синий, желтый, красный и коричневый цвета. В статье подробно анализируются красители, структура и строение тканей.

Ключевые слова: Центральная Азия, Тува, курган, Аржан-1, ткань, ткачество, плетение, технология, анализ, структура, нити, волокно, красители.

DOI: 10.14258/tpai(2017)3(19).-08

Введение

Культура древних кочевников в центре Азии, ныне имеющая, по признанию многих специалистов, мировое значение, на долгие столетия в силу разных обстоятельств «выпала» из культурного наследия человечества.

Хорошо сохранившиеся материалы из кургана Аржан-1, одного из самых ранних памятников предскифского времени, позволяют с достаточной полнотой реконструировать многие стороны жизни и смерти кочевников в ранний период их истории [Грязнов, 1980; Марсадолов, 2009].

Курган Аржан-1 ныне датируется концом IX – началом VIII в. до н.э. С помощью дендрохронологии установлено, что курган Аржан-1 был сооружен в августе – сентябре [Марсадолов, 2000 и др.].

Диаметр каменной насыпи самого большого кургана кочевников Евразии достигал 120 м, а высота – до 4 м. «Царь» и «царица» (вождь союза племен и его жена или наложница) и еще восемь знатных человек и шесть коней были захоронены в центральной, наиболее сакральной части кургана, в двойной деревянной камере размером 8 × 8 м. Дополнительные погребения людей находились в камерах-срубах в северо-восточном (один-два человека) и в юго-западном (четыре человека) секторах кургана. Вокруг центральной камеры в деревянных срубах в Аржане-1 погребено около 160 коней. С восточной стороны от кургана по дуге сооружено более 300 поминальных округлых выкладок из камня диаметром около 3 м, а с западной стороны выкладок нет.

Несмотря на то, что еще в древности курган Аржан-1 был ограблен, сохранилось много высокохудожественных изделий – бронзовые наперстки в виде фигурок баранов и изображение свернувшейся пантеры, оружие, конское снаряжение, ювелирные укра-

шения, «оленный» камень, редкие по сохранности образцы различных многоцветных тканей от одежды и другие предметы [Грязнов, 1980].

Археологические материалы из кургана Аржан-1 в настоящее время хранятся в двух музейных собраниях – основная коллекция поступила в Национальный музей Республики Тыва в городе Кызыле, а меньшая часть – в отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург). Уникальность Эрмитажного собрания в том, что оно содержит большую подборку разнообразных тканей, переданных в 2004 г. Эти образцы тканей, которых нет в Кызыле, были собраны в ходе раскопок кургана О.Л. Пламеневской и М.П. Грязновым.

Эрмитажная коллекция, состоящая из нескольких десятков единиц, представляет ткани саржевого и полотняного переплетений, полотняного с репсовым эффектом, образцы полукорзиночного плетения и твайна, а также плетеные тесьмы [Пламеневская, 1975; Марсаолов, Царёв, 2000; Царёва, 2010]. Большинство тканей, найденных в Аржане-1, происходят из центральной части кургана, в которой были обнаружены остатки меха соболя и фрагменты тканей и тесьмы.

Технологическое исследование тканей

В ходе технологического исследования образцов тканей применялись методы микроскопии с использованием оптических микроскопов Leica M60, Leica DM1000, Биолом-И и электронного микроскопа ТМ-3000 фирмы Hitachi (рис. 1). При изучении тканей также применялись микрохимические и морфологические методы анализа, методы определения строения и структуры тканей и нитей, методы идентификации фракции волокон шерсти. Проводилась микрофотофиксация отдельных элементов экспонатов.

Определение вида животного, из волокон шерсти которого сделаны нити того или иного изделия, в этом исследовании не проводилось. Очень высокая степень деградации шерстяных волокон текстильных изделий из кургана Аржан-1 требует осо-

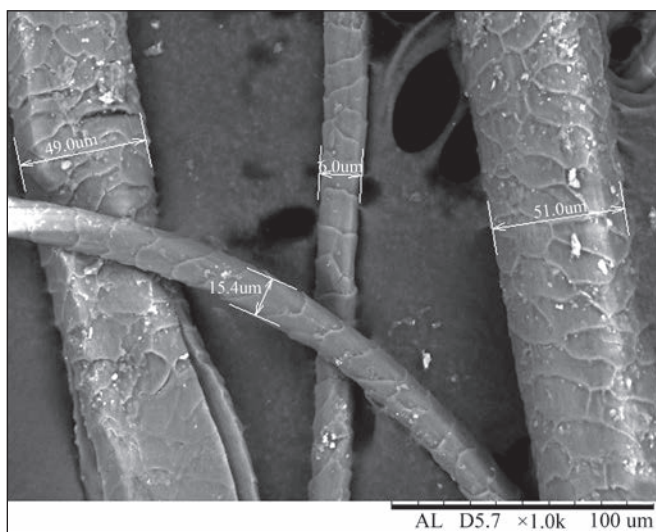

Рис. 1. Пример определения фракций волокон шерсти по толщине волокон нитей ткани под электронным микроскопом

бой тщательной проработки вопроса и значительных временных затрат. Однако, по предварительной оценке, подавляющая часть нитей в изделиях состоит из волокон шерсти овцы. При необходимости идентификация волокон шерсти может быть выполнена как отдельное исследование.

При технологическом исследовании тканей особое внимание уделялось некоторым основным параметрам строения тканей.

Переплетение ткани – взаимное расположение нитей основы и утка и их связь между собой.

Линейная плотность ткани – число нитей, приходящихся на единицу длины, обычно на 1 см. Плотность ткани определяют по двум направлениям, по основе и по утку. Обозначение цифровое. Например, 12×16 н/см, т.е. 12 нитей на 1 см по основе и 16 нитей на 1 см по утку.

Крутка и строение нитей. Крутка нитей в ткани бывает правая (Z) и левая (S). Характеристика нити выражается в буквенно-цифровом значении, например, S2Z1. Это означает, что исследуемая нить скручена из двух нитей левой круткой в S. Каждая одиночная нить, в свою очередь, скручена правой круткой в Z [Грановский, Мшвениерадзе, 1982; Хвальковский, 1930].

Также в статье приводятся данные по определению фракций волокон шерсти, содержащихся в нитях изделий. Шерсть животных делится на фракции в зависимости от тонины волокна и его строения. Основные фракции – это пух, переходный волос, ость и грубая ость. Фракции перечислены по возрастанию тонины волокна [Архангельский, 1938; Кузнецов, 1950].

Основные параметры строения ткани в совокупности с другими данными, полученными в ходе технологического исследования, могут стать основополагающими в процессе атрибуции ткани.

Результаты технологического исследования

Инв. №2878/163. Фрагменты полихромной ткани с орнаментом в виде ступенчатых пирамидок и с пришитой на угол тесьмой (рис. 2–3). Фрагменты многоцветной ткани с узором в виде ступенчатых фигур и тесьма ранее составляли одно изделие, о чем можно судить по имеющемуся образцу, где аналогичные фрагменты сшиты вместе [Пламеневская, 1975]. Размеры самого большого фрагмента ткани – 19×12 см. Подобные фрагменты с пришитой на угол тесьмой и окантовкой краев найдены еще в двух погребениях Аржана-1 [Грязнов, 1980, рис. 9]. Что это были за изделия, сказать трудно – это могли быть завесы или ковры [Царёва, 2010, с. 574], подстилки или покрывала, детали погребальной одежды [Смирнов, 2009, с. 113–114, 118] или саваны.

Ткань выполнена полотняным переплетением, а различная толщина и плотность размещения нитей основ и утков создают так называемый репсовый эффект – параллельные рельефные рубчики на обеих сторонах ткани. Двусторонний узор выполнен в технике килимного ткачества: уточные нити разных цветов протягиваются не от кромки до кромки полотнища, а заполняют только определенные участки, формируя декор полотна.

Текстильные находки, выполненные в этой технике, сохранились во многих погребальных памятниках Центральной Азии I тыс. до н.э. – первых веков новой эры: в кургане Аржан-2 [Глушкова, Нурлубаева, 2007], во 2-м Пазырыкском кургане [Руденко, 1968] и в памятниках бассейна Тарима [Kerija, 2000, cat 74–75, pp. 187, cat. 80, pp. 154; Shorta, 2001], что свидетельствует о широком распространении технологии килимного ткачества у скотоводческих племен этого региона [Царёва, 2010].

Ступенчатый характер узора во многом определяется самой технологией килимного ткачества; в то же время, как всякий традиционный орнамент, этот узор наверняка заключал в себе определенный смысл. Сохранились несколько пар шерстяных штанов из памятников Синьцзяна начала I тыс. до н.э., ластовица которых оформлена в виде подобной ступенчатой фигуры [Wieczorec, Lind, 2007, cat. 84–85; Beck, Wagner, 2014].

Цвета тесьмы, темно-красный и темно-зеленый, соответствуют двум из пяти цветов в узоре ткани. Правда, в древности нити, выглядящие сегодня зелеными, были, скорее, пурпурными или темно-лиловыми, о чем свидетельствует состав их красителя. По дан-

Рис. 2. Курган Аржан-1: 1 – фотография фрагмента полихромной ткани, инв. №2878/163; 2 – узор в виде ступенчатых фигур-пирамидок

Рис. 3. Курган Аржан-1, фотографии фрагментов полихромной ткани, инв. №2878/163: 1 – фигурная обметка края ткани; 2 – фрагмент «хвостика»

ным химического анализа, он включал индиго, дающий оттенки синего, а также пурпурин с ализарином, отвечающие за красные тона. Изменение цвета шерсти произошло под действием различных окружающих ткани микроэлементов за столетия нахождения в земле.

Источником индиго было одно из многочисленных индигоносных растений, установить которое в столь древних образцах проблематично. Источником красного был один из видов марены – растения, из корней которого до внедрения анилиновых красителей в конце XIX в. получали знаменитый крапп. Марена была использована при крашении большинства аржанских образцов.

Инв. №2878/163-1. Фрагмент полихромной ткани (рис. 2–3). Одна из сторон имеет фигурную обметку. Также на одном из углов фрагмента ткани присутствует «хвостик». Фрагмент ткани сдублирован на тонированный газ. Недоступность изнаночной стороны ткани затрудняет технологическое исследование.

Основная ткань. Переплетение ткани полотняное (уточный репс). Смена цвета утков происходит по рисунку при встрече двух утков, идущих навстречу друг другу. При этом каждый уток огибает общую для них обоим нить основы и одновременно нити утков образуют между собой петлю. Линейная плотность $12 \times 72-80$ н/см. Наблюдается значительный разброс в линейной плотности по утку. Это объясняется тем, что нити различных цветов утка ткани имеют разную толщину. Например, красные, бордо и желтые нити толще, чем зеленые и коричневые нити утка. В силу этого линейная плотность красных, бордо и желтых нитей утка составляет 72 нити на 1 см, зеленых и коричневых – 80 нитей на 1 см.

Основы ткани коричневого цвета, Z1. Толщина нитей 0,5–0,6 мм. Промежутки между основами 0,5 мм. Структура ткани по основе средне-плотная.

Утки ткани Z1. Как уже упоминалось, толщина утков разная. Так, нити красного, бордового и желтого цветов имеют толщину 0,25–0,35 мм. А нити зеленого и коричневого цветов имеют толщину 0,15–0,25 мм. Промежутков между нитями как первого, так и второго вида утков практически нет.

Структура ткани по уткам плотная. Нити основы и утков ткани состоят из волокон шерсти.

Основы состоят из волокон светло- и темно-коричневых цветов, а также волокон белого цвета. Тонина волокон 15–32 мкм. Это волокна пуха и переходного волоса. Присутствует небольшое количество волокон ости и грубой ости тониной до 75 мкм.

Утки разноцветные. Тонина волокон утков составляет 12–30 мкм. Это волокна пуха и переходного волоса.

Фигурная обметка выполнена красными и зелеными нитями Z1 (рис. 3.-1). Толщина нитей обметки 0,4–0,5 мм. Нити выполнены из волокон пуха и переходного волоса. Тонина волокон 12–30 мкм. Также в нитях присутствует небольшое количество волокон ости и грубой ости тониной до 90 мкм.

«Хвостик» представляет собой плетеную тесьму (рис. 3.-2), выполненную из нитей красного и зеленого цветов S2Z1. Толщина нитей 1 мм. Нити состоят из волокон пуха и переходного волоса. Тонина волокон 15–30 мкм.

Инв. №2878/163-2. Фрагмент ткани по строению и составу идентичен основной ткани (инв. №2878/163). Размеры этого фрагмента ткани – 13×9 см.

Инв. №2878/155. Фрагмент изделия с плетеными лентами окантовки. Размеры фрагмента ткани – 28×14 см. Ткань толстая, рисунок на ткани выполнен нитями утка светло-коричневого, темно-коричневого цвета и нитями цвета темного какао. Две

стороны фрагмента обрамлены плетеной тесьмой. Тесьма выполнена светло-коричневыми и темно-коричневыми нитями. Фрагмент сдублирован на тонированный газ. Недоступность изнаночной стороны фрагмента затрудняет его технологическое исследование. Переплетение ткани саржа 1 : 2. Линейная плотность 4×4 н/см.

Основы светло-коричневого цвета, S2Z1. Выявлены основы, где в паре состоят нити одинаковой крутки. При этом есть основы, где в паре одна нить в Z имеет более плотную крутку. Основы лежат плотно, практически без промежутков. Толщина нитей 1,8–2,5 мм. Ткань по основе имеет плотную структуру.

Утки светло-коричневого, темно-коричневого цвета и цвета темного какао, S2Z1. Нити лежат плотно, практически без промежутков. Толщина нитей утка 2,3–2,8 мм. Ткань по утку имеет плотную структуру.

Нити основы и утка ткани состоят из волокон шерсти. Основы состоят из пуха и переходного волоса белого цвета, волокон переходного волоса светло-коричневого цвета, а также волокон ости и грубой ости коричневого цвета. Утки состоят из волокон пуха, переходного волоса и волокон ости и грубой ости.

Утки светло-коричневого цвета состоят из однотонных волокон песочного цвета, а утки темно-коричневого цвета состоят из волокон однотонного коричневого цвета и волокон черного цвета. Утки цвета темного какао состоят из однотонных волокон цвета более светлого какао.

Тонина волокон в нитях, как основы, так и утков, находится в диапазоне 15–90 мкм.

Плетеная тесьма, обрамляющая фрагмент ткани с двух сторон, выполнена из тех же нитей, из которых выполнена ткань (кроме нитей цвета темного какао).

Инв. №2878/158. Фрагмент ткани с орнаментальной каймой и тесьмой (рис. 4). Фрагмент тонкой плотной ткани выполнен полотняным переплетением (уточный репс). Исходно ткань была не зеленой, а синей (нити утка окрашены индиго). Размеры фрагмента ткани – 13×11 см.

Ткань имеет орнаментальную кайму из трех ярусов, которая производит впечатление отдельно пришитой тесьмы. Однако тесьма (с продольными полосами песочного и сине-зеленого цвета) пришита только с самого верха. Нижняя часть каймы, орнаментированная ромбами, является продолжением основной ткани, так как имеет общие с ней нити основы, а эффект тесьмы получен введением значительно более толстых цветных утков и сменой переплетения [Пламеневская, 1975, с. 203–204]. Узор каймы меняется с одного края, однако здесь он неясен из-за обрыва ткани.

Пришитая к верху ткани тесьма внешне очень похожа на изделие, сотканное на дощечках. Однако в таких изделиях обязательно присутствует уточная нить, которая в нашей тесьме не обнаружена. Поэтому, скорее всего, эта тесьма сделана каким-то иным способом. Шов, соединяющий тесьму с основной тканью, закрыт жгутом, туго скрученным из пяти темно-синих нитей. Этот же прием, закрытие стыков деталей текстильных изделий кручеными жгутами, был характерен для населения Синьцзяна I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. [Keriyu, 2000, pp. 145, fig. 3; Schorta, 2001, fig. 80, 92 и др.].

С изнаночной стороны на месте соединения тесьмы и ткани нашита сложенная вдвое полоска коричневой гладкой ткани полотняного переплетения.

Переплетение каймы. Для создания каймы использованы двойные утки. В узорной части они разного цвета: темно-синего и песочного. Синяя (лицевая) уточная нить покрывает по две нити основы, не переплетаясь с ними, а песочный (изнаночный) уток

Рис. 4. Курган Аржан-1: 1 – фотография фрагмента ткани, инв. №2878/158; 2 – фрагмент каймы этой же ткани

пересекается с синим через те же две нити основы, подхватывая его. Узор образуется, когда утки меняются местами: нити песочного цвета переходят с изнаночной стороны на лицевую (рис. 1). Синие нити значительно толще песочных, поэтому на обороте они закрывают собой нити песочного цвета, и зеркальный узор здесь отсутствует.

На полосках окантовки (четырёх песочных и двух синих) использованы двойные утки одного цвета, так что на обеих сторонах ткани полосы выглядят одинаково.

Нити утка проложены через две нити основы. На полосках окантовки и между ромбами – в полотняном переплетении, на участках с ромбами – в саржевом переплетении.

Фрагмент ткани неровного сине-зелено-желтого цвета. Ткань сильно загрязнена почвенными остатками. Одна из сторон ткани обрамлена каймой. Переплетение ткани полотняное, в разновидности уточный репс. Линейная плотность ткани 18×72 н/см.

Основы светло-коричневого цвета, но светлые волокна скручены с темными, которых намного меньше. Характеристика нитей Z1. Толщина нитей 0,35–0,45 мм. Промежутки между основами составляют 0,25 мм.

Структура ткани по основе плотная.

Утки синего цвета (местами наблюдается потеря или изменение цвета), Z1. Толщина нитей 0,15–0,25 мм. Промежутков между нитями утка практически нет. Структура ткани по утку плотная. Нити основы и утка ткани состоят из волокон шерсти.

Основы содержат волокна пуха и переходного волоса белого, светло-коричневого и коричневого цветов. Преобладают светлые волокна. Тонина волокон 18–36 мкм.

Утки состоят из волокон пуха синего цвета. Тонина волокон 12–24 мкм.

Кайма с рисунком (широкая с ромбами), тканая, нити утка проложены через две нити основы в полотняном переплетении. Основы каймы являются продолжением нитей основы ткани.

Утки синего и желтого цветов, S2Z1. Толщина одной нити утка составляет 1,5 мм. Промежутков между нитями утка практически нет. Структура ткани по основе и по утку плотная. Нити желтого и синего утков тесьмы состоят из волокон пуха. Тонина волокон 18–27 мкм.

Тесьма сине-желтого цвета по верху фрагмента (узкая). Тесьма плетеная. Характеристика нитей S2Z1. Толщина общей нити составляет 0,35–0,50 мм. Нити узкой тесьмы состоят из волокон пуха. Волокна синего цвета, тонина волокон 18–27 (как и у широкой тесьмы).

Нить пришивки узкой тесьмы светло-коричневого цвета, S2Z1. Хорошо видна на изнанке слева. Толщина нити 1,5–2,0 мм. Нити состоят из волокон пуха и переходного волоса. Тонина волокон 18–36 мкм.

Ткань светло-коричневого цвета. Полоска ткани расположена на изнаночной стороне фрагмента, на широкой тесьме. Полоска сложена вдвое. Ткань полотняного переплетения. Линейная плотность 18×36 н/см. Основы идентичны основам главного фрагмента ткани, с такими же параметрами структуры ткани.

Утки идентичны нитям основы по строению. Промежутков между утками практически нет. Ткань по утку имеет плотную структуру.

Нити основы и утка ткани выполнены из волокон пуха и переходного волоса светло-песочного цвета. Тонина волокон 18–36 мкм.

Инв. №2878/161. Фрагмент полосатой ткани (угол изделия с окантовкой и тесьмой) (рис. 5). По двум перпендикулярным друг другу сторонам присутствуют обметки края. Слева обметка в виде валика, вторая обметка фигурная, ею обметан верхний край

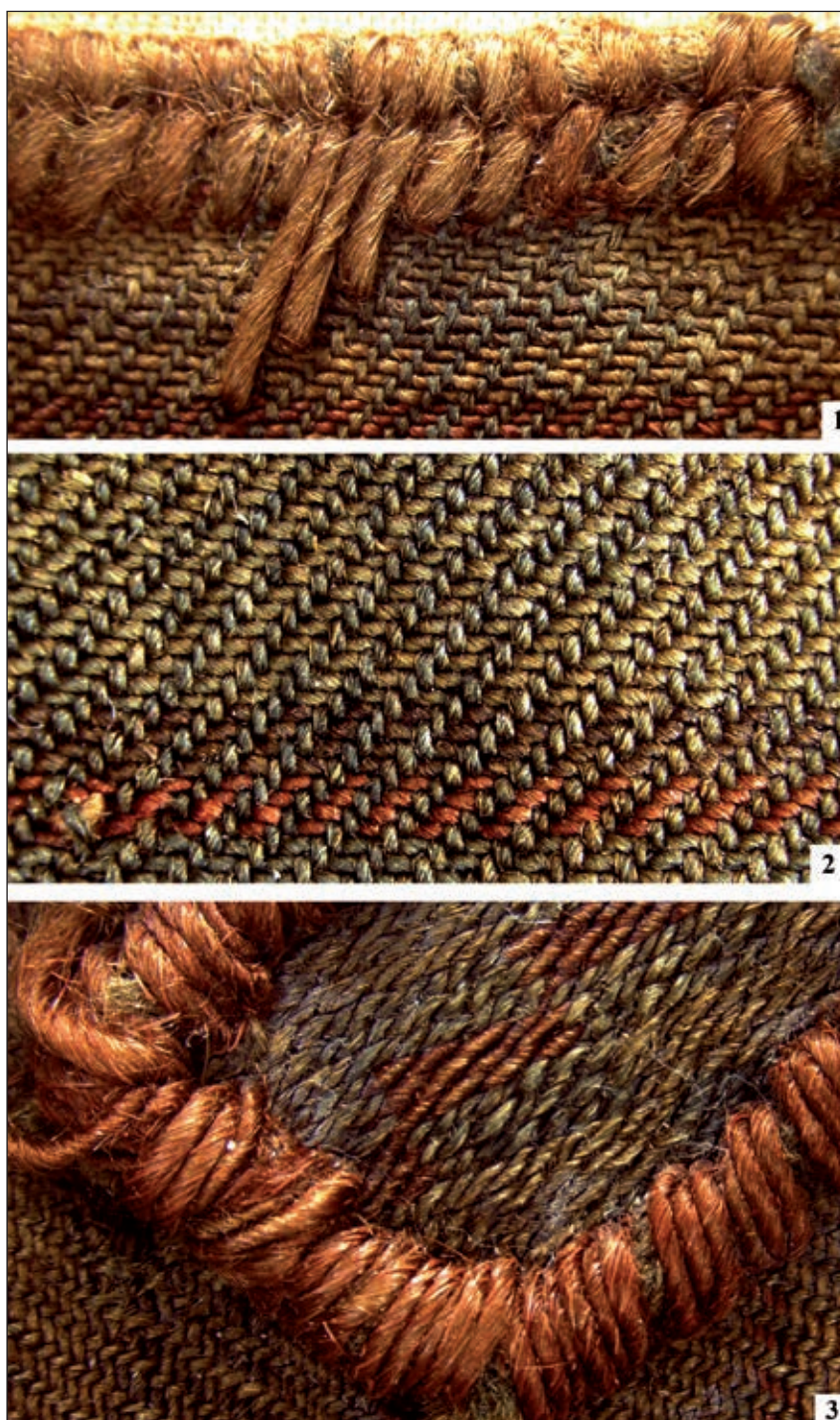

Рис. 5. Курган Аржан-1. Фотографии фрагментов ткани, инв. №2878/161:
1 – фигурная обметка края; 2 – основное полотно ткани; 3 – фрагмент «хвостика» на ткани

фрагмента. В углу на стыке обметок присутствует полоска ткани, «хвостик», который частично обметан в виде валика. Фрагмент ткани сдублирован на тонированный газ. Недоступность изнаночной стороны ткани затрудняет технологическое исследование.

Размеры фрагмента ткани 15 × 22 см. Переплетение ткани представляет собой саржу 2 : 2. Линейная плотность 32 × 32 н/см.

Основы расположены в ткани вдоль более узкой стороны фрагмента. Нити синего цвета, Z1. Наблюдается частичная потеря цвета. Толщина нитей 0,35 мм. Промежутков между основами практически нет.

Структура ткани по основе плотная.

Утки разных цветов, красные, светло-коричневые, темно-коричневые, синие, что и создает полосы на ткани. Характеристика нитей Z1. Толщина утков 0,35 мм. Промежутков между утками практически нет.

Структура ткани по утку плотная. Нити основы и утка ткани выполнены из волокон пуха. Тонина волокон 12–24 мкм. Много деструктурированных волокон.

Отдельный маленький фрагмент ткани, присутствующий на этой же дублировочной ткани, идентичен по всем параметрам основному фрагменту ткани.

Обметка края ткани валиком. Валик шириной 3 мм расположен на расстоянии 5 мм от края ткани. Край ткани на эти же 5 мм подогнут. Валик выполнен нитью рыжего (на сегодняшний день) цвета. Характеристика нити Z1. Толщина нити 0,4–0,5 мм. Нить выполнена из волокон пуха и переходного волоса. Тонина волокон 12–30 мкм. Наряду с этим присутствуют в небольшом количестве волокна ости и грубой ости с тониной до 75 мкм.

Обметка края ткани фигурная выполнена попеременно светло-коричневыми и синими нитями (больше светло-коричневыми). Характеристика нитей Z1. Толщина нитей 0,4–0,5 мм. Нити обметки выполнены из волокон пуха, переходного волоса, ости и грубой ости. Тонина волокон находится в диапазоне 15–90 мкм. Преобладают волокна пуха и переходного волоса.

«Хвостик» основной ткани представляет собой фрагмент полосатой ткани, частично обметанный по краям валиком (рис. 5.-3). Переплетением ткани «хвостика» является саржа 1 : 2. Линейная плотность ткани 10 × 32 н/см.

Основы темно-коричневого цвета, Z1. Толщина нитей 0,5 мм, промежутки между нитями основы 1 мм. Структура ткани по основе редкая.

Утки ткани разноцветные, что создает полосы в рисунке. Характеристика нитей S2Z1. Толщина нитей 0,5 мм, промежутков между нитями практически нет. Структура ткани по утку плотная. Нити основы и утка ткани «хвостика» выполнены из волокон шерсти.

Основы состоят из волокон светло- и темно-коричневого цвета. Преобладают волокна пуха и переходного волоса тониной 13–35 мкм. Также в небольшом количестве присутствуют волокна тониной до 83 мкм. Это волокна ости и грубой ости.

Утки разноцветные. Все они состоят из волокон пуха и переходного волоса тониной 14–32 мкм.

Обметка «хвостика» ткани выполнена так же, как обметка края ткани, но сам валик более рыхлый и его ширина 4–5 мм. Валик выполнен нитью рыжего цвета Z1. Толщина нити 0,4–0,5 мм.

Параметры нити обметки валиком «хвостика» совпадают с параметрами нитей обметки валиком края ткани.

Рис. 6. Курган Аржан-1. Фотографии фрагментов ткани: 1 – многоцветная ткань, инв. №2878/156; 2 – тесьма или часть пояса, инв. №2878/164-1

Инв. №2878/156-1. Фрагменты многоцветной ткани в полосу (рис. 6.-1). В центральной камере, вокруг сруба с захоронением вождя и его спутницы, располагались шесть деревянных колод и два маленьких сруба. Фрагмент изделия из сшитых кусков тонкой и плотной полосатой ткани был найден в могиле №4 – в колоде с погребением мужчины 18–20 лет на левом боку в скорченном положении. В отличие от других захоронений оно не было нарушено. С умершим человеком найдены бронзовый кинжал в кожаных ножнах, 12 бронзовых и 26 роговых наконечников стрел, золотая серьга с бирюзовой инкрустацией, а также «...много остатков меховых одежд (соболиных?) и фрагментов одежды из четырехцветной в полосу шерстяной ткани» (на плане могилы эта органика обобщенно показана по всей площади дна колоды под скелетом погребенного) [Грязнов, 1980, с. 21, рис. 8.-4].

Размеры фрагментов ткани – 33 × 20 см. Фрагменты сшиты так, что орнаментальные полосы не стыкуются и шов выглядит достаточно грубо. Такая небрежность удивительна, учитывая аккуратную работу краев других текстильных изделий из Аржана, а также традицию закрывать швы декоративной обметкой или шнуром (инв. №2878/158). Впрочем, возможно, перед нами просто «тыльная» сторона изделия. По всей длине шва фрагменты подогнуты на изнанку; подгиб одного из них составляет 3–4 см (неровный край оборван).

Переплетение ткани саржа 2 : 2. Линейная плотность ткани 34 × 34 н/см.

Основы синего цвета, Z1. Толщина нитей 0,2–0,3 мм, в основном 0,25 мм. Промежутки 0–0,05 мм. Ткань по основе имеет плотную структуру.

Утки трех цветов: красного, темно-желтого и сине-зеленого. Все нити Z1. Нити лежат плотно, практически без промежутков. Толщина нитей утка 0,2–0,3 мм, в основном 0,025 мм. Ткань по утку имеет плотную структуру.

Нити основы и утка ткани состоят из волокон шерсти.

Основы состоят преимущественно из волокон пуха и переходного волоса тониной 18–30 мкм с небольшим содержанием волокон ости тониной до 60 мкм. Утки состоят из волокон пуха и переходного волоса тониной 12–30 мкм. Нить, сшивающая два фрагмента, имеет характеристику S2Z1 и состоит из волокон пуха и переходного волоса.

Инв. №2878/164-1. Два фрагмента пояса или тесьмы зелено(сине)-красного цвета (рис. 6.-2). Тесьма плетеная. Фрагменты разные по ширине: 2,0–2,5 см и 2,0 см, их длина до 6,5 см.

Под микроскопом выявлено, что нити, которые визуальнo воспринимаются как зеленые, на самом деле имеют неровную сине-зелено-желтую окраску. Характеристика нитей S2Z1. Толщина общей нити составляет 0,75–1,0 мм. Нити выполнены из волокон пуха и переходного волоса. Тонина волокон 15–32 мкм. Также в нитях присутствует небольшое количество волокон ости и грубой ости тониной 60–90 мкм.

Инв. №2878/166. Фрагмент пестрой полосатой ткани (боковой фрагмент изделия с декоративной окантовкой краев). С двух сторон имеет обметку валиком. Фрагмент сдублирован на тонированный газ. Недоступность изнаночной стороны ткани затрудняет технологическое исследование. Размеры фрагмента ткани – 13 × 16 см.

На эту же дублировку помещен еще один фрагмент пестрой полосатой ткани. Он меньше по размеру. Краски на этой ткани визуальнo воспринимаются ярче, чем на основном фрагменте, и структура ткани более рельефная.

Ткань основного фрагмента. Переплетение ткани представляет собой саржу 2 : 2. Линейная плотность 34 × 34 н/см. Нити основы и утка имеют характеристику Z1. Толщина нитей 0,2–0,3 мм, в основном 0,25 мм. Промежутки между нитями, как основы,

так и утка, составляют 0–0,05 мм. Структура ткани, как по основе, так и по утку, плотная. Нити основы и утка ткани состоят из волокон шерсти.

Основы состоят в основном из волокон белого и светло-коричневого цвета. Тонина волокон 18–30 мкм. Это волокна пуха и переходного волоса. При этом в небольшом количестве присутствуют волокна коричневой ости с тониной до 60 мкм. Утки разноцветные. Тонина волокон нитей утков всех присутствующих цветов составляет 12–30 мкм. Это волокна пуха и переходного волоса.

Ткань маленького фрагмента. Фрагмент ткани полотняного переплетения (точный репс). Линейная плотность 12×30 н/см.

Основы ткани разноцветные – синие, красные, светло- и темно-коричневые, представляют собой две рядом лежащие нити одного цвета. Каждая нить Z1. Толщина нитей основы (общей из двух нитей) 0,5 мм. Промежутки между основами также 0,5 мм. Структура ткани по основе средняя.

Утки ткани разноцветные Z1. Цвета как у нитей основы. Только светло-коричневые нити утка имеют другое строение. Светло-коричневые нити S2Z1. Толщина утков 0,5–0,6 мм. Толщина светло-коричневых утков 0,75 мм. Промежутков между нитями утка практически нет.

Основы и утки ткани выполнены из волокон пуха, переходного волоса, ости и грубой ости. Тонина волокон 15–87 мкм. Преобладают волокна пуха и переходного волоса.

Обметка ткани. На обоих фрагментах присутствует обметка ткани валиком, выполненная нитью рыжего цвета. Валик толщиной 3 мм. На основном фрагменте также присутствует фигурная обметка ткани, выполненная нитью светло-коричневого цвета. Нити обеих обметок имеют характеристику Z1. Толщина нитей обметки валиком и фигурной обметки составляет 0,3–0,5 мм. Нити обметок состоят из волокон пуха, переходного волоса, волокон ости и грубой ости. Преобладают волокна пуха и переходного волоса. Тонина волокон нитей обметки валиком 12–75 мкм. Тонина волокон нитей фигурной обметки 15–90 мкм.

Инв. №2878/167–168. Два фрагмента плетеной тесьмы сдублированы на тонированный газ. Размеры фрагментов ткани – 20×2 и 23×2 см. Недоступность изнаночной стороны изделий затрудняет технологическое исследование.

Фрагменты имеют коричневую окраску. Один фрагмент более темный, второй более светлый. Более темный фрагмент органолептически более жесткий и менее распушенный. Ширина более темного фрагмента 1,8 см, более светлого фрагмента 2,0 см. Рисунок плетения одинаковый. Обе тесьмы сплетены из толстых нитей Z1. Толщина нитей более темной тесьмы 2–3 мм, более светлой – 2–4 мм.

Нити и той, и другой тесьмы состоят из волокон пуха, переходного волоса и ости и грубой ости. Преобладают волокна пуха и переходного волоса. Волокна пуха белого цвета, остальные волокна коричневые у более темной тесьмы и светло-коричневые у более светлой тесьмы. Тонина волокон 18–75 мкм.

Инв. №2878/170. Фрагмент изделия со штопкой, замаскированной под вышивку (ткань неровного коричневого цвета с множеством утрат). Размеры фрагмента ткани – 60×35 см. В двух местах на ткани присутствует декоративный шов. Также на фрагменте присутствует декоративная вышивка. Вероятнее всего, эта вышивка маскирует разрыв или прореху на ткани. К сожалению, это только предположение. Исследуемый фрагмент ткани сдублирован на двойную подложку – дублировочный газ,

а под ним дублировочная ткань, и все это жестко зафиксировано нитями. В силу этого обратная сторона исследуемого фрагмента недоступна, что чрезвычайно затрудняет проведение технологического исследования.

Ткань имеет полотняное переплетение в разновидности уточный репс. Линейная плотность ткани 8×50 н/см.

Основы песочного цвета, Z1. Толщина нитей 0,6 мм, промежутки между основами также составляют 0,6 мм. Структура ткани по основе средняя.

Утки светло-коричневого цвета, Z1. Толщина нитей 0,025–0,035 мм, промежутков между утками практически нет. Структура ткани по утку плотная. Нити основы и утка ткани выполнены из волокон шерсти.

Основы содержат практически все фракции шерсти – пух, переходный волос, тонкую и грубую ость. Диапазон тонины волокон в нити составляет 15–96 мкм, с преобладанием волокон переходного волоса и остевых волокон. Нити утка состоят из пуха. Тонина волокон 12–27 мкм.

Декоративный шов выполнен нитью синего цвета, состоящей из трех одиночных нитей, входящих в одно отверстие от иглы. Каждая из одиночных нитей Z1. Толщина одиночных нитей 1,0 мм, соответственно, толщина всей декоративной нити составляет 3,0 мм. Нити состоят из волокон шерсти. В основном это пуховые волокна тониной 12–27 мкм. Также присутствует небольшое количество волокон ости и грубой ости тониной до 75 мкм.

Декоративная вышивка. В силу вышеназванных причин провести полноценный анализ нитей вышивки с взятием проб не удастся. Однако исследование структуры нити и стежков показало полное сходство по всем внешним параметрам с нитями декоративного шва.

Обобщающие выводы по технологической экспертизе

Проведенные технологические исследования тканей и тесьмы позволяют сделать некоторые обобщающие выводы.

По переплетению исследованный материал можно разделить на две группы – это ткани саржевого переплетения и полотняного переплетения.

В группе саржевого переплетения выявлены два самых простых его вида – это саржа 1 : 2 и саржа 2 : 2. В группе полотняного переплетения преобладает разновидность полотняного переплетения – уточный репс.

В линейке переплетений можно отметить, что в тонких тканях встречаются интересные технологические приемы. К ним можно отнести, например, способ соединения утков при их смене в тканях «с пирамидками» или способ смены переплетений с полотняного на саржевое и, наоборот, в широкой кайме с ромбами в сине-зеленой ткани.

По линейной плотности наблюдается значительный диапазон, а так как линейная плотность напрямую связана с толщиной нитей ткани основы и утка, а также с промежутками между этими двумя видами нитей, то нами получены цифровые характеристики, которые отражают толщину ткани и ее плотность. Разброс линейной плотности исследованных тканей составляет от 4 до 80 н/см.

Большинство нитей в исследованных тканях являются одиночными, скрученными правой круткой в Z, что в тексте обозначено как Z1. Встречаются и нити, обозначенные как S2Z1, так выполнены все нити пришивки, а также такие нити встречаются и в структуре некоторых тканей. Но в общем объеме исследованных тканей этих нитей значительно меньше, чем нитей Z1.

Все без исключения ткани и тесьма выполнены из волокон шерсти. Как уже упоминалось, специальных исследований по определению вида животных не проводилось, определялись только фракции волокон. Однако, при определении фракций, при хорошей сохранности волокна, в некоторых случаях можно было установить, что использовались волокна овцы. Причем в тонких тканях, особенно в нитях утка, использовано исключительно пуховое волокно, как правило, волокна так называемого тонкого и толстого пуха. Нити основы тонких тканей состоят также из волокон пуха, но иногда содержат небольшую часть волокон переходного волоса и, редко, еще и волокон ости.

Нити более грубых тканей и нити тесьмы содержат, как правило, все фракции прядильной шерсти – пух, переходный волос, ость тонкую и ость грубую. Эти нити, соответственно, более грубые и менее эластичные.

Определение состава красителей

Методы исследований. При изучении тканей из кургана Аржан-1 были использованы методы оптической микроскопии (стереомикроскоп LEICA M60 с цифровой фотокамерой IC80 HD (Германия) и поляризационный микроскоп LEICA DM 2500 P (Германия) с цифровой фотокамерой DFC 295), качественный микрохимический анализ, тандемная квадрупольная хромато-масс-спектрометрия.

Состав красителей определяли на новом оборудовании фирмы Agilent Technologies (США), установленном в лаборатории физико-химических исследований материалов Отдела научно-технологической экспертизы. Это система ультра-высокоэффективного жидкостного хроматографа серии 1200 в тандеме с масс-спектрометрическим детектором с тройным квадруполем серии 6420, позволяющая надежно идентифицировать даже следовые количества веществ в смесях, что особенно важно при исследовании сложных смесей состаренных красителей на малых образцах тканей.

Пробоподготовка: окрашенную нить длиной 0,5 см нагревали при 105° С в течение 10 минут в 0,25 мл раствора: соляная кислота/ метанол/ вода (2 : 1 : 1, по объему). Затем смесь выпаривали в атмосфере азота при 60° С досуха. Сухой остаток растворяли в 0,2 мл раствора: метанол/ вода (1 : 1, по объему) и далее центрифугировали в течение 5 минут при 12000 об/мин. Растворенную пробу пропускали через фильтр и помещали в вials для дальнейших исследований. Если образец имел лиловый, синий или зеленый цвет, его предварительно нагревали в 0,2 мл диметилсульфоксида для экстрагирования индигоидов при 100° С в течение 10 минут [Petrovicu et al., 2011, 2012].

Для разделения красителей использовали колонку ZORBAX SB-C18 длиной 50 мм, диаметром 2,1 мм; диаметр частиц 1,8 мкм. Термостатирование колонки проводили при 40° С. Подвижная фаза состояла из смеси: компонент А – ацетонитрил и компонент В – вода (0,2% раствор муравьиной кислоты). Было применено градиентное элюирование с использованием следующей программы: 0–1 мин соотношение вода – ацетонитрил 15% – 85%, 1–5 мин соотношение вода – ацетонитрил 25% – 75%, 5–10 мин соотношение вода – ацетонитрил 55% – 45%, 10–16 мин соотношение вода – ацетонитрил 98% – 2%, 16–18 мин соотношение вода – ацетонитрил 15% – 85%, 18–25 мин соотношение вода – ацетонитрил 15% – 85%. Скорость потока элюента 0,3 мл/мин.

Условия масс-спектрометрического детектирования: ионизацию проводили в электроспрее при атмосферном давлении в режиме регистрации отрицательных ионов. Температура осушающего газа 350° С. Скорость потока осушающего газа 11 л/мин. Давление газа на небулайзере 25 psi. Напряжение на капилляре 4000 в.

Управление всеми компонентами системы, включая ультра-высокоэффективный жидкостный хроматограф, диодноматричный детектор, масс-спектрометр, вакуумную систему, а также сбор и обработку хроматографических и масс-спектрометрических данных, обеспечивалась с помощью программы Mass Hunter, предустановленной на рабочую станцию Windows 7,64 bit. Работа проводилась в режиме мониторинга множественных реакций (MRM – рис. 7). Основа метода состоит в том, что молекула красителя разбивается на фрагменты, которые идентифицируются с ранее полученными данными на стандартных красителях и окрашенных тканях в режимах полного сканирования, сканирования начальных и дочерних ионов, мониторинга выбранных ионов (SIM) и мониторинга множественных реакций (MRM).

Всего было исследовано 35 проб нитей из 10 фрагментов тканей (у восьми проб нитей, имеющих светло-зеленый, песочный, коричневый и темно-коричневый цвета, красители не обнаружены).

Краткие результаты исследования красителей для тканей из Аржана-1 можно представить в виде нижеследующей таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Определение состава красителей для тканей из кургана Аржан-1

№ п/п	Образец	Цвет	Красители	Красильные источники
1.	№2878/163. Фрагмент полихромной ткани с орнаментом в виде ступенчатых пирамидок и с пришитой на угол тесьмой			
		Темно-коричневый (основа)	Красители не обнаружены	–
		Красный (уток)	1. Пурпурин*, ализарин. 2. Кермесовая кислота, сл., флавокермесовая кислота, сл.	марена кермес
		Темно-синий (уток) (изначально лиловый или зеленый)	1. Индиго*. 2. Хризофановая кислота*. 3. Ализарин, пурпурин. 4. Кермесовая кислота, флавокермесовая кислота	индигоносное растение щавель конский или ревень марена красильная кермес
		Желтый (уток)	1. Пурпурин, ализарин, сл. (желтые красители не обнаружены)	марена
		Коричневый (уток) (имеет лиловый оттенок) (изначально темно-красный)	1. Пурпурин. 2. Кермесовая кислота, флавокермесовая кислота. 3. Галловая кислота	марена кермес дубильное растение
		Зеленый (уток) (изначально голубой)	1. Индиго и продукт его разрушения изатин	индигоносное растение
2.	№2878/155. Фрагмент изделия с плетеными лентами окантовки			
		Темно-коричневый (уток) (изначально красный)	1. Кермесовая кислота. 2. Галловая кислота, катехин. 3. Лаккаевая кислота Е	кермес дубильное растение лаковый червец (лак-дей)
		Красно-коричневый (цвет темного какао) (уток) (изначально красно- оранжевый)	1. Кверцетин. 2. Кермесовая кислота, флавокермесовая кислота. 3. Галловая кислота, катехин	растительный источник желтых флавоноидных красителей кермес дубильное растение

№ п/п	Образец	Цвет	Красители	Красильные источники
		Светло-коричневый (песочный) (основа)	Красители не обнаружены, галловая кислота, сл.	–
		Светло-коричневый (песочный) (уток)	Красители не обнаружены	–
3.	№2878/156-2. Фрагменты многоцветной ткани в полоску			
		Красный (уток)	1. Ализарин, пурпурин. 2. Реин, сл.	марена щавель конский или ревень
		Темно-коричневый (или темно-желтый) (уток) (изначально темно-красный)	1. Пурпурин*, ализарин. 2. Кермесовая кислота. 3. Галловая кислота	марена кермес дубильное растение
		Полоса голубого цвета (сине-зеленого) (уток) в нити смесь волокон голубого и светло- коричневого цвета (изначально зеленый)	В волокнах голубого цвета: 1. Индиго. В волокнах светло- коричневого цвета: 2. Реин, эмодин	индигоносное растение щавель конский или ревень
		Синий (уток) в нити смесь волокон синего и коричневого цвета (изначально лиловый)	В волокнах синего цвета: 1. Индиго. В волокнах коричневого цвета: 2. Пурпурин*, ализарин. 3. Реин, сл., эмодин, сл.	индигоносное растение марена щавель конский или ревень
4.	№2878/158. Фрагмент ткани с орнаментальной каймой и тесьмой			
	Основная ткань	Темно-коричневый (основа)	Красители не обнаружены	–
		зелено-синий (уток)	1. Индиго. 2. Галловая кислота	индигоносное растение дубильное растение
	Канатик – первый снизу	Темно-синий (изначально темно- зеленый)	1. Индиго.* 2. Хризофановая кислота.* 3. Галловая кислота, катехин, сл.	индигоносное растение щавель конский или ревень дубильные вещества, содержащиеся в корнях щавеля конского
	Нить, первая из узорной каймы у основной ткани	Светло-коричневый (песочный) в нити смесь волокон голубого и светло- коричневого цвета (изначально зеленый)	В волокнах голубого цвета: 1. Индиго. В волокнах светло- коричневого цвета: 2. Галловая кислота	индигоносное растение дубильное растение
	Нить вторая (снизу) из узорной кай- мы у основ- ной ткани	Зеленый (изначально синий)	Индиго и продукт его разрушения изатин	индигоносное растение
5.	№2878/161. Фрагмент полосатой ткани (угол изделия с окантовкой и тесьмой)			
		Синий – темно- коричневый (основа) (изначально зеленый)	1. Индиго* 2. Галловая кислота* 3. Хризофановая к-та* 4. Кверцетин	индигоносное растение дубильное растение щавель конский или ревень растительный источник желтых флавоноидных красителей

Окончание таблицы 1

№ п/п	Образец	Цвет	Красители	Красильные источники
		Синий (уток)	Индиго	индигоносное растение
6.	№2878/164-1. Фрагмент тесьмы или пояса			
		Темно-красный	1. Пурпурин*, ализарин. 2. Реин, сл.	марена щавель конский или ревень
		Сине-зеленый (изначально сине-лиловый или зеленый)	1. Индиго*. 2. Хризофановая к-та*. 3. Пурпурин, ализарин. 4. Галловая кислота	индигоносное растение щавель конский или ревень марена дубильное растение
7.	№2878/166. Фрагмент пестрой полосатой ткани (боковой фрагмент изделия с декоративной окантовкой краев)			
	Обметка	Ярко-рыжий (верх)	1. Пурпурин*, ализарин. 2. Карминовая кислота, кermесовая кислота. 3. Кermесовая кислота, флавокermесовая кислота. 4. Реин, эmodин.	марена карминоносные червецы кermес щавель конский или ревень
	Боковой фрагмент изделия с декоративной окантовкой краев	Красный (уток)	1. Пурпурин*, ализарин. 2. Реин	марена щавель конский или ревень
		Охристый (светло-коричневый и темно-коричневый) и светло-зеленый (уток)	Красители не обнаружены	– –
		Синий (уток) (изначально лиловый или зеленый)	1. Хризофановая к-та*, эmodин. 2. Индиго*. 3. Пурпурин*, ализарин. 4. Галловая кислота	щавель конский или ревень индигоносное растение марена дубильное растение
		Сине-зеленый (уток)	1. Индиго*. 2. Хризофановая к-та*, эmodин. 3. Галловая кислота	индигоносное растение щавель конский или ревень дубильное растение
		Синий (основа)	Индиго	индигоносное растение
8.	№2878/167. Фрагмент плетеной тесьмы			
		Коричневый	Красители не обнаружены	–
9.	№2878/168. Фрагмент плетеной тесьмы			
		Темно-коричневый	Красители не обнаружены	–
10.	№2878/170. Фрагмент изделия со шпункой, замаскированной под вышивку (ткань неровного коричневого цвета с множеством утрат)			
	Нить обметки шва	Синий	Индиго	индигоносное растение
	Ткань	Коричневый (основа) (изначально красный)	1. Пурпурин*, ализарин. 2. Хризофановая кислота, реин	марена щавель конский или ревень
		Коричневый (уток) (изначально красный)	1. Ализарин*, пурпурин. 2. Реин, сл.	марена щавель конский или ревень

* выделено вещество, преобладающее в красителе.

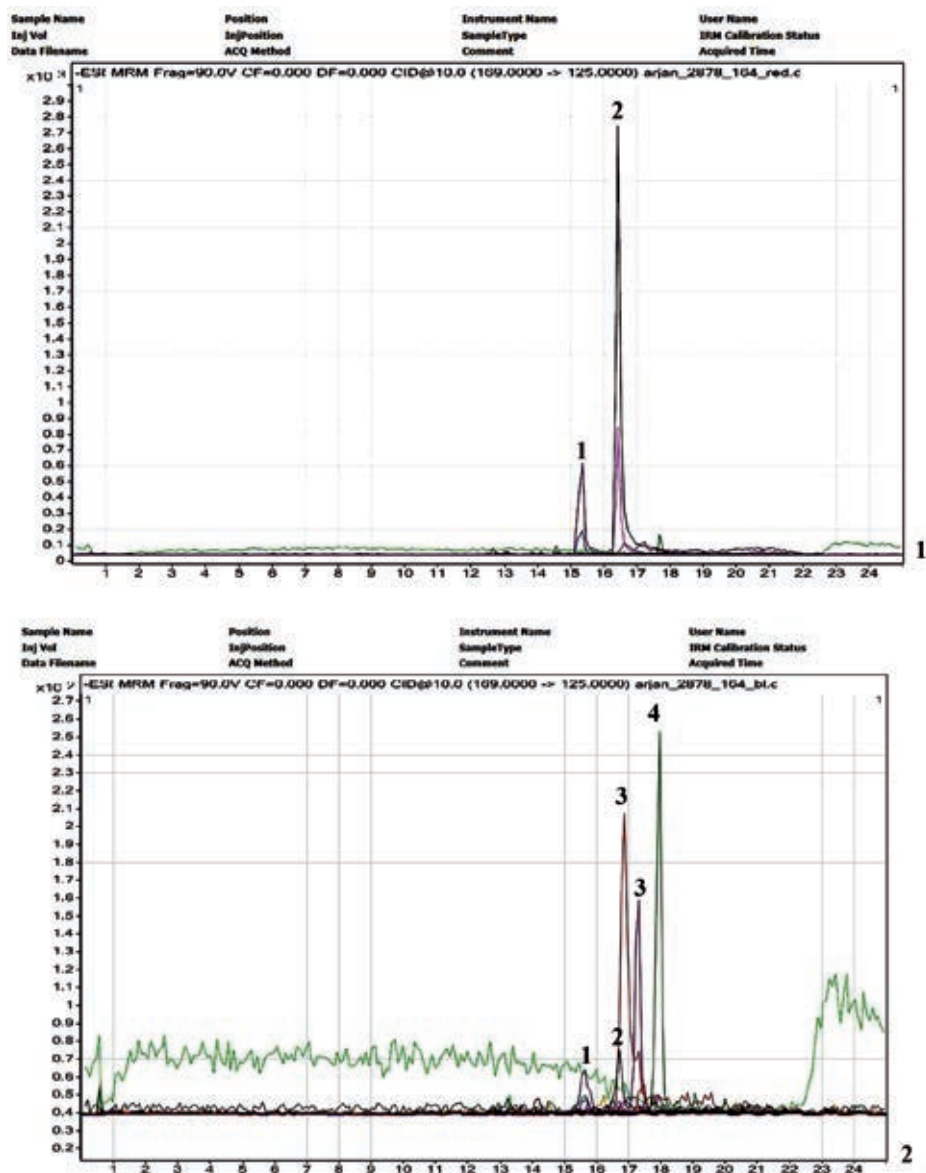

Рис. 7. Примеры масс-фрагментограмм красителей в режиме мониторинга множественных реакций (МРМ) для образца из кургана Аржан-1, инв. №2878/164: 1 – для красного красителя (1 – ализарин; 2 – пурпурин); 2 – для лилового (или зеленого) красителя (1 – ализарин; 2 – пурпурин; 3 – индиго; 4 – хризофановая кислота)

Красители и окраска тканей

Красная окраска. Для получения красной окраски в большинстве образцов была использована марена или подмаренники, но (за исключением единственного образца) всегда в смеси или со щавелем конским, или, реже, с кермесом. В одном из образцов, кроме марены и щавеля, в красителе содержались кермес и карминоносные червцы,

вид которых не определен, так как в подобной смеси оценить содержание кермесовой кислоты, относящейся к червецам, не представляется возможным. В большей части образцов, окрашенных мареной, преобладает пурпурин, но окончательно установить вид марены было бы преждевременно из-за малого количества исследованного материала. Содержание компонентов красителя в археологической ткани зависит от ряда причин: красильного источника, условий и способов крашения, очередности окрашивания, разрушения красителей со временем, условий выделения красителей при анализе. В образцах, окрашенных кермесом, добавлен красный лак-дей из лаковых червецов или желтый краситель кверцетин, который придавал красному цвету оранжевый оттенок. В некоторых пробах в красном красителе присутствовали дубильные вещества, выполняющие оттеночную роль и утемняющие красные цвета до коричневых.

Синяя и зеленая окраска. В шести образцах синих и зеленых цветов, идентифицированных синим красителем, было индиго, выделенное, вероятнее всего, из вайды. В образцах голубого, светло-коричневого, сине-зеленого, темно-синего цветов кроме индиго обнаружены красители щавеля конского или ревеня и дубильные вещества, придающие синим окраскам зеленые оттенки.

В нитях синего цвета, а изначально зеленых, кроме вышеназванных красителей, присутствует желтый краситель кверцетин. Это единственный флавоноид, который сохранился и был определен на тканях. Известно, что желтые флавоноидные красители наряду с дубильными веществами разрушаются в первую очередь, являясь самыми неустойчивыми. Следует отметить, что зеленый цвет получен двумя способами. В основном использовали двухстадийное окрашивание одних и тех же волокон сначала желтым или коричневым красителем или их смесью, а затем синим. Реже, уже при изготовлении нити, смешивали волокна желтого или коричневого цвета с волокнами синего цвета.

Лиловая окраска. Лиловый цвет нитей, имитирующий пурпур, был получен двумя способами: при двухстадийном окрашивании одних и тех же волокон сначала красным красителем, а затем синим или смешиванием волокон красного и синего цвета при формировании нити. Синий краситель индиго, вероятнее всего, выделен из индигоносного растения вайда, а красным красителем был крапп из марены с избытком красного пурпурина или реже крапп с избытком ализарина, оранжевый цвет которого перекрывался малиновым цветом кермеса. Таким образом, для имитации пурпура были использованы индиго из вайды, марена и кермес. Кроме этого, во всех пробах в небольших количествах содержались красители щавеля конского, а в двух из них еще и дубильные вещества, которые мало влияли на предварительную лиловую окраску, но создавали более глубокий насыщенный тон. В нескольких образцах оранжевая хризофановая кислота из щавеля конского присутствовала в избытке, а поэтому могла придать лиловым нитям зеленый оттенок. Аналогичный способ тройной окраски в конечный зеленый цвет встречается в женской юбке из восточного Пазырыкского кургана [Полосьмак, Баркова, 2005].

Красители растительного происхождения

Источники красной краски. Марена красильная (*Rubia tinctorum* L.) является, вероятно, самым древним из известных источников красных красителей. Азиатский род (*Rubia*) содержит 55–60 видов. Марена растет дико и культивируется в Средиземноморье, Греции, Малой Азии, Иране, Афганистане, на Кавказе, в Крыму, Средней Азии, в южной части Европы. Древние персы и египтяне, а значительно позднее греки и римляне были хорошо с ней знакомы и культивировали ее. Марена была основным

красителем растительного происхождения для окрашивания тканей в красный цвет в Древнем Китае. Как показывают археологические находки, окрашенные мареной ткани сохраняют прочную к свету и мытью окраску в течение тысячелетий [Грун-ская-Петрова, 1939; Гроссгейм, 1946; Фёдоров, Розен, 1950; Вульф, Малеева, 1969; Leggett, 1944]. Краску добывают из корней растения. По способу крашения красители марены являются протравными, поэтому настоящий цвет марены с множеством оттенков выявляется только при образовании прочных лаков под действием разных протрав, называемых краппом. Например, по алюминиевой протраве получают теплые тона красного с оранжевыми или коричневыми оттенками, а по железной – холодные с лиловыми оттенками [Добрынин, 1929]. Красители марены красильной относятся к классу антрахинонов и представляют собой сложную смесь из оранжевых и желтых компонентов, среди которых основными являются: ализарин, пурпуроксантин, мунжистин, рубиадин и луцидин; и красных – пурпурина и псевдопурпурина.

Известна марена дикая или странствующая (*Rubia peregrina* L.), широко распространённая в Средиземноморье и на Востоке. В красителе корней этого вида марены преобладает красный пурпурин и псевдопурпурин, а ализарин отсутствует или содержится в следовых количествах, поэтому окрашенные ею ткани имеют более темные насыщенные красные цвета.

Марена сердцелистная (*Rubia cordifolia* L.) – многолетнее травянистое растение. Растет по скалам, каменистым осыпям, по берегам рек, на сухих лугах в Сибири – Даурия, в Монголии, Северном Китае, Индии. Этот вид марены также богат пурпурином и содержит малое количество ализарина [Ветчинкин, 1966; Wouters, 1985; Schweppe, 1989; Trojanowicz et al., 2004].

На Алтае кроме марены могли быть использованы подмаренники рода *Galium*. Известно около 20 видов этих растений. Это многолетние (редко однолетние) травянистые растения, содержащие в корнях антрахиноновые красители: ализарин, пурпурин, псевдопурпурин, луцидин [Королук, 2003].

Источники синей краски. Индиго считается общеизвестным и давним растительным синим красителем. Оно относится к самым светоустойчивым красителям, стойким также к стирке и воздействию окружающей среды, особенно на шерсти, поэтому хорошо сохраняется на археологических тканях и одеждах древних народов. Синее индиго получают из растений тропического рода индигофера (*Indigofera*), насчитывающего около 250–300 видов. Самый известный вид индигофера красильная (*Indigofera tinctoria* L.), происходящий предположительно из Индии, откуда в течение многих веков, еще до открытия Америки, краска индиго поступала в Европу, на Ближний Восток и в Египет. Культивировали индигоферу и в древнем Китае. Это кустарник высотой до 1,5 м, листья которого после ферментации и дальнейшей сложной технологии дают синее индиго, применяемое в качестве кубового красителя для тканей. Индигоносными считаются и такие растения, как восточно-азиатский горец красильный (*Polygonum tinctorium* Ait.), пролесник (*Mercurialis leiocarpa* Siebold) и многие другие [Грун-ская-Петрова, 1939; Гроссгейм, 1946; Фёдоров, Розен, 1950; Вульф, Малеева, 1969; Leggett, 1944; Trojanowicz et al., 2004; Petroviciu, 2012].

Европейским источником индиго в синих и зеленых выкрасках является один из видов рода (*Isatis*) – вайда красильная *Isatis tinctoria* L., двулетнее или многолетнее растение. С древнейших времен вайда была источником синей краски в Китае, культивировалась

в Европе и Египте, будучи первым растением, которое выращивали ради получения красителя. Растение распространено в Южной, Средней и Восточной Европе, в том числе степях Европейской части России, на Кавказе и в Средней и Малой Азии [Фёдоров, Розен, 1950; Вульф, Малеева, 1969; Leggett, 1944; Trojanowicz et al., 2004]. На Алтае по каменистым степям, галечникам, осыпям и в поймах произрастают другие виды вайды: *I. laevigata* Ledeb., *I. oblongata* DC., *I. costata* C.A. Meyer [Королюк, 2003].

Источники желтой, коричневой и черной краски. Самым широко распространенным среди желтых флавоноидных красителей является кверцетин, который содержится в разных частях многих красильных растений: в коре и древесине дуба, крушины, фруктовых деревьев, в сумаше, шелухе лука, в некоторых желтых цветах и листьях трав, например, зверобое, чистотеле и др., а поэтому не может указывать на какой-либо конкретный источник [Фёдоров, Розен, 1950; Ветчинкин, 1966; Вульф, Малеева, 1969; Petroviciu, 2011].

Из растений Алтая можно упомянуть род живокость (*Delphinium*), представленный восьмью видами. Растения содержат кверцетин и изорамнетин и красят шелк и шерсть в солнечно-желтые, коричневые и оливковые цвета в зависимости от протравы [Королюк, 2003].

Местным растением горных районов Средней и Восточной Сибири и Дальнего Востока является рододендрон золотистый (*Rhododendron aureum* Georgi.), в листьях и коре которого имеются флавоноиды: кверцетин и кемпферол, а также дубильные вещества [Королюк, 2003].

Среди растений, произрастающих в Сибири и используемых местными жителями в качестве красильных, можно назвать виды ревеня (*Rheum*) и щавеля (*Rumex*). Ревень густоцветковый (*Rheum compactum* L.) – многолетнее растение с утолщенными корнями, растет на Алтае в лесном и горном поясах. Род *Rheum* распространен в Центральной Азии. В корнях содержатся дубильные вещества и антрахиноны: хризофановая кислота, эмодин, алоэ-эмодин, реин, фисцион, окрашивающие шерсть в коричневые и черные цвета. Этот вид и другие используются для дубления кож [Фёдоров, Розен, 1950; Ветчинкин, 1966; Вульф, Малеева, 1969; Блажей, Шутый, 1977; Королюк, 2003].

Род щавель (*Rumex*) насчитывает 12 видов на территории Алтая. Это многолетние или двулетние растения с хорошо развитыми корнями. Все виды щавеля произрастают на влажных местах, на галечниках, по берегам водоемов и на болотистых лугах. Щавель конский (*Rumex confertus* L.) растет только на равнинах Алтая. Род *Rumex* распространен на всех континентах, в том числе в Средней Азии, в Средней и Южной Европе. Его корни, корневища и листья содержат дубильные вещества: катехины, галловую кислоту и др. и антрахиноны: эмодин, хризофановую кислоту, алоэ-эмодин, реин, фисцион. Растение используется как дубитель кож и краситель шерсти в желтый, коричневый и черный цвета в зависимости от протравы [Фёдоров, Розен, 1950; Ветчинкин, 1966; Вульф, Малеева, 1969; Блажей, Шутый, 1977; Королюк, 2003].

Судя по одинаковому химическому составу красителей у ревеня и щавеля, различить их не представляется возможным.

Подобный состав антрахинонов и дубильные вещества содержатся в листьях и коре крушины ольховой или ломкой *Frangula alnus* Miller (syn.: *Rhamnus frangula* L.), произрастающей в Сибири, в том числе на юге Тувы и в равнинном Алтае. Основная часть ареала – Европа, Кавказ, Передняя и Средняя Азия. В плодах жостера слабительного *Rhamnus cathartica* L., растущего в светлых лесах и на каменистых склонах невысоких гор Алтая, содержатся антрахиноны эмодин и франгулин. Кроме названных, для

идентификации этих растений и их плодов необходимо присутствие и других антрахинонов: рамноксантина, франгулина, рамнетина и др. Основной ареал жостера – Европа, Средиземноморье, Кавказ, Средняя Азия [Фёдоров, Розен, 1950; Ветчинкин, 1966; Вульф, Малеева, 1969; Блажей, Шутый, 1977; Королук, 2003].

В коре лиственницы (*Larix*), распространенной в Западной и Средней Сибири и в Северо-Западном Китае, содержатся дубильные вещества, красящие в светло-коричневый и коричневый цвета. Кора ивы (*Salix*), которая представлена в горном Алтае многими видами, имеет в своем составе флавоноиды и дубильные вещества [Фёдоров, Розен, 1950; Ветчинкин, 1966; Вульф, Малеева, 1969; Блажей, Шутый, 1977; Королук, 2003].

Красители красного цвета животного происхождения. Карминовую и кермесовую кислоты (класс антрахинонов) производят различные виды насекомых, червецов (кокцид), которые живут на растениях и питаются их соками.

Кермес. Красную краску кермес, отличающуюся особенной красотой, высокой прочностью и простотой применения, получают из червецов – кермеса дубового (*Kermes vermilio* Planchon), живущих на листьях и стеблях низкорастущих деревьев, в основном на кустарниковых кермесовых дубах (*Quercus coccifera* L.). Кермес распространен в странах Средиземноморья, в Португалии, Испании, Южной Франции, Северной Италии, бывшей Югославии. Считается, что кермес впервые был обнаружен финикийцами в XV в. до н.э., и искусство крашения этой прекрасной красной краской ведет начало с глубокой древности с Востока. Кермес содержит в своем составе красную кермесовую кислоту, которая преобладает, и малое количество карминовой и флавокермесовой кислот, используемых для протравного крашения дорогих тканей в красные цвета разных оттенков. По алюминиевой протраве получают малиновые оттенки, превращающиеся в красные при подкислении, соли олова дают алые тона, железная протрава – лиловые. Важно отметить, что крашение кермесом может вестись и без протравы, что позволяет отнести кермес к красителям очень раннего этапа [Leggett, 1944; Verhecken, Wouters, 1988/89; Wouters, 1985, 1990; Schweppe, 1989; Яценко, Амбарцумян, 1999; Petroviciu, 2011].

Карминоносные червецы. Червецы рода *Porphyrophora* являются источником кармина. В настоящее время известно 47 видов этих червецов, большая часть которых распространена в Средней Азии и Закавказье, а также в Средиземноморье. На Дальнем Востоке обитает три вида. Наиболее известные из карминоносных червецов рода *Porphyrophora* армянские, или араратские (*Porphyrophora hamelii* Brandt), и польские (*Porphyrophora polonica* L.). Армянские червецы производят в основном карминовую кислоту с малой примесью кермесовой кислоты, а польские червецы – смесь карминовой и кермесовой кислот. Все представители рода *Porphyrophora* дают краску красноватых или пурпурных оттенков в зависимости от протравы. Они обитают на подземных и редко на надземных частях кормовых растений. Армянские карминоносные червецы в древности были широко распространены в Армении, в том числе в долинах горы Арарат, в Азербайджане и некоторых районах Турции. Их кормовыми растениями служат злаки *Gramineae*, произрастающие на солончаках, песчаных и глинистых почвах: прибрежница (*Aeluropus littoralis* L.) и тростник обыкновенный (*Phragmites communis* L.) [Leggett, 1944; Verhecken, Wouters, 1988/89; Wouters, 1985, 1990; Schweppe, 1989; Яценко, Амбарцумян, 1999; Trojanowicz et al., 2004].

Лаковые червецы. Красный краситель лак-дей (лак-дай, лак-лак) производится из коричнево-красного смолистого образования – продукта жизнедеятельности лаковых червецов некоторых видов рода *Kerria* (*Kerria lacca* Kerr., *K. Mysorensis*, *K. Nagaliensis*, *K. Chinensis* и *K. Communis*) на коре многих деревьев: фикус благоговейный (*Ficus re-*

ligiosa L.), бугея густолиственная (*Butea frondosa* Roxb.), акация катеху (*Acacia catechu* Willd.), зизифус настоящий (унаби) (*Ziziphus jujube* Mill.), шорея земная (*Shorea tellura*), голубиный горох (каянус) (*Cajanus indicus*) и др., произрастающих в Юго-Восточной Азии, Средиземноморье, Восточной и тропической Африке. Смолистое образование является смесью смолы шеллака, воска, белковых веществ и многокомпонентного красного красителя лак-дея, содержащего водорастворимые лаккаевые кислоты, обозначенные буквами А, В, С, D, Е и относящиеся к антрахинонам. Лак-дей – протравной краситель, окрашивающий ткани в алый или малиновый цвета. Лаковые червецы известны в Южной и Восточной Азии, а краску из них с древнейших времен получали в Индии и Китае [Leggett, 1944; Verhecken, Wouters, 1988/89; Wouters, 1985, 1990; Schweppe, 1989; Oka H. et al., 1998; Яценко, Амбарцумян, 1999; Trojanowicz et al., 2004; Petroviciu, 2012].

Обобщающие выводы по красителям

В результате исследования красителей тканей из кургана Аржан-1 можно сделать нижеследующие *предварительные выводы*:

1. Нити, предоставленные на анализ, имели красные, рыжие, голубые, синие, темно-синие, желтые, зеленые, сине-зеленые, светло-коричневые, коричневые и темно-коричневые цвета. Со временем и под действием окружающей среды их цвета и оттенки изменились. В меньшей степени изменение коснулось наиболее химически устойчивых красных и синих красителей. Однако красные красители в смеси с дубильными веществами потемнели и стали коричневыми и темно-коричневыми. Некоторые синие цвета превратились в зеленые в результате частичного разрушения синего индиго. По этой же причине зеленые окраски стали коричневыми или приобрели синие оттенки из-за неустойчивости желтых красителей. Некоторые синие и темно-синие нити изначально были окрашены в лиловый цвет, имитирующий пурпур.

2. Результаты исследований показали, что текстиль из кургана Аржан-1 окрашен красителями растительного и животного происхождения. Среди использованных растительных красильных источников обнаружены: марена или подмаренники (основные красители – ализарин и пурпурин), индигоносные растения, вероятно, вайда (индиго), щавель конский или ревень (реин, хризофановая кислота и эмодин), растения, содержащие желтые флавоноидные красители (обнаружен только кверцетин), галловая кислота, катехин, хризофановая кислота содержится в некоторых дубильных растениях. Дубильные вещества, входящие в состав красителей тканей, могут быть как компонентами многих дубильных растений, так и сопутствующими красителями, извлекаемыми, например, из корней марены, щавеля, ревеня, если корни не очищены от коры. Среди животных красильных источников преобладает кермес (кермесовая, флавокермесовая и карминовая кислоты), и только в одном образце обнаружены карминоносные червецы (карминовая, кермесовая и флавокермесовая кислоты), а в другом лаковые червецы (лаккаевая кислота Е).

3. По химическому строению красители относятся к следующим классам: флавоноидам (кверцетин); антрахинонам (ализарин, пурпурин, реин, хризофановая кислота, эмодин, кермесовая кислота, карминовая кислота, флавокермесовая кислота, лаккаевая кислота Е); дубильным веществам (галловая кислота, катехин); индигоидам (индиго).

4. По способу крашения все использованные красители относятся к протравным красителям, кроме индиго, являющегося кубовым красителем.

5. Для крашения применяли сложные смеси красителей, смешанные и многостадийные способы крашения.

6. Текстиль кургана Аржан-1 окрашен природными красителями, основные из которых практически отсутствуют на Алтае. Все упомянутые растения Алтая, содержащие идентифицированные вещества, имеют основную часть ареала в Европе, Кавказе, Передней и Средней Азии, Средиземноморье, некоторые из них на Дальнем Востоке, в Индии или Китае. Обнаруженные красильные червецы также не обитали на Алтае. Местом их распространения являются теплые страны: Средиземноморье, Малая Азия, Сирия, Средняя Азии и Закавказье, а также Южная и Восточная Азия.

Заключение

Основной сложностью проблемы происхождения аржанских тканей пока является малое число синхронного сравнительного материала. На Алтае только в двух могильниках VIII–VII вв. до н.э. (Тыткескень-VI, курган №26 и Бийке, курган №7) были найдены фрагменты шерстяных тканей [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 105–107, рис. 10.-8].

Особенно важен вопрос о том, где были изготовлены найденные в Аржане-1 ткани – в кочевой среде на территории Алтае-Саянской горной страны или в известных центрах развитого текстильного производства (Передняя Азия и др.). Учитывая элитный характер захоронений Аржана-1, присутствие в них импортных тканей было бы вполне оправданно.

Один из авторов раскопок, М.П. Грязнов, считал, что все аржанские ткани происходят из какого-то одного высокоразвитого ремесленного центра, и предполагал, что этим центром была одна из стран Переднего Востока, так как там с очень древних времен был распространен орнамент из рядов «ступенчатых пирамидок» [Грязнов, 1980, с. 25]. Е.Г. Царёва [2010, с. 576], исследовавшая килимы этого комплекса, напротив, считает их изделиями «самых аржанцев, в составе которых были ... мигранты с западных территорий, носители развитых текстильных традиций». Находки тканей в курганах рядового населения Тувы скифского времени [Бусова, 2015], возможно, подтверждают факт существования здесь местного текстильного производства, однако такого разнообразия техник и декоративных элементов, как в кургане Аржан, среди них нет.

Орнамент в виде «ступенчатых пирамидок» был широко распространен во II–I тыс. до н.э. в разных культурах Евразии. «Пирамидками» украшали глиняные сосуды эпохи бронзы, а позднее головные уборы из Пазырыка и ряд других предметов [Марсаолов, Царёв, 2000].

В более раннее время узор в виде ступенчатых фигур был известен, начиная с III тыс. до н.э., в земледельческих памятниках Южной Туркмении, Афганистана и Ирана [Смирнов, 2009], хотя между ними большой хронологический разрыв.

В материалах из кургана Аржан-1 гораздо больше аналогий по погребальному обряду, конструктивно-архитектурному решению объектов, прототипам изделий из бронзы с памятниками аркаимско-синташтинского круга [Марсаолов, 2010, с. 49–53], чем с Туркменистаном.

Можно предполагать долговременное существование «пирамидального» узора, так как в орнаментальной традиции народов Передней и Средней Азии этот мотив до сих пор популярен в ковроделии [Царёва, 2010, с. 574; Кирчо, 1975, с. 11].

По данным проведенной технологической экспертизы трудно однозначно ответить, где именно были изготовлены исследуемые аржанские изделия, так как для многих шерстяных тканей пока нет твердых критериев, на которые можно было бы опереться [Geijer, 1979, p. 18].

Ткани из кургана Аржан-1 можно разделить на две группы – *импортные и местного производства*.

Тонкие ткани можно отнести к высококачественным изделиям, при изготовлении которых было использовано сырье хорошего качества. Однородные волокна тонкого и толстого пуха свидетельствуют о продуманной сырьевой базе. Достаточно рафинированное ткачество и сложные технологические приемы отражают высокий уровень мастеров. Исследуемые ткани, вероятнее всего, были изготовлены в развитых центрах, которые обладали всеми необходимыми условиями для создания такого рода изделий. Можно предположить, что эти центры были расположены, прежде всего, на Ближнем Востоке, в Сирии или в Средней Азии.

Однако можно с большой долей уверенности предположить, что ряд более грубых плетеных тканей мог быть изготовлен и кочевниками с использованием импортных красителей. Эти ткани более просты по технологическим приемам, часто наблюдается крайне неравномерная крутка нитей. При их изготовлении, как правило, использовалось более грубое, неочищенное сырье.

Отсутствие шелка в аржанском инвентаре служит косвенным доказательством неразвитости торговых связей с Китаем. Формирование этих связей происходит, видимо, позднее, после падения династии Западного Чжоу. Проявив свою мощь при погребении вождя союза племен в кургане Аржан-1, возможно, через несколько лет саяно-алтайские и более южные кочевые племена объединились вместе для нападения на ослабевший Китай, князья которого вели в 1-й четверти VIII в. до н.э. междоусобную борьбу за власть. Кочевники нанесли решающий удар по Китаю в 771 г. до н.э., что привело к смене династий в Китае, Западного Чжоу на Восточное Чжоу, переносу столицы на восток. Свидетельств тому, что кочевники Саяно-Алтая могли участвовать в этом походе, пока немного – это близкие к аржанским отдельные предметы вооружения, узды, звериного стиля в Монголии и Китае.

Благодарности

Авторы статьи выражают искреннюю благодарность сотрудникам Государственного Эрмитажа – реставраторам тканей Н.С. Пинягиной и М.В. Денисовой, а также фотографу Д.А. Бобровой за большую работу по реставрации и фотографированию тканей.

Особенно авторы признательны археологу О.Л. Пламеневской, которая сохранила аржанские ткани и передала их в Государственный Эрмитаж.

Библиографический список

- Архангельский А.Г. Учение о волокнах. М. ; Л. : Гизлегпром, 1938. 297 с.
- Блажей А., Шутый Л. Фенольные соединения растительного происхождения. М. : Мир, 1977. 239 с.
- Бусова В.С. Текстиль из могильников скифского времени в долине реки Ээрбек (Центральная Тува) // Ранний железный век Евразии от архаики до рубежа эр. Центры, периферии и модели культурных взаимодействий. СПб. : «Скифия-принт», 2015. С. 20–22.
- Ветчинкин А.Р. Естественные органические красящие вещества. Саратов : Приволжское кн. изд-во, 1966. 249 с.
- Вульф Е.В., Малеева О.Ф. Мировые ресурсы полезных растений // Труды БИН им. В.Л. Комарова АН СССР. Л. : Наука, 1969. 568 с.
- Глушкова Т.Н., Нурлубаева С.М. Реконструкция изготовления текстильных изделий археологического памятника Аржан 2 // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Новосибирск : НГУ, 2007. С. 101–103.
- Грановский Т.С., Мшвениерадзе А.П. Строение и анализ тканей. М. : Изд-во лег. и пищ. промышленности, 1982. 96 с.

Гроссгейм А.А. Красильные растения // Растительные ресурсы Кавказа. Глава XI. Баку : Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1946. С. 357–370.

Грунская-Петрова И.П. Красильные растения южной части Нагорно-Карабахской автономной области и опыт сбора народных сведений по ним. Баку : Изд-во Азербайджанского филиала АН СССР, 1939. Т. 6. С. 526–608.

Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л. : Наука, 1980. 64 с.

Добрынин И.А. Естественные органические красящие вещества. Л. : Научное химико-техническое издательство, 1929. 311 с.

Кирчо Л.Б. «Ковры» на черепках // Памятники Туркменистана. №2 (20). Ашхабад : Изд-во «Блым», 1975. С. 11–12.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

Королюк Е.А. Красильные растения Алтая и сопредельных территорий // Химия растительного сырья. 2003. №1. С. 101–135.

Кузнецов Т.Н. Шерстование. М. : Международная книга, 1950. 404 с.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры) : автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2000. 56 с.

Марсадолов Л.С. Курган Аржан-1 в Центре Азии (геополитический и астрономический аспекты) // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование. Ч. I. Кызыл : КЦО «Аныяк», 2009. С. 59–63.

Марсадолов Л.С. Аркаим и Аржан как модели мира // Аркаим-Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Г.Б. Здановича. Ч. 1. Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2010. С. 43–55.

Марсадолов Л.С., Царёв Н.В. Ткани из кургана Аржан в Центре Азии // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск : ОмГУ, 2000. С. 72–75.

Пламеневская О.Л. Некоторые данные о тканях из кургана Аржан // Ученые Записки Тувинского Научно-исследовательского Института языка, литературы и истории. Вып. XVII. Кызыл : Тувинское книжное изд-во, 1975. С. 199–206.

Полосьяк Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая. Новосибирск : ИНФОЛИО, 2005. 229 с.

Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. М. : Искусство, 1968. 121 с.

Смирнов Н.Ю. Некоторые замечания к вопросу о переднеазиатских импортах в комплексе кургана Аржан // Записки ИИМК. №4. СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2009. С. 110–121.

Фёдоров А.А., Розен Б.Я. Красильные растения СССР // Растительное сырье СССР. Труды БИН им. В.Л. Комарова АН СССР. Т. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. С. 349–402.

Хвальковский В.Н. Теория переплетений и анализ тканей. М. ; Л. : Госиздат, 1930. 231 с.

Царёва Е.Г. Килимы ранних кочевников Тувы и Алтая: к истории сложения и развития килимной техники в Евразии // На пути открытия цивилизации : сборник статей к 80-летию В.И. Сарияниди. СПб. : Алетей, 2010. С. 566–591. (Труды Маргианской археологической экспедиции).

Ященко Р.В., Амбарцумян А.А. О проблеме кармина с точки зрения энтомолога и филолога // TETHYS Entomological Research. №1. Kazakhstan. Almaty : TETHYS, 1999. Pp. 47–58.

Beck K.U., Wagner M., Li X., Durkin-Meisterernst D., Tarasov P. The invention of trousers and its likely affiliation with horseback riding and mobility: A case study of late 2nd millennium BC finds from Turfan in eastern Central Asia // Quaternary International 348. May 2014. Pp. 224–235.

Geijer Agnes A. History of Textile Art. Printed in Great Britain by W.S. Maney & Son Ltd. Leeds, 1979. 317 p.

Keriya, mémoires d'un fleuve. Archéologie et civilization des oasis du Taklamakan. Mission archéologique franco-chinoise au Xinjiang. Sous la direction de C. Debaine-Francfort et A. Idriss. Paris : Findakly-EdF, 2000. 248 p.

Leggett W.F. Ancient and Medieval Dyes. N. Y. USA : Chemical Publishing Co., Brooklyn, 1944. 95 p.

Oka H. et al. Identification of Lac Dye Components by Electrospray High Performance Liquid Chromatography-Tandem Mass Spectrometry. J. Mass Spectrom. Soc. Jpn. Japan : J-STAGE. Vol. 46. N1. 1998. Pp. 63–68.

Petroviciu I. et al. The use of LC-MS in the Identification of Natural Dyes in the Epitaphios from Sucevita Monastery (15th century). *Rev. Roum. Chim., Romania : House of Romanian Academy. Vol. 56 (2).* 2011. Pp. 161–168.

Petroviciu I. et al. LC-MS as Analytical Technique for the Identification of Natural Dyes in Historic Textiles. *Romanian Reports in Physics. Romania : House of Romanian Academy. Vol. 64 (2).* 2012. Pp. 507–515.

Schorta R. A group of Central Asia woolen textiles in the Abegg-Stiftung collection // Fabulous creatures from the desert sands. *Central Asian woolen textiles from the second century BC to the second century AD. Riggisberger Berichte 10. Riggisberg, 2001. Pp. 79–114.*

Schweppe H. Identification of Red Madder and Insect Dyes by Thin-Layer Chromatography // *Historic textile and Paper materials. Characterization and Preservation of Textiles. Washington : American Chemical Society, 1989. Pp. 188–219.*

Trojanowicz M., Orska-Gawrys J., Surowiec I., Szostek B., Urbaniak-Walczak K., Kehl J., Wrobel M. Chromatographic Investigation of Dyes Extracted from Coptic Textiles from the National Museum in Warsaw. *Studies in Conservation. England. London : The International Institute for Conservation of Historic and Artistic Works. Vol. 49. 2004. Pp. 115–130.*

Verhecken A., Wouters J. The Coccid insect dyes. Historical, Geographical and Technical data. Belgique (Brussels): *Bulletin KIK/IRPA (Institut Royal du Patrimoine Artistique. Royal institute for Cultural Heritage. Koninklijk Instituut voor het Kunstpatrimonium). Vol. XXII. 1988/89. Pp. 207–238.*

Wieczorek A., Lind Ch. Ursprünge der Seidenstrasse: sensationele Neufunde aus Xinjiang, China. *Stuttgart, 2007. Pp. 73–86.*

Wouters J. High performance liquid chromatography of anthraquinones: analysis of plant and insect extracts and dyed textiles. *Studies in Conservation. England. London : The International Institute for Conservation of Historic and Artistic Works. Vol. 30. 1985. Pp. 119–128.*

Wouters J. Dyestuff analysis of scale insects by High performance liquid chromatography. *Krakow : Proc. ISSIS – VI, part II. 1990. Pp. 61–70.*

References

Arkhangel'skiy A.G. *Uchenie o voloknakh [The Doctrine of Fibers]. M. ; L. : Gizlegprom, 1938. 297 p.*
Blazhey A., Shuty L. *Fenol'nye soedineniya rastitel'nogo proiskhozhdeniya [Phenolic Compounds of Plant Origin]. M. : Mir, 1977. 239 p.*

Busova V.S. *Tekstil' iz mogil'nikov skifskogo vremeni v doline reki Eerbek (Tsentral'naya Tuva) [Textiles from Burial Grounds of Scythian Time in the Valley of the Eerbek River (Central Tuva)]. Ranniy zheleznyy vek Evrazii ot arkhaiiki do rubezha er. Tsentry, periferii i modeli kul'turnykh vzaimodeystviy [Early Iron Age of Eurasia from Archaic to the Turn of the Era. Centers, Peripheries and Models of Cultural Interactions]. SPb. : "Skifiya-print", 2015. Pp. 20–22.*

Vetchinkin A.R. *Estestvennye organicheskie krasyashchie veshchestva [Natural Organic Dyes]. Saratov : Privolzhskoe kn. izd-vo, 1966. 249 p.*

Vul'f E.V., Maleeva O.F. *Mirovye resursy poleznykh rasteniy [World Resources of Useful Plants]. Trudy BIN im. V.L. Komarova AN SSSR [Proceedings of BIN named after V.L. Komarov. Academy of Sciences of the USSR]. L. : Nauka, 1969. 568 p.*

Glushkova T.N., Nurlubaeva S.M. *Rekonstruktsiya izgotovleniya tekstil'nykh izdeliy arkheologicheskogo pamyatnika Arzhan 2 [Reconstruction of the Manufacture of Textiles of the Archangel Archaeological Monument 2]. Arkheologiya, etnologiya, paleoekologiya Severnoy Evrazii i sopredel'nykh territoriy [Archaeology, Ethnology, Paleoecology of Northern Eurasia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : NGU, 2007. Pp. 101–103.*

Granovskiy T.S., Mshvenieradze A.P. *Stroenie i analiz tkaney [Structure and Analysis of Tissues]. M. : Izd-vo leg. i pishch. prom-sti, 1982. 96 p.*

Grossgeym A.A. *Krasil'nye rasteniya [Dyeing plants]. Rastitel'nye resursy Kavkaza. Glava XI [Plant Resources of the Caucasus. Chapter XI]. Baku : Izd-vo AN Azerbaydzhanskoj SSR, 1946. Pp. 357–370.*

Grunskaya-Petrova I.P. *Krasil'nye rasteniya yuzhnoy chasti Nagorno-Karabakhskoy avtonomnoy oblasti i opyt sbora narodnykh svedeniy po nim [Dyeing Plants in the Southern Part of the Nagorno-Karabakh Autonomous Region and Experience in Gathering Popular Information on Them]. Baku : Izd-vo Azerbaydzhanskogo filiala AN SSSR, 1939. T. 6. Pp. 526–608.*

Gryaznov M.P. Arzhan. Tsarskiy kurgan ranneskifskogo vremeni [The Imperial Burial Ground of Early Scythian Time]. L. : Nauka, 1980. 64 p.

Dobrynin I.A. Estestvennyye organicheskie krasyashchie veshchestva [Natural Organic Dyes]. L. : Nauchnoe khimiko-tekhicheskoe izdatel'stvo, 1929. 311 p.

Kircho L.B. "Kovry" na cherepkakh ["Carpets" on the Shards]. Pamyatniki Turkmenistana [Monuments of Turkmenistan]. №2 (20). №2 (20). Ashkhabad : Izd-vo "Ylym", 1975. Pp. 11–12.

Kiryushin Yu.F., Tishkin A.A. Skifskaya epokha Gornogo Altaya. Ch. I: Kul'tura naseleniya v ranneskifskoe vremya [Scythian Era of the Altai Mountains. Part I: Culture of the Population in the Early Scythian Period]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1997. 232 p.

Korolyuk E.A. Krasil'nye rasteniya Altaya i sopredel'nykh territoriy [Dyeing Plants of Altai and Adjacent Territories]. Khimiya rastitel'nogo syr'ya [Chemistry of Plant Raw Materials]. 2003. №1. Pp. 101–135.

Kuznetsov T.N. Sherstovedenie [Woolstudy]. M. : Mezhdunarodnaya kniga, 1950. 404 p.

Marsadolov L.S. Arkheologicheskie pamyatniki IX–III vv. do n.e. gornyykh rayonov Altaya kak kul'turno-istoricheskii istochnik (fenomen pazyrykskoy kul'tury) : avtoref. dis. ... d-ra kul'turologii [Archaeological Monuments of the 9th – 3rd Centuries BC]. Mountainous Regions of Altai as a Cultural and Historical Source (the Phenomenon of Pazyryk Culture): Synopsis of the Dis. ... of Dr. of Culturology]. SPb., 2000. 56 p.

Marsadolov L.S. Kurgan Arzhan-1 v Tsentre Azii (geopoliticheskiy i astronomicheskiy aspekty) [Arzhan-1 Mound in the Center of Asia (Geopolitical and Astronomical Aspects)]. Nasledie narodov Tsentral'noy Azii i sopredel'nykh territoriy: izuchenie, sokhranenie i ispol'zovanie. Ch. I [Heritage of the Peoples of Central Asia and Adjacent Territories: Study, Preservation and Use. Part I]. Kyzyl : KTso "Anyak", 2009. Pp. 59–63.

Marsadolov L.S. Arkaim i Arzhan kak modeli mira [Arkaim and Arzhan as Models of the World]. Arkaim-Sintashta: drevnee nasledie Yuzhnogo Urala. K 70-letiyu G.B. Zdanovicha. Ch. 1 [Arkaim-Sintashta: Ancient Heritage of the Southern Urals. To the 70th anniversary of G.B. Zdanovich. Part 1]. Chelyabinsk : Izd-vo Chelyabinskogo gos. un-ta, 2010. Pp. 43–55.

Marsadolov L.S., Tsarev N.V. Tkani iz kurgana Arzhan v Tsentre Azii [Fabrics from the Arzhan Mound in the Center of Asia]. Pyatye istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova [Fifth Historical Readings in Memory of M.P. Gryaznov]. Omsk : OmGU, 2000. Pp. 72–75.

Plamenevskaya O.L. Nekotorye dannye o tkanyakh iz kurgana Arzhan [Some Data on Tissues from the Arzhan Mound]. Uchenye Zapiski Tuvinskogo Nauchno-issledovatel'skogo Instituta yazyka, literatury i istorii. Vyp. XVII [Scientists Notes of the Tuva Scientific Research Institute of Language, Literature and History. Issue. XVII]. Kyzyl : Tuvinskoe knizhnoe izd-vo, 1975. Pp. 199–206.

Polos'mak N.V., Barkova L.L. Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya [Costume and Textiles of the Pazyryk People of Altai]. Novosibirsk : INFOLIO, 2005. 229 p.

Rudenko S.I. Drevneyshie v mire khudozhestvennyye kovry i tkani [The World's Oldest Artistic Carpets and Fabrics]. M. : Iskusstvo, 1968. 121 p.

Smirnov N.Yu. Nekotorye zamechaniya k voprosu o peredneaziatskikh importakh v komplekse kurgana Arzhan [Some Remarks on the Issue of the Asian Imports in the Complex of the Arzhan Mound]. Zapiski IIMK. №4 [Notes by the IIMK. №4]. SPb. : Izd-vo "Dmitriy Bulanin", 2009. Pp. 110–121.

Fedorov An.A., Rozen B.Ya. Krasil'nye rasteniya SSSR [Dyeing Plants of the USSR]. Rastitel'noe syr'e SSSR. Trudy BIN im. V.L. Komarova AN SSSR. T. 1 [Plane Raw Materials. Proceedings of BIN named after V.L. Komarov. Academy of Sciences of the USSR. Vol. 1]. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1950. Pp. 349–402.

Khval'kovskiy V.N. Teoriya perepleteniy i analiz tkaney [The Theory of Interlacing and Tissue Analysis]. M. ; L. : Gosizdat, 1930. 231 p.

Tsareva E.G. Kilimy rannikh kochevnikov Tuvy i Altaya: k istorii slozheniya i razvitiya kilimnoy tekhniki v Evrazii [Kilims of the Early Nomads of Tuva and Altai: to the History of the Formation and Development of the Kilim Technique in Eurasia]. Na puti otkrytiya tsivilizatsii : sbornik statey k 80-letiyu V.I. Sarianidi [On the Road to the Discovery of Civilization: a Collection of Articles Dedicated to the 80th Anniversary of V.I. Sarianidi]. SPb. : Aleteyya, 2010. Pp. 566–591. (Trudy Margianskoy arkheologicheskoy ekspeditsii) [Proceedings of the Margianskaya Archaeological Expedition].

Yashchenko R.V., Ambartsumyan A.A. O probleme karmina s tochki zreniya entomologa i filologa [On the Problem of Carmine from the Point of View of an Entomologist and Philologist]. TETHYS Entomological Research. №1. Kazakhstan. Almaty : TETHYS, 1999. Pp. 47–58.

Beck K.U., Wagner M., Li X., Durkin-Meisterernst D., Tarasov P. The Invention of Trousers and its Likely Affiliation with Horseback Riding and Mobility: A Case Study of Late 2nd Millennium BC Finds from Turfan in Eastern Central Asia // *Quaternary International* 348. May 2014. Pp. 224–235.

Geijer Agnes A. *History of Textile Art*. Printed in Great Britain by W.S. Maney & Son Ltd. Leeds, 1979. 317 p.

Keriya, mémoires d'un fleuve. Archéologie et civilization des oasis du Taklamakan. Mission archéologique franco-chinoise au Xinjiang. Sous la direction de C. Debaine-Francfort et A. Idriss. Paris : Findakly-EdF, 2000. 248 p.

Leggett W.F. *Ancient and Medieval Dyes*. N. Y. USA : Chemical Publishing Co., Brooklyn, 1944. 95 p.

Oka H. et al. Identification of Lac Dye Components by Electrospray High Performance Liquid Chromatography-Tandem Mass Spectrometry. *J. Mass Spectrom. Soc. Jpn. Japan : J-STAGE*. Vol. 46. N1. 1998. Pp. 63–68.

Petroviciu I. et al. The Use of LC-MS in the Identification of Natural Dyes in the Epitaphios from Sucevita Monastery (15th century). *Rev. Roum. Chim., Romania : House of Romanian Academy*. Vol. 56 (2). 2011. Pp. 161–168.

Petroviciu I. et al. LC-MS as Analytical Technique for the Identification of Natural Dyes in Historic Textiles. *Romanian Reports in Physics*. Romania : House of Romanian Academy. Vol. 64 (2). 2012. Pp. 507–515.

Schorta R. A Group of Central Asia Woolen Textiles in the Abegg-Stiftung Collection // *Fabulous Creatures from the Desert Sands. Central Asian Woolen Textiles from the Second Century BC to the Second Century AD*. Riggisberger Berichte 10. Riggisberg, 2001. Pp. 79–114.

Schwepe H. Identification of Red Madder and Insect Dyes by Thin-Layer Chromatography // *Historic Textile and Paper Materials. Characterization and Preservation of Textiles*. Washington : American Chemical Society, 1989. Pp. 188–219.

Trojanowicz M., Orska-Gawrys J., Surowiec I., Szostek B., Urbaniak-Walczak K., Kehl J., Wrobel M. Chromatographic Investigation of Dyes Extracted from Coptic Textiles from the National Museum in Warsaw. *Studies in Conservation*. England. London : The International Institute for Conservation of Historic and Artistic Works. Vol. 49. 2004. Pp. 115–130.

Verhecken A., Wouters J. The Coccid insect dyes. Historical, Geographical and Technical Data. Belgique (Brussels): Bulletin KIK/IRPA (Institut Royal du Patrimoine Artistique. Royal Institute for Cultural Heritage. Koninklijk Instituut voor het Kunstpatrimonium). Vol. XXII. 1988/89. Pp. 207–238.

Wieczorec A., Lind Ch. Ursprünge der Seidenstrasse: sensationele Neufunde aus Xinjiang, China. Stuttgart, 2007. Pp. 73–86.

Wouters J. High Performance Liquid Chromatography of Anthraquinones: Analysis of Plant and Insect Extracts and Dyed Textiles. *Studies in Conservation*. England. London : The International Institute for Conservation of Historic and Artistic Works. Vol. 30. 1985. Pp. 119–128.

Wouters J. Dyestuff Analysis of Scale Insects by High Performance Liquid Chromatography. *Krakow : Proc. ISSIS – VI, part II*. 1990. Pp. 61–70.

L.S. Marsadolov, E.A. Mikolajczuk, L.S. Gavrilenko, S.V. Pankov

A NEW STUDY OF TEXTILE FRAGMENTS FROM ARZHAN-1 IN TUVA

Fabrics from Arzhan-1 mound one of the few well-preserved in Eurasia the oldest samples of textile products of the late 9th – early 8th century BC. In 1971–1974 archaeological expedition led by M.Kh. Mannai-ool and M.P. Gryaznova excavated in Tuva on the territory of the Altai-Sayan mountain country the mound Arzhan-1 which is the most ancient monument in Eurasia of the pre-or early Scythian time. The Arzhansky collection of fabrics is one of the most complete and diverse in its composition. All woolen fabrics are of high quality and variety of decor. These fabrics are not only unique in terms of preservation and time, but also multicolored. Arshan people used exclusively wool as a textile raw material, and practiced such techniques as weaving and wicketwork. On monophonic fabrics and in multi-colored ornamental motifs, green, blue, yellow, red and brown colors are used. The article analyzes in detail the dyes, structure and structure of tissues.

Key words: Central Asia, Tuva, Kurgan, Arzhan-1, textile fragments, weave, weaving, technology, analysis, structure, yarn, fiber, dyes.

МИНЕРАЛЬНЫЙ СОСТАВ КЕРАМИКИ МАЛЫШЕВСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (Нижнее Приамурье)

В статье впервые представлены результаты анализа минерального состава керамики раннего комплекса малышевской культуры. Посредством рентгеновской дифракции исследовались фрагменты 40 сосудов с пяти памятников юго-западной части нижнего Приамурья: Малышево-1, Гася, Гоян, Амурский Санаторий, Шереметьево-I (поселение 8). Анализ выявил, что все образцы в основном содержали одинаковый набор минеральных фаз: кварц, слюдястые минералы и полевые шпаты. Данные дифрактометрии были сопоставлены с полученными ранее результатами петрографии тех же образцов. Доминирующей составляющей исходного глинистого сырья являются кварц и гидрослюды. Основа непластичных минеральных включений – кварц и полевые шпаты (плагиоклазы). Сравнение рентгенографии и петрографии позволило вычлнить некоторые признаки в традициях гончарного производства раннего комплекса малышевской культуры юго-западной части Нижнего Приамурья: применение близких по минеральному составу местных глин; использование в качестве минеральной добавки песка. Основной вывод – раннеолитическая малышевская керамика с исследуемых памятников по своему минеральному составу в основном сходна.

Ключевые слова: Нижнее Приамурье, неолит, керамика, физико-химические исследования, минеральный состав.

DOI: 10.14258/tpai(2017)3(19).-09

Введение

Гончарное производство в древности включало несколько этапов, среди которых важнейшими были отбор исходного сырья и составление формовочных масс. Идентификация глинистого и неглинистого сырья для керамики, определение наличия или отсутствия в формовочной массе искусственной отошающей примеси, а также непластичных минеральных включений, по мнению специалистов, относятся к числу проблемных вопросов технологии древнего гончарного производства на территории юга Дальнего Востока [Жущиховская, 2011, с. 74]. Проведенные на сегодняшний день исследования нижеамурской раннеолитической керамики [Медведев, Цетлин, 2014; 2015; Цетлин, Медведев, 2014; Медведев, Филатова, 2015; Цетлин и др., 2016] не исчерпывают всех ее возможностей как археологического источника. Цель статьи – проанализировать минеральный состав керамики раннего комплекса малышевской культуры (время существования ее в целом 2-я половина VII – рубеж IV–III тыс. до н.э.) из коллекций археологических памятников юго-западной части Нижнего Приамурья (рис. 1) – основного района распространения керамического комплекса – посредством физико-химических методов исследования.

Источники и методы исследования

Материалом для анализа послужили фрагменты 40 глиняных сосудов из коллекций поселений Малышево-1, Гася, Гоян, Амурский Санаторий и Шереметьево-I (поселение 8), хранящихся в археологических фондах Института археологии и этнографии СО РАН (рис. 2.-1а–5а). Для проведения исследования методом рентгеновской

Рис. 1. Карта-схема местонахождений археологических памятников юго-западной части Нижнего Приамурья: 1 – Госян; 2 – Гася; 3 – Малышево-1; 4 – Амурский Санаторий; 5 – Шереметьево-1 (поселение 8)

дифракции образцы были переданы в лабораторию физико-химических методов исследования Хабаровского инновационно-аналитического центра (ХИАЦ) Института тектоники и геофизики ДВО РАН (г. Хабаровск). Исследования выполнены на рентгеновском дифрактометре Mini Flex II Desktop X-ray DIFRACTOMETER RIGAKU. Для сравнительного анализа фазового состава кристаллической составляющей различных коллекций керамики выбран метод съемки образцов с растиранием, с вращением на углах 7–85° и со сканированием по углу 2θ. Использовался лицензионный пакет программ проведения измерений и обработки данных, а также лицензионная порошковая база данных ICSDPDF-2 и программа управления базой данных ICSDPDF-2, поставленные вместе с прибором. Анализ проведен старшим инженером Института текто-

ники и геофизики ДВО РАН А.Ю. Лушниковой. Методическую основу составили разработки российских и зарубежных ученых [Maggetti, 1982; Жущиховская, Залищак, 1990; Дребущак и др., 2006].

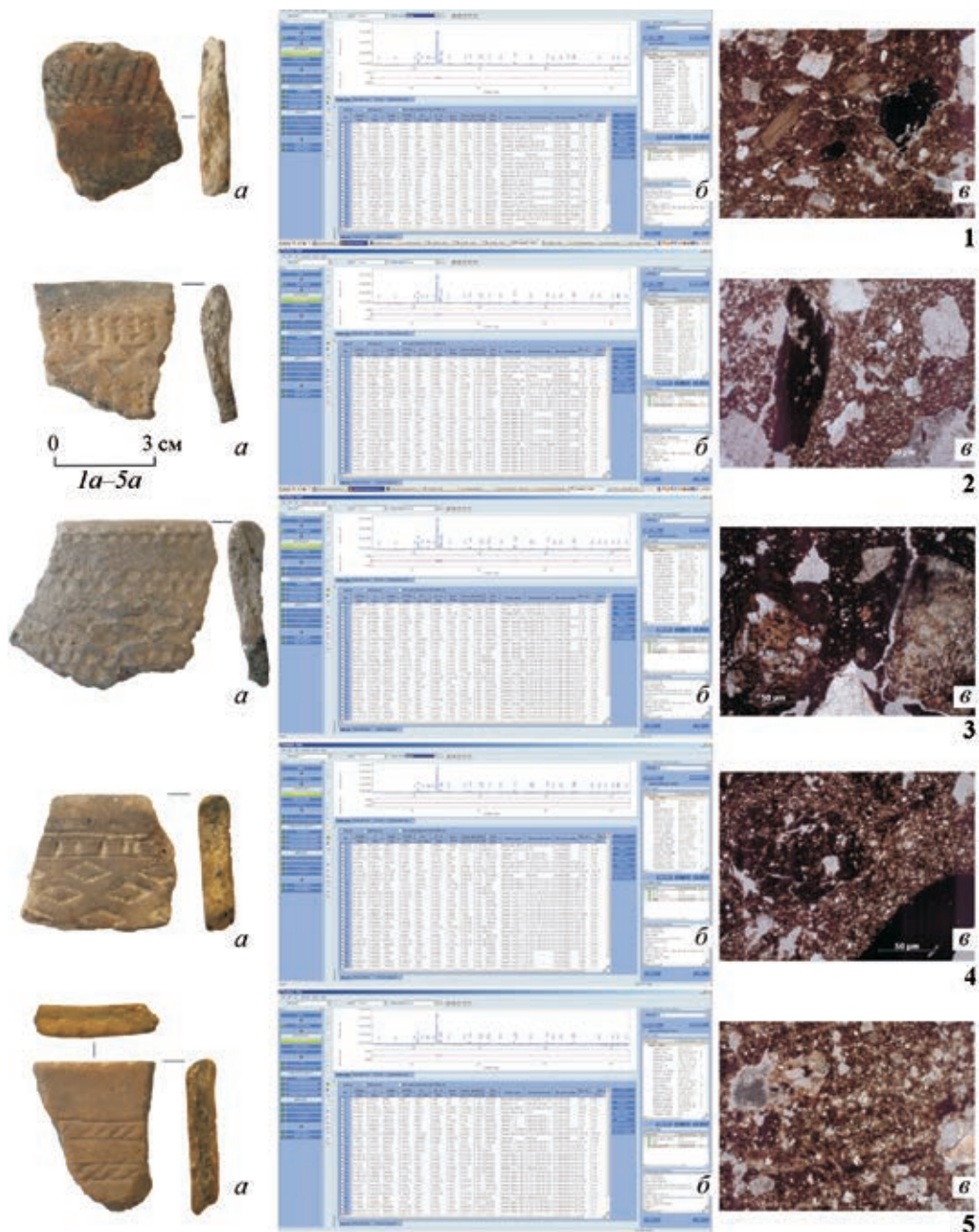

Рис. 2. Образцы фрагментов (а), дифрактограмм (б) и прозрачных шлифов (в) керамики мальшевской культуры (ранний комплекс): 1 – Ф-7 – Мальшево-1; 2 – Ф-15 – Амурский Санаторий; 3 – Ф-23 – Шереметьево-1 (поселение 8); 4 – Ф-37 – Гася; 5 – Ф-32 – Госян

Результаты исследований

Результаты исследований образцов керамики представлены в таблице 1, где указаны части сосудов, с которых снимались дифрактограммы, а также состав кристаллических фаз (табл. 1).

Таблица 1

Результаты рентгенофазового анализа керамики
малышевской культуры (ранний комплекс)

Образец*, полевой шифр	Часть сосуда	Дифрактограмма	Состав кристаллической фазы
углы $7 < 2\theta < 85^\circ$			
Малышево-1			
Ф-1 Ма-65/77	Венчик	F-1/Data 1	Quartz; Muscovite 2M1
Ф-2 Ма-65/200	»»»	F-2/Data 2	Quartz; Muscovite 2M1; Albite
Ф-3 Ма-65/309	»»»	F-3/Data 3	Quartz; Muscovite 2M1
Ф-4 Ма-65/320	»»»	F-4/Data 4	Quartz; Muscovite 2M1; Albite
Ф-5 Ма-65/563	»»»	F-5/Data 5	Quartz; Muscovite 2M1
Ф-6 Ма-65/34	Стенка	F-6/Data 6	То же
Ф-7 Ма-65/485	»»»	F-7/Data 7	Quartz; Muscovite 2M1; Anorthoclase
Ф-8 Ма-65/514	»»»	F-8/Data 8	Quartz; Muscovite 2M1; Albite
Ф-9 Ма-65/42	Донце с придонной стенкой	F-9/Data 9	Quartz; Muscovite 2M1; Anorthite
Ф-10 Ма-65/234	»»»	F-10/Data 10	Quartz; Muscovite 2M1
Амурский Санаторий			
Ф-11 ДВ-59/СХ-1055	Венчик	F-11/Data 11	Quartz; Muscovite 2M1; Anorthite
Ф-12 ДВ-59/СХ-1196	»»»	F-12/Data 12	То же
Ф-13 ДВ-59/СХ-1709	»»»	F-13/Data 13	Quartz; Muscovite 2M1
Ф-14 ДВ-59/СХ-1825	»»»	F-14/Data 14	Quartz; Phengite 2M1
Ф-15 ДВ-59/СХ-1934	»»»	F-15/Data 15	Quartz; Muscovite 1M, syn; Anorthite
Ф-16 ДВ-59/СХ-2085	»»»	F-16/Data 16	Quartz; Muscovite 2M1; Anorthite
Ф-17 ДВ-59/СХ-2087	»»»	F-17/Data 17	То же
Ф-18 ДВ-59/СХ-2102	Стенка	F-18/Data 18	Quartz; Muscovite 2M1; Albite
Ф-19 ДВ-59/СХ-2583	»»»	F-19/Data 19	Quartz; Muscovite 2M1; Anorthite

Образец*, полевой шифр	Часть сосуда	Дифрактограмма	Состав кристаллической фазы
Ф-20 ДВ-59/СХ-3474	»»»	F-20/Data 20	То же
Шереметьево-I (поселение 8)			
Ф-21 ДВ-59/Ш I-33	Венчик	F-21/Data 21	Quartz; Muscovite 2M1; Albite
Ф-22 ДВ-59/Ш I-140	»»»	F-22/Data 22	Quartz; Muscovite 2M1
Ф-23 ДВ-59/Ш I-251	»»»	F-23/Data 23	Quartz; Albite; Phengite 2M1
Ф-24 ДВ-59/Ш I-506	»»»	F-24/Data 24	Quartz; Muscovite 2M1
Ф-25 ДВ-59/Ш I-600	»»»	F-25/Data 25	Quartz; Muscovite 2M1; Anorthite
Ф-26 ДВ-59/Ш I-368	Стенка	F-26/Data 26	То же
Ф-27 ДВ-59/Ш I-467	»»»	F-27/Data 27	Quartz; Muscovite 2M1; Albite
Ф-28 ДВ-59/Ш I-619	»»»	F-28/Data 28	Quartz; Muscovite 2M1
Ф-29 ДВ-59/Ш I-958	»»»	F-29/Data 29	То же
Ф-30 ДВ-59/Ш I-582	Венчик	F-30/Data 30	Quartz; Muscovite 1M
Гася, Госян			
Ф-31 СКГ-76/1577	Венчик	F-31/Data 31	Quartz; Muscovite 2M1; Albite
Ф-32 СКГ-76/1665	»»»	F-32/Data 32	То же
Ф-33 СКГ-76/1667	»»»	F-33/Data 33	Quartz; Muscovite 2M1
Ф-34 СКГ-76/1669	»»»	F-34/Data 34	То же
Ф-35 СК-80/357	»»»	F-35/Data 35	»»»
Ф-36 СК-80/556	»»»	F-36/Data 36	»»»
Ф-37 СК-80/1232	»»»	F-37/Data 37	»»»
Ф-38 СКГ-80/1284	»»»	F-38/Data 38	Quartz; Muscovite 2M1; Albite
Ф-39 СКГ-80/5930	»»»	F-39/Data 39	Quartz; Muscovite 2M1
Ф-40 СКГ-80/не определен	Стенка	F-40/Data 40	То же

* Ф – фрагмент.

Малышево-1 (рис. 2.-1б). Во всех фрагментах керамики присутствуют кварц и слюдистые минералы (мусковит). Полевые шпаты ряда альбит–анортит (плагиоклазы) отмечены в четырех образцах: в трех представлен альбит (Ф-2, Ф-4 и Ф-8), в одном – анортит (Ф-9). Еще в одном образце (Ф-7) представлен анортоклаз.

Амурский Санаторий (рис. 2.-2б). Во всех обломках сосудов отмечен кварц. Слюдистые минералы – мусковит (8 обр.) и фенгит (1 обр.; Ф-14) – выявлены в девяти образцах. Полевые шпаты ряда альбит–анортит (плагиоклазы) зафиксированы в семи фрагментах (Ф-11, Ф-12, Ф-15, Ф-16, Ф-17, Ф-19); причем альбит только в одном (Ф-18).

Шереметьево-1 (поселение 8) (рис. 2.-3б). В составе минеральных фаз всех образцов содержатся кварц и слюдистые минералы (мусковит и фенгит). Мусковит отмечен в подавляющем большинстве фрагментов керамики (9 обр.), фенгит – только в одном (Ф-23). Четыре образца включают полевые шпаты ряда альбит–анортит (плагиоклазы): альбит выявлен в трех (Ф-21, Ф-23, Ф-27), анортит – в одном образце (Ф-25).

Гася (рис. 2.-4б), *Госян* (рис. 2.-5б). Во всех представленных фрагментах выявлены кварц и слюдистые минералы (мусковит). Полевые шпаты ряда альбит–анортит (плагиоклазы) – альбит – представлены только в трех фрагментах (Ф-31 и Ф-32, Ф-38).

Таким образом, анализ фаз кристаллической составляющей выявил, что все образцы в основном содержали одинаковый набор минеральных фаз: кварц, слюдистые минералы и полевые шпаты. Во всех фрагментах керамики основной являлась фаза кварца, а фазы полевых шпатов и слюдистых минералов были второстепенными. Детальный анализ индикаторных рефлексов показал, что полевые шпаты измеренных образцов относятся в основном к ряду альбит–анортит (плагиоклазы). Плагиоклазы в равной степени представлены альбитом и анортитом (по восемь образцов). Отмечен также анортоклаз. Слюдистые минералы преимущественно представлены мусковитом (37 обр.), единично – фенгитом (2 обр.). Основная разновидность мусковита – Muscovite 2M1 (35 обр.), но есть также два образца иной разновидности: Muscovite 1M и Muscovite 1M, syn. Пики мусковита сравнительно широкие, что говорит о тонкодисперсной структуре слюд.

Изучение посредством дифрактометрии ранней малышевской керамики показало, что гончары с разных археологических памятников юго-запада Нижнего Приамурья применяли в производстве глинистое и неглинистое сырье, сходное по своему минеральному составу. Однако нерешенным остается вопрос, какие непластичные минеральные включения представляют искусственную отошающую примесь в формовочных массах, поскольку рентгенофазовый анализ показывает качественный состав кристаллической фазы в целом, не разделяя глинистые и неглинистые составляющие.

Для решения этой проблемы, на наш взгляд, возможно использование метода петрографии. Ранее нами уже публиковались результаты петрографического исследования указанной керамики [Медведев, Филатова, 2015], однако сравнительный анализ данных петрографии и дифрактометрии позволит дать ответ на вопрос: какие непластичные минеральные включения представляют искусственную отошающую примесь в составе формовочных масс, а что является естественными примесями в исходном глинистом сырье. Анализ минерального сырья керамики раннего комплекса малышевской культуры с указанных памятников по данным петрографического исследования показал наличие в составе основной массы глинистого сырья (цемента) различных примесей (табл. 2).

Таблица 2

Минеральный состав керамики малышевской культуры
(ранний комплекс) по результатам петрографии

Образец, полевой шифр	Часть сосуда	Состав цемента	Состав включений
Малышево-1			
Ф-1 Ма-65/77	Венчик	Брак	Брак
Ф-2 Ма-65/200	»»	Лейсты плагиоклаза, кварц	Бурая глина, алевролиты, песчаники, фельзиты, яшма, биотит, амфибол, эпидот, кварц, плагиоклаз и лимонит
Ф-3 Ма-65/309	»»	Обломки кварца, реже полевого шпата, чешуй гидрослюд	Биотитовые и лейкократовые микро- клиновые и микропертитовые граниты, кварц, микроклин, микропертит, плаги- оклаз, биотит и их сростки
Ф-4 Ма-65/320	»»	Лейсты плагиоклаза, чешуйки гидрослюд	Обломки базальта, рудный минерал
Ф-5 Ма-65/563	»»	Брак	Брак
Ф-6 Ма-65/34	Стенка	»»	»»
Ф-7 Ма-65/485	»»	Обломки кварца, плагиоклаза	Обломки микропертитовых биотитовых гранитов, кварца, плагиоклаза, микропер- тита, редко – биотита, рудного минерала
Ф-8 Ма-65/514	»»	–	Редко – обломки брекчированного микропертитового гранита, плагиоклаза, кварца и рудного минерала
Ф-9 Ма-65/42	Донце с придонной стенкой	–	Редко – обломки базальта, рудного минерала
Ф-10 Ма-65/234	»»	–	Обломки базальта
Амурский Санаторий			
Ф-11 ДВ-59/СХ-1055	Венчик	–	Обломки базальта, пироксена, плагиоклаза, эпидота
Ф-12 ДВ-59/СХ-1196	»»	Зерна кварца	Биотитовый среднезернистый гранит, редко – яшма, рудный минерал, биотит, плагиоклаз, кварц
Ф-13 ДВ-59/СХ-1709	»»	–	Плагиоклаз, пироксен, рудная масса
Ф-14 ДВ-59/СХ-1825	»»	–	Плагиоклаз, реже – кварц, пироксен, рудная масса
Ф-15 ДВ-59/СХ-1934	»»	Зерна кварца, зерна и чешуйки слюды	Обломки биотитового гранита, плагиоклаза, реже – кварца, биотита, рудного минерала
Ф-16 ДВ-59/СХ-2085	»»	–	Обломки биотитового гранита, пелити- зированной плагиоклаза, рудного ми- нерала, кварца, редко – биотита
Ф-17 ДВ-59/СХ-2087	»»	Обломки кварца и глинисто-слюдяных минералов	Диорит, микроклин-пертит, плагиоклаз, кварц, рудный минерал, редко – пироксен

Продолжение таблицы 2

Образец, полевой шифр	Часть сосуда	Состав цемента	Состав включений
Ф-18 ДВ-59/СХ-2102	Стенка	Зерна кварца и гидрослюд	Кварц и микропертит, обломки микроклин-микропертитовых гранитов
Ф-19 ДВ-59/СХ-2583	»»»	Осколки кварца и полевого шпата	Обломки отитового и бимикропертитового гранита, плагиоклаза, кварца, редко – роговой обманки, биотита
Ф-20 ДВ-59/СХ-3474	»»»	Брак	Брак
Шереметьево-I (поселение 8)			
Ф-21 ДВ-59/Ш I-33	Венчик	Слюдистые частицы и кварцевые зерна	Обломки биотитовых и микропертитовых среднезернистых гранитов и зерен минералов: кварца, микропертита, плагиоклаза, редко – кварцит и железистый кварцит, биотит
Ф-22 ДВ-59/Ш I-140	»»»	Осколки кварца	Обломки микропертитовых среднезернистых гранитов, зерен пертита, плагиоклаза, биотита, кварца
Ф-23 ДВ-59/Ш I-251	»»»	Обломки кварца и чешуйки гидрослюд	Плагиоклаз, кварц, биотит, рудный минерал, обломки микропертитовых биотитовых гранитов
Ф-24 ДВ-59/Ш I-506	»»»	То же	Обломки биотит-микропертитового крупнозернистого гранита, отдельные обломки минералов: кварца, микропертита, биотита
Ф-25 ДВ-59/Ш I-600	»»»	–	Плагиоклаз, кварц, микропертит, биотит
Ф-26 ДВ-59/Ш I-368	Стенка	Обломки кварца и чешуйки гидрослюд	Кварц, микропертит, биотит
Ф-27 ДВ-59/Ш I-467	»»»	То же	Обломки биотитового гранита, кварца, плагиоклаза, биотита
Ф-28 ДВ-59/Ш I-619	»»»	»»»	Обломки кварца, ортоклаза, плагиоклаза, редко – биотита, биотитового гранита
Ф-29 ДВ-59/Ш I-958	»»»	Обломки кварца, полевых шпатов, чешуйки гидрослюд и землистые глинистые минералы	Обломки кварца, плагиоклаза, микропертита, рудного минерала, биотита, редко – биотитового гранита
Ф-30 ДВ-59/Ш I-582	Венчик	Землистые глинистые минералы	Обломки кварца, плагиоклаза, рудного минерала
Гася, Госян			
Ф-31 СКГ-76/1577	Венчик	Обломки кварца, рудного минерала, полевых шпатов и чешуй гидрослюд	Обломки кварца, рудного минерала, плагиоклаза, биотита
Ф-32 СКГ-76/1665	»»»	Обломки кварца, полевых шпатов, чешуй гидрослюд	Черная железистая глина, обломки кварца, плагиоклаза, рудного минерала
Ф-33 СКГ-76/1667	»»»	То же	Обломки кварца, плагиоклаза, рудного минерала, черной и светло-бурой железистой глины
Ф-34 СКГ-76/1669	»»»	Осколки кварца и чешуй гидрослюд	Обломки кварца, плагиоклаза, рудных минералов, черной железистой глины

Образец, полевой шифр	Часть сосуда	Состав цемента	Состав включений
Ф-35 СК-80/357	»»»	–	Обломки светло-бурой глины, кварца, рудного минерала, редко – яшма, кварцит
Ф-36 СК-80/556	»»»	Обломки кварца и чешуй гидрослюд	Обломки черной железистой и светло-бурой глины, редко – обломки кварца
Ф-37 СК-80/1232	»»»	То же	Обломки кварца, плагиоклаза, рудного минерала
Ф-38 СКГ-80/1284	»»»	»»»	Обломки кварца, плагиоклаза, рудного минерала, черной железистой глины
Ф-39 СКГ-80/5930	»»»	»»»	Гальки и обломки черных железистых глин, обломки кварца, плагиоклаза
Ф-40 СКГ-80/?	Стенка	–	Обломки плагиоклаза, кварца, рудного минерала

Мальшево-1 (рис. 2.-1в). Основная масса (цемент) состоит из аморфных глинистых частиц, цементирующих обломки кварца (3 обр.), полевого шпата (плагиоклаза; 4 обр.) и – единично – чешуй гидрослюд. Размер их составляет 0,001–0,01 мм. Сочетания: кварц + полевые шпаты (2 обр.); кварц + полевые шпаты + слюды; полевые шпаты + слюды. В составе включений – кварц (4 обр.), полевые шпаты (плагиоклаз; 4 обр.), калиевые полевые шпаты (микроклин, микропертит; 2 обр.), слюдистые минералы (биотит; 3 обр.). Сочетания: кварц + полевые шпаты (1 обр.); кварц + полевые шпаты + слюды (1 обр.); кварц + полевые шпаты + калиевые полевые шпаты + слюды (2 обр.).

Амурский Санаторий (рис. 2.-2в). Основная масса (цемент) базального сложения; содержит оскольчатые обломки и зерна кварца (5 обр.), зерна и чешуйки глинисто-слюдистых минералов (3 обр.), единично – осколки полевого шпата. Размер их – 0,001–0,01 мм, реже – 0,001–0,1 мм. Сочетания: кварц + полевые шпаты; кварц + слюды (3 обр.). В составе включений – кварц (6 обр.), полевые шпаты (плагиоклаз; 8 обр.), калиевые полевые шпаты (микропертит; 3 обр.), слюдистые минералы (биотит; 6 обр.). Сочетания: кварц + полевые шпаты (1 обр.); кварц + калиевые полевые шпаты (1 обр.); полевые шпаты+калиевые полевые шпаты+слюды (2 обр.); кварц+полевые шпаты + слюды (4 обр.).

Шереметьево-1 (поселение 8) (рис. 2.-3в). Основная масса (цемент) состоит из хлопьевидных и землистых скоплений глинистых минералов, насыщенных тонкими осколками кварца, кварцевыми зёрнами (8 обр.), слюдистыми частицами и чешуйками гидрослюд (7 обр.), единично – оскольчатыми обломками полевых шпатов. Размер их составляет 0,01–0,1 мм. Сочетания: кварц + слюды (6 обр.); кварц + полевые шпаты + слюды. В составе включений – кварц (10 обр.), полевые шпаты (плагиоклаз; 8 обр.), калиевые полевые шпаты (пертит; микропертит; ортоклаз (7 обр.), слюдистые минералы (биотит; 9 обр.). Сочетания: кварц + полевые шпаты; кварц + полевые шпаты + слюды (2 обр.); кварц + калиевые полевые шпаты + слюды (2 обр.); кварц + полевые шпаты + калиевые полевые шпаты + слюды (5 обр.).

Гася (рис. 2-4в), *Госян* (рис. 2.-5в). Основная масса (цемент) состоит из землистой алевритистой массы, густо насыщенной оскольчатыми обломками кварца (8 обр.), полевых шпатов (3 обр.) и чешуек гидрослюд (5 обр.). Размеры их в основном – 0,001–0,01 мм, редко – 0,01–0,1 мм. Сочетания: кварц + слюды (5 обр.); кварц + полевые

шпаты + слюды (3 обр.). В составе включений – кварц (2 обр.), полевые шпаты (плагиоклазы; 8 обр.) и – единично – слюдистые минералы (биотит). Сочетания: кварц + полевые шпаты (7 обр.); кварц + полевые шпаты + слюды (1 обр.).

Таким образом, по результатам петрографического исследования в составе основной массы – цемента – исходного глинистого сырья ранней малышевской керамики в качестве обязательной минеральной составляющей присутствуют кварц и гидрослюда. Редко или даже единично представлены полевые шпаты (плагиоклазы). Однако последние, как и кварц, отмечены в большинстве фрагментов (32 обр.) в качестве искусственной отошающей примеси. Калиевые полевые шпаты (микроклин, микропертит, микролин-пертит, пертит, ортоклаз) представлены в 12 образцах, слюдистые минералы (биотит) – в 19 образцах. Следует отметить, что наибольшее количество образцов с включениями калиевых полевых шпатов (7 обр.) и слюдистых минералов (9 обр.) зафиксировано в керамике Шереметьево (поселение 8), а в керамике Гаси, Гояна отмечено единичное присутствие слюдистых минералов и полное отсутствие калиевых полевых шпатов.

Объединенные результаты рентгенофазового и петрографического анализа минерального состава ранней малышевской керамики с памятников юго-западной части Нижнего Приамурья представлены в сводной таблице (табл. 3).

Таблица 3

Минеральный состав малышевской керамики (ранний комплекс)
по результатам дифракции и петрографии

Образец, полевой шифр	Часть сосуда	Состав кристаллической фазы*	Состав цемента	Состав включений
Малышево-1				
Ф-1 Ма-65/77	Венчик	Кв; Ил	Брак	Брак
Ф-2 Ма-65/200	»»	Кв; Ил; ПШ	ПШ; Кв	Ил; Кв; ПШ
Ф-3 Ма-65/309	»»	Кв; Ил	Кв; ПШ; Ил	Кв; КПШ; ПШ; Ил
Ф-4 Ма-65/320	»»	Кв; Ил; ПШ	ПШ; Ил	–
Ф-5 Ма-65/563	»»	Кв; Ил	Брак	Брак
Ф-6 Ма-65/34	Стенка	Кв; Ил	»»	»»
Ф-7 Ма-65/485	»»	Кв; Ил; КПШ	Кв; ПШ	Кв; ПШ; КПШ; Ил
Ф-8 Ма-65/514	»»	Кв; Ил; ПШ	–	ПШ; Кв
Ф-9 Ма-65/42	Донце с придонной стенкой	Кв; Ил; КПШ	–	–
Ф-10 Ма-65/234	»»	Кв; Ил	–	–
Амурский Санаторий				
Ф-11 ДВ-59/СХ-1055	Венчик	Кв; Ил; ПШ	–	ПШ; Ил

Продолжение таблицы 3

Образец, полевой шифр	Часть сосуда	Состав кристаллической фазы*	Состав цемента	Состав включений
Ф-12 ДВ-59/СХ-1196	»»	Кв; Ил; ПШ	Кв	Ил; ПШ; Кв
Ф-13 ДВ-59/СХ-1709	»»	Кв; Ил	–	ПШ
Ф-14 ДВ-59/СХ-1825	»»	Кв; Ил	–	ПШ; Кв
Ф-15 ДВ-59/СХ-1934	»»	Кв; Ил; ПШ	Кв; Ил	ПШ; Кв; Ил
Ф-16 ДВ-59/СХ-2085	»»	Кв; Ил; ПШ	–	ПШ; Кв; Ил
Ф-17 ДВ-59/СХ-2087	»»	Кв; Ил; ПШ	Кв; Ил	КПШ; ПШ; Кв
Ф-18 ДВ-59/СХ-2102	Стенка	Кв; Ил; ПШ	Кв; Ил	Кв; КПШ
Ф-19 ДВ-59/СХ-2583	»»	Кв; Ил; ПШ	Кв; ПШ	ПШ; Кв; Ил
Ф-20 ДВ-59/СХ-3474	»»	Кв; Ил; ПШ	Брак	Брак
Шереметьево (поселение 8)				
Ф-21 ДВ-59/Ш I-33	Венчик	Кв; Ил; ПШ	Ил; Кв	Кв; КПШ; ПШ; Ил
Ф-22 ДВ-59/Ш I-140	»»	Кв; Ил	Кв	КПШ; ПШ; Ил; Кв
Ф-23 ДВ-59/Ш I-251	»»	Кв; ПШ; Ил	Кв; Ил	ПШ; Кв; Ил
Ф-24 ДВ-59/Ш I-506	»»	Кв; Ил	Кв; Ил	Кв; КПШ; Ил
Ф-25 ДВ-59/Ш I-600	»»	Кв; Ил; ПШ	–	ПШ; Кв; КПШ; Ил
Ф-26 ДВ-59/Ш I-368	Стенка	Кв; Ил; ПШ	Кв; Ил	Кв; КПШ; Ил
Ф-27 ДВ-59/Ш I-467	»»	Кв; Ил; ПШ	Кв; Ил	Кв; ПШ; Ил
Ф-28 ДВ-59/Ш I-619	»»	Кв; Ил	Кв; Ил	Кв; КПШ; ПШ; Ил
Ф-29 ДВ-59/Ш I-958	»»	Кв; Ил	Кв; ПШ; Ил	Кв; ПШ; КПШ; Ил
Ф-30 ДВ-59/Ш I-582	Венчик	Кв; Ил	–	Кв; ПШ
Гася, Госян				
Ф-31 СКГ-76/1577	Венчик	Кв; Ил; ПШ	Кв; ПШ; Ил	Кв; ПШ; Ил
Ф-32 СКГ-76/1665	»»	Кв; Ил; ПШ	Кв; ПШ; Ил	Кв; ПШ
Ф-33 СКГ-76/1667	»»	Кв; Ил	Кв; ПШ; Ил	Кв; ПШ
Ф-34 СКГ-76/1669	»»	Кв; Ил; ПШ	Кв; Ил	Кв; ПШ

Образец, полевой шифр	Часть сосуда	Состав кристаллической фазы*	Состав цемента	Состав включений
Ф-35 СК-80/357	»»	Кв; Ил	–	Кв
Ф-36 СК-80/556	»»	Кв; Ил	Кв; Ил	Кв
Ф-37 СК-80/1232	»»	Кв; Ил	Кв; Ил	Кв; ПШ
Ф-38 СКГ-80/1284	»»	Кв; Ил; ПШ	Кв; Ил	Кв; ПШ
Ф-39 СКГ-80/5930	»»	Кв; Ил	Кв; Ил	Кв; ПШ
Ф-40 СКГ-80/не определен	Стенка	Кв; Ил	–	ПШ; Кв

* Кв – кварц; ПШ – полевые шпаты; Ил – иллит.

Заключение

Сравнительный анализ результатов рентгенофазового и петрографического анализов показал, что раннеолитическая малышевская керамика с памятников юго-западной части Нижнего Приамурья по своему минеральному составу в основном сходна. Во всех керамических комплексах доминирующей составляющей исходного глинистого сырья являются кварц и слюды. Полевые шпаты (плагиоклазы) же, как и кварц, выступают основой непластичных минеральных включений. Метод дифрактометрии в целом подтвердил полученные на основе петрографии данные по минеральному составу керамики.

Все это позволяет определить некоторые признаки в традициях гончарного производства раннего комплекса малышевской культуры юго-западной части Нижнего Приамурья:

- 1) применение местных глин, сходных по своему минеральному составу;
- 2) присутствие кварца как основы минерального состава керамики, а также наличие в нем полевых шпатов;
- 3) употребление в качестве минеральной добавки песка, в составе которого продукты разрушения пород вулканического происхождения.

В перспективе – корреляции полученных данных с неолитическими материалами сопредельных территорий Приморья, в частности, с находками бойсманской культуры, веткинского культурно-хронологического комплекса. Помимо этого, полученные результаты в дальнейшем могут стать основой для идентификации конкретных источников сырья для производства керамики раннего комплекса малышевской неолитической культуры юго-западных районов Нижнего Приамурья.

Библиографический список

Дребушак В.А., Мыльникова Л.Н., Дребушак Т.А., Болдырев В.В., Молодин В.И., Деревянко Е.И., Мыльников В.П., Нартова А.В. Физико-химическое исследование керамики (на примере изделий переходного времени от бронзового к железному веку). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2006. 98 с. (Интеграционные проекты СО РАН, вып. 6)

Жушиховская И.С. Петрография в изучении древней керамики Дальнего Востока: вопросы методики // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск : Изд-во Уссурийского гос. пед. ин-та, 2011. С. 72–81.

Жушиховская И.С., Залищак Б.Л. Вопросы изучения сырья и формовочной массы древней керамики юга Дальнего Востока // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. Новосибирск : Наука, 1990. С. 144–157.

Медведев В.Е., Филатова И.В. Результаты петрографического анализа керамики раннего комплекса мальшевской неолитической культуры (Нижнее Приамурье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 13. С. 26–38.

Медведев В.Е., Филатова И.В. Неолитические комплексы у села Шереметьево (по материалам исследований 1958–1959 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. С. 118–121.

Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б. Новые данные о керамике начального и раннего неолита Нижнего Приамурья // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 3. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. С. 77–83.

Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б. Новые данные о раннем гончарстве в мальшевской неолитической культуре Дальнего Востока // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015. С. 112–115.

Цетлин Ю.Б., Медведев В.Е. Керамика мариинской культуры Нижнего Приамурья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. №4. С. 30–40.

Цетлин Ю.Б., Медведев В.Е., Волкова Е.В., Лопатина О.А. Некоторые итоги изучения неолитической керамики археологических культур Нижнего Приамурья // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. СПб. : Изд-во ИИМК РАН, 2016. С. 62–63.

Maggetti M. Phase Analysis and its Significance for Technology and Origin // *Archaeological Ceramics*. Smithsonian Institution. Washington, 1982. Pp. 121–133.

References

Drebushchak V.A., Myl'nikova L.N., Drebushchak T.A., Boldyrev V.V., Molodin V.I., Derevyanko E.I., Myl'nikov V.P., Nartova A.V. Fiziko-khimicheskoe issledovanie keramiki (na primere izdeliy perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku) [Physical and Chemical Study of Ceramics (on the Example of Transitional Time Products from the Bronze to the Iron Age)]. Novosibirsk : Izd-vo SO RAN, 2006. 98 p. (Integratsionnye proekty SO RAN, vyp. 6) [Integration Projects of SB RAS, Issue 6].

Zhushchikhovskaya I.S. Petrografiya v izuchenii drevney keramiki Dal'nego Vostoka: voprosy metodiki [Petrography in the Study of Ancient Ceramics of the Far East: the Questions of Methodology]. Aktual'nye problemy arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka [Topical Problems of the Archaeology of Siberia and the Far East]. Ussuriysk : Izd-vo Ussuriyskogo gos. ped. in-ta, 2011. Pp. 72–81.

Zhushchikhovskaya I.S., Zalishchak B.L. Voprosy izucheniya syr'ya i formovochnoy massy drevney keramiki yuga Dal'nego Vostoka [Questions of Studying of Raw Materials and Molding Mass of Ancient Ceramics in the South of the Far East]. Drevnyaya keramika Sibiri: tipologiya, tekhnologiya, semantika [Ancient Ceramics of Siberia: Typology, Technology, Semantics]. Novosibirsk : Nauka, 1990. Pp. 144–157.

Medvedev V.E., Filatova I.V. Rezul'taty petrograficheskogo analiza keramiki rannego kompleksa malyshevskoy neoliticheskoy kul'tury (Nizhnee Priamur'e) [Results of Petrographic Analysis of Ceramics of the Early Complex of Malyshev Neolithic Culture (Lower Amur Region)]. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya" [Izvestiya of Irkutsk State University. Series "Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology"]. 2015. Vol. 13. 2015. Pp. 26–38.

Medvedev V.E., Filatova I.V. Neoliticheskie komplekсы u sela Sheremet'ovo (po materialam issledovaniya 1958–1959 gg.) [Neolithic Complexes near the Village of Sheremet'ovo (based on Research from 1958 to 1959)]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. T. XXII [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXII]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2016. Pp. 118–121.

Medvedev V.E., Tsetlin Iu.B. Novye dannye o keramike nachal'nogo i rannego neolita Nizhnego Priamur'ia [New Data on the Ceramics of the Early and Early Neolithic of the Lower Amur Region]. *Evrasiia v kainozoe. Stratigrafiia, paleoekologiya, kul'tury*. Vyp. 3 [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleocology, Culture. Issue 3]. Irkutsk : Izd-vo IGU, 2014. Pp. 77–83.

Medvedev V.E., Tsetlin Iu.B. Novye dannye o rannem goncharstve v malyshevskoi neoliticheskoi kul'ture Dal'nego Vostoka [New Data on Early Pottery in the Malyshev Neolithic Culture of the Far East]. *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. T. XXI [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXI]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhologii i etnografii SO RAN, 2015. Pp. 112–115.

Tsetlin Iu.B., Medvedev V.E. Keramika mariinskoi kul'tury Nizhnego Priamur'ia [Ceramics of the Mariinskaya Culture of the Lower Amur Region]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2014. №4. Pp. 30–40.

Tsetlin Iu.B., Medvedev V.E., Volkova E.V., Lopatina O.A. Nekotorye itogi izucheniia neoliticheskoi keramiki arkhologicheskikh kul'tur Nizhnego Priamur'ia [Some Results of the Study of the Neolithic Ceramics of the Archaeological Cultures of the Lower Amur Region]. *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki* [Traditions and Innovations in the Study of Ancient Ceramics]. SPb. : Izd-vo IIMK RAN, 2016. S. 62–63.

Maggetti M. Phase Analysis and its Significance for Technology and Origin // *Archaeological Ceramics*. Smithsonian Institution. Washington, 1982. Pp. 121–133.

V.E. Medvedev, I.V. Filatova

MINERAL STRUCTURE OF CERAMICS OF MALYSHEVSKAYA NEOLITHIC CULTURE (the Lower Amur Region)

The article introduces the results of the analysis of the mineral composition of ceramics of the early complex of Malyshevskaya culture. The fragments of 40 vessels from five sites of the southwestern part of the Lower Priamurye – Malyshevo-1, Gasia, Gosyan, Amursky Sanatoriy, Sheremetyevo-I, settlement 8 were studied by means of x-ray diffraction. The analysis revealed that all samples basically contained the same set of mineral phases: quartz, micaceous minerals and feldspars. The diffractometry data were compared with the results of petrography of the same samples that were obtained earlier. Quartz and hydromica are the dominant components of raw clay. The basis of non-plastic mineral inclusions was quartz and feldspars (plagioclases). Comparison of the results of x-ray analysis and petrography made it possible to mark some features in the pottery traditions of the early complex of Malyshevskaya culture of the southwestern part of the Lower Amur region: the use of local clays similar in mineral composition; the use of sand as a mineral admixture. The main conclusion of the article states that the Early Neolithic Malyshevskaya ceramics from the investigated sites is basically similar in mineral composition.

Key words: Lower Priamurye, Neolithic, ceramics, physical and chemical investigations, mineral composition.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 902.2(574)

А.З. Бейсенов¹, М.В. Бедельбаева²

¹*Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК,
Алматы, Республика Казахстан;*

²*Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском
государственном университете им. академика Е.А. Букетова,
Караганда, Республика Казахстан*

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ БЕТПАКДАЛЫ*

В статье даны некоторые обобщения результатов историко-археологического исследования пустынного региона Казахстана – Бетпакдалы. Приводится краткий анализ письменных источников XIX в. В том числе привлечены малоизвестные архивные документы из фонда А.И. Шренка, который хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. Коллекция артефактов А.И. Шренка находится в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (г. Санкт-Петербург).

Авторы последовательно рассматривают историю археологического изучения памятников региона, а также приводят результаты собственных исследований. Значительные концентрации археологических памятников обнаружены главным образом в северной полосе Бетпакдалы. В западной части отмечается район р. Байконыр, где открыты большие скопления петроглифов и других памятников. В Северной Бетпакдале в настоящее время возобновлены археологические исследования памятников бассейна реки Атасу.

Ключевые слова: Бетпакдала, архив, караванный путь, памятники археологии, палеолит, неолит, эпоха палеометалла.

DOI: 10.14258/tpai(2017)3(19).-10

Своеобразное низкорельефное плато Бетпакдала представляет собой пустынное пространство, протянувшееся от западного побережья оз. Балхаш до низовьев р. Сарысу, ограниченное на юге долиной среднего и нижнего течения р. Шу, а на севере – высокими и расчлененными территориями Казахского мелкосопочника.

Веками через Бетпакдалу проходили караванные пути, соединявшие север, Сарыарку, и юг, Сырдарью. Бетпакдала – большой по территории регион, который археологически еще полностью не пройден. В начале этого пути был А.Х. Маргулан, который, по-видимому, много раз пересекал всю протяженность Бетпакдалы. Это было связано с временем ранней поры деятельности возглавляемой им Центрально-Казахстанской археологической экспедиции (ЦКАЭ), начавшей свои работы в далеком 1946 г. Его археологическая «полупортка» с нехитрым оборудованием пересекала всю Бетпакдалу, начиная от р. Чу. Касательно своего маршрута, проложенного по древним караванным путям, и памятников, увиденных по пути, А.Х. Маргулан [1948, с. 53–60; 1950а, с. 61–72; 1950б], замечательный и редкий знаток многих местностей и регионов, писал в ряде статей. Основные археологические исследования А.Х. Маргулана в северной части Бетпакдалы (по современной терминологии) были следствием того впечатления, которые произвели на него памятники района р. Атасу. Увидев их в конце

* Работа выполнена в рамках гранта «Культура населения Бетпакдалы в эпоху палеометалла».

1940–х гг., он в 1955 г. заложил первый раскоп на поселении Атасу – на памятник его вывели рассказы местных аксакалов о «древнем заводе»*, на территории которого находят много кусков металла. Исследования были продолжены и привели к открытию многочисленных памятников эпохи бронзы, что было связано (помимо А.Х. Маргулана) с именами М.К. Кадырбаева, С.М. Ахинжанова, Ж. Курманкулова и ряда других ученых (об исследованиях на Атасу подробнее см.: [Бейсенов, 2015а, с. 40–47; 2015б, с. 111–122; Бейсенов и др., 2014]).

Среди известных по печатным работам авторов достоин особого упоминания один человек, оставивший краткое, но яркое этнографическое описание Бетпақдалы – поэт, писатель, выдающийся политический деятель Казахстана начала – 1-й трети XX в. Сакен (Садуакас) Сейфуллин (1894–1938 гг.). В книге «Тернистый путь» [Сейфуллин, 1977] он описал свой переход через Бетпақдалу, используя прекрасное знание быта народа, свою наблюдательность и блистательное писательское мастерство. Рассказ, переданный на казахском языке, к сожалению, по ряду причин, главным образом по политическим мотивам, не был замечен специалистами.

Учитывая этнографический и малоизвестный характер работы, считаем уместным привести некоторые особенные моменты этого произведения. Как рисует С. Сейфуллин свою поездку через Бетпақдалу? Осенью 1919 г. на десяти верблюдах небольшое кочевье – попутчики Сейфуллина – везет юрты и скарб четырех семей. Впереди едет на коне пожилая женщина, «жена начальника аула», рядом, параллельно с кочевьем, гонят скот молодые пастухи. Попутчики, которых писатель окрестил «мадибеками», «мадибековцами» (от Мадибека, его брата Батырбека и других их родственников), охарактеризованы как истые сыновья и знатоки Бетпақдалы. Являясь представителями родовой группы, они «зимуют на Чу, а летуют в районе Сарысу». Эти люди настолько привыкли жить в своей родной среде обитания, что «в Бетпақдале ночью не заблудятся... и найдут воду». Торопясь застигнуть «хвоста» впереди уехавшего кочевья, люди изучают места остановок, наткнувшись на остатки потухшего костра, вожатый, после непродолжительного обследования золы, определяет, что люди были давно, «огонь жгли несколько дней назад». На месте отдыха и ночлега готовят на быструю руку горячую мучную похлебку – «ун коже» [Сейфуллин, 1977, с. 351, 352]. Народ Бетпақдалы другой, несколько особый, более мобильный, адаптированный к среде обитания, юрты у них поменьше.

В характеристике «безлюдной», «безводной», «невзрачной», «голой», «плоской» и суровой Бетпақдалы писатель мастерски прибегает к приему своего рода противоречия: несмотря на все эти эпитеты, на протяжении повествования никак не создается образ пустой и безжизненной Бетпақдалы. Там жизнь бьет ключом. В одном ауле, встреченном на пути, беркут напоролся на матерую лису и повредил лапу. В другой юрте породистая, гордая тазы лежит, «положа голову на передние лапы» и «слушая» беседу людей под негромкие звуки домбры – попеременно глядя «то на хозяина, то на его жену, то на писателя». Хозяин тазы, молодой бодрый джигит, однажды поймал барантача-угонщика чужих лошадей, которого, связав, поручил жене, снабженной

* В 2015 г. мы стали свидетелями того, что площадь поселения эпохи бронзы Атасу местные жители и поныне продолжают называть «заводом». Спустя 60 лет после первых раскопок А.Х. Маргулана (1955 г.) жители зимовки Мыржык при беседе уточняли, «будем ли мы копать сам «завод» (прим. А.Б.).

большим ножом, а сам поскакал за подмогой. Жена, которой вменялось «немедленно резать» злодея при малейшем признаке попытки освободиться, бодро держалась и дождалась его, слушая, как похваливает ее муж по поводу данного события, ведет себя «просто и безмолвно», с чувством собственного достоинства – «крепкая, «умная», «22–23 лет». Джигит рассказывает о том, как он слушал печальный кобыз у самого Ихласа*, потерявшего сына, трагедия и горечь отца тонко передается в неторопливом рассказе степняка. В другой юрте человек, которого называют «волостным», показывает «удостоверение», прибывшее из «дуана» (от «диван», в данном случае «город, присутствие, место пребывания власти». – А.Б., М.Б.) и подтверждающее его должность. Сейфуллин читает бумагу. Попросив читать громче, хозяин при русских словах надменно взирает на собеседников-аульчан. Те молчат, кто просто, а кто с хитринкой. Бумага оказывается каким-то распоряжением некоего неизвестного судьи, выданным неизвестно кому и когда, но отец не говорит об этом собравшимся. «Волостной» собирает разные простецкие подарки, чаще куски мяса – дань от своего народа, который не отказывает ему в этом. Сына своего, простоватого, мешковатого парня, величает «батыром». Но вскоре выясняется, что вроде бы и сам народ не считает его волостным, как не считает батыром его сына, как не считает «редкими скакунами» его обычных, довольно слабых двух коней. Одним словом, тут ненавязчиво и туманно предлагается уловить этакий тонкий нюанс, степной шарм, точного названия которого не существует.

Ближе к р. Чу усиливается холод. С. Сейфуллин [1977, с. 375] упоминает интересное событие – ложась спать в юрте, утром обнаруживает у себя на лбу и волосах слой снега. Дано буквально в нескольких словах, мастер хочет и читателю оставить работу. И не подводит его этот прием: воображение запросто рисует казахов-бетпакадалинцев осени 1919 г., которые встали после сна, отряхнули с одежды и лица снег и дальше занимаются делом. Наряду с «горячей мучной похлебкой», эпизодом обследования золы потухшего костра и другими многими, предельно краткими этнографическими штрихами имеется также довольно интересное описание перехода через лед р. Чу. Вереница людей, спешившись, ведя коней на поводьях, медленно ступают по льду. Суюндык-батыр идет впереди с айбалтой в руке, которой часто постукивает по льду. Каждый на подоле чапана держит навоз, землю, что нужно сыпать позади себя в узкую ленту-полоску. Это для коней, чтобы не поскользнулись, да и бояться степные кони голого и блестящего молодого льда, который, к тому же, то и дело потрескивает, усиливая страхи людей и их верных спутников [Сейфуллин, 1977, с. 376]. Завершив дела за р. Чу, группа возвращается назад той же дорогой, переходит так же покрытую льдом реку. На этом, своем, берегу, посмотрев назад, Суюндык производит выстрел в небо из винтовки. «Чтобы враги боялись», – отвечает он на вопрос С. Сейфуллина.

Рассказ писателя С. Сейфуллина поневоле подтверждает мнение А.Х. Маргулана и ряда других исследователей о Бетпакадале. Словно мост, соединяя север и юг, Бетпакадала, тем не менее, не была пустой, абсолютно безжизненной землей. Там всегда обитал особый народ – «бетпакадалинцы». Картина, которую хотел показать писатель, несомненно, ценна для специалиста, интересующегося этим регионом.

* Ихлас (Ыкылас) Дукенулы (1843–1916) – казахский народный композитор, один из основателей школы традиционного кобыза в конце XIX в., уроженец Жанаркинского района Карагандинской области (прим. А.Б.).

С. Сейфуллин формально указывает на «неизведанность», «незнакомость» Бетпакдалы, прибегая к тому же писательскому приему. Но вот, прекрасно рисуя природу региона, быт и нравы «бетпакдалинцев», людей одновременно простых и возвышенных, сильных, крепких телом и духом, писатель наполняет Бетпакдалу такими красками, что невозможно не заметить – он знаток этой земли, он любит этот край! Из биографических сведений писателя известно, что он родился и вырос на самом северном краю Бетпакдалы, в черте исторического «Ортага и Кертага», отождествляемого А.Х. Маргуланом, Ж.Е. Смаиловым с районом гор Ортау и Кызылтау [Смаилов, 2015]. В стихотворении «Аксак кийк» («Хромая сайга») С. Сейфуллин приводит мнение о том, что «ширина Бетпакдалы – восемь кочевых переходов», и тут же добавляет, что они «не раз пересекали кочевьем» ее. Поэт вряд ли имеет в виду полные научные масштабы географической провинции, тем более в современных, очерченных специалистами представлениях. Скорее, «восемь переходов» занимало расстояние кочевого пути его семьи, родственников. Надо полагать, этот «переход» должен был начинаться с района горы Ортау – родных мест писателя. Но, в любом случае, это несколько сотен километров. Следует отметить, что данное расстояние в «восемь переходов» является единственным данным* этнографического характера, высказанным по поводу протяженности Бетпакдалы с севера на юг. Но вот что характерно и для С. Сейфуллина, и для А.Х. Маргулана: оба они Бетпакдалой называли земли, лежащие южнее бассейна реки Атасу.

* * *

В течение многовековой истории древние племена использовали все возможности хозяйственно-культурного освоения этой суровой пустыни, называемой в русских источниках «Голодной степью». Архивные материалы и публикации путешественников XIX в. содержат подробную информацию о караванных путях и их многочисленных ответвлениях, проходивших по степям Центрального Казахстана и связывавших этот регион через Бетпакдалу с оседло-земледельческими оазисами в бассейне реки Сырдарья. Сведения, содержащиеся в записях и дневниках русских исследователей, позволяют создать общую схему маршрутов передвижения в системе кочевого хозяйства казахов, реконструировать пути сообщения, в ряде случаев способствуют локализации археологических памятников.

Одно из первых упоминаний о Бетпакдале сохранилось в «Журнале похода подпоручика и атамана Д. Телятникова в Ташкентию с описанием пути, местоположения и прочего, описанного сержантом А. Безносиковым» (май 1796 г. – июнь 1797 г.). Их сообщение о передвижении от Иртышской линии из Семипалатинска через Верный до городских центров Средней Азии предлагает кратчайший путь через Голодную степь. Они упоминают об урочище Тамгалы, «...из коего истекает ключ пресной воды», расположенном на западной окраине пустыни Бетпакдала, которое впоследствии стало известным благодаря камню Тамгалытас с надписями и древними изображениями знаков [Путевые дневники..., 2007, с. 159].

* Кто-кто, но А.Х. Маргулан должен был знать о посвященном Бетпакдале отрывке книги С. Сейфуллина. Говоря о «политических мотивах», здесь следует учитывать немаловажный факт, связанный с трагической судьбой С. Сейфуллина, расстрелянного как «врага народа» в годы репрессии. Археолог А.Х. Маргулан, который и сам нередко попадал в поле зрения органов, не мог использовать работы репрессированного деятеля.

Поездку в Среднюю Азию в 1813–1814 гг. совершил Филипп Назаров – переводчик тюркских языков при командире Отдельного Сибирского корпуса. Этот маршрут пролегал из Омска через Петропавловск и далее через Бетпакадалу в Ташкент и Коканд.

В путевых записях М.С. Пospelова и Т.С. Бурнашева (соответственно, чиновника и горного офицера ведомства Колывано-Воскресенских горных заводов, которые в 1800 г. возглавили посольство в Ташкент, направленное по просьбе Ташкентского владельца Йунус-ходжи для оказания помощи в разработке местных природных богатств) представлено описание караванных путей. Путь их лежал из Ямышевской крепости к р. Нуре и далее через Бетпакадалу в Ташкентские владения. Вот как об этом писал А.И. Левшин [1996, с. 101–102], используя материалы посольства, частично опубликованные в Сибирском вестнике в 1818 г.: «Из Семиарского форпоста до Ташкенда г. Пospelов и г. Бурнашев в 1800 г. шли следующим путем: через горы Ку-Казлык, находящиеся от Иртыша в 170 верстах, через горы Каркаралы, до которых от Ку-казлыка верст 80, через реку Нуру, лежащую в 160 верстах от гор Каркаралы, через реку Сарасу и горы Кок-Томбак, отстоявшие от Нуры в 460, а от Иртыша в 770 верстах. За сими горами следует бесплодная степь Битпак, простирающаяся от реки Цуя (река Чу. – *А.Б., М.Б.*) на 180 верст. Через Цуй путешественники переправились на связках камыша и, пройдя еще верст 50 по безводной песчаной степи, достигли озер Каракуль, за коими уже начинается Ташкентское владение. Путь сей представляет великие неудобства».

Более полное издание путевых записей М.С. Пospelова и Т.С. Бурнашева было подготовлено ученым-востоковедом, членом Императорского Русского географического общества Я.В. Ханыковым. Основная информация содержит характеристику территории и населения Казахстана, включая и информацию о Голодной степи [Ханыков, 1851, с. 1–56].

Так было положено начало изучению степей Центрального Казахстана, первоначально подчиненное прагматичным военно-политическим целям и включающее описание маршрутов для продвижения военных отрядов, физико-географическое и геологическое исследование, выявление основных черт орографии, составление описей, послуживших основой для составления карт.

Первое научное обследование территории Центрального Казахстана и Бетпакадалы было проведено экспедицией А.И. Шренка. Опытный путешественник, приват-доцент геологии и минералогии Дерптского университета, «ботаник для путешествий» Ботанического сада Академии наук России, 200-летие со дня рождения которого исполнилось в 2016 г., провел основательные зоогеографические и метеорологические исследования. В 1840–1843 гг. А.И. Шренк путешествовал по Ишимским, Улугауским и Сарысуйским степям, пересек пустыню Бетпакадала, обследовал низовья рек Чу и Сарысу, продвигаясь традиционными путями кочевников через внутренние районы. Широкий предметно-тематический диапазон информации, охватывающей самые разнообразные аспекты материальной и духовной культуры кочевников, отличает архивные записи академика. В их содержании отмечается целый ряд достоверных деталей по известным историческим фактам («Историческое повествование новейшим происшествиям в Киргизской степи», «История разорения Ташкентского укрепления в Улытавских горах» и др.), описание быта, общественных отношений. Во время своих экспедиций известный ботаник неоднократно упоминал о местных историко-культурных

и архитектурных памятниках, древних поселениях, чудских могилах, составив краткое их описание. Особое внимание уделялось курганам, каменным изваяниям, мавзолеям и гробницам.

Большая часть дневниковых записей А.И. Шренка, сделанная во время путешествий по Казахстану, написана на немецком языке (старонемецкий диалект) и до сих пор не переведена. Это блокноты небольшого формата или тетрадные записи, выполненные чаще карандашом, которые читаются с трудом из-за особенностей «бисерного» почерка автора и плохой сохранности, поскольку прошло уже более 170 лет со времени их написания. Они хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Архив А.И. Шренка, включающий 54 единицы хранения, помимо его рукописей и дневников содержит записи и чертежи геодезиста-топографа, преподавателя Омского кадетского корпуса Нифантьева, топографа Соболева, переводчика Фролова и урядника Лобанова, которые участвовали в его экспедиции [Архив РАН. Ф. 317. Оп. 1. Д. 1–54].

Ниже приведен перечень документов, с которыми непосредственно ознакомились авторы.

- Путешествие по Зоонгорской и Киргизской степям в 1840–1843 гг. (221 лист);
- 3-е путешествие в 1842 г. (307 листов);
- путешествие в среднюю Киргизскую степь в 1842 г. (173 листа);
- путешествие в Центральную (среднюю) Киргизскую степь в 1843 г. (94 листа);
- Улытауская горная группа в своем топографо-географическом положении (17 листов) – на немецком языке;
- заметки по топографии и этнографии (30 листов);
- заметки исторического содержания (23 листа);
- коллекция древностей с Алтая и из Зоонгорской, Киргизской степи (11 листов);
- дневник толмача Фролова 1840 г. (17 листов);
- «Описание юго-западной части Голодной степи 1841 г.» составлено при Генеральном штабе Сибирского корпуса по расспросам урядника Лобанова в 1841 г. (23 листа);
- «Топографическое описание южной части Киргизской степи 1843 г.» составил топограф Нифантьев (51 лист);
- путевой журнал топографа 2 класса Соболева и «Путевой журнал от р. Баскана до Каркаралов 1843 г.» (17 листов).

В дневниках А.И. Шренка, датируемых 1840–1843 гг., встречаются описания архитектурных памятников и древних поселений. Согласно дневнику с марта по сентябрь 1842 г. маршрут экспедиции пролегал через Петропавловск, Кокчетав, реку Ишим, Атбасар, реку Терсаккан, горы Арганаты, Улутау, реки Жезды, Каражар, Сарысу, Жетыкунур, Чу и обратно. Таким образом, путешественник пересек Бетпакдалу дважды.

Например, дневниковые записи от 14 мая 1843 г. содержат описание развалин мавзолея Урмамбета; запись от 16 июля дает характеристику гробницы Катуш-хана и других архитектурных памятников на реке Жезды-Кенгир; записи от 21 июля – архитектурные памятники, расположенные вдоль рек Кара-Кенгир и Каражар; далее идет описание мавзолея Айбитбулата; дневниковые записи от 21 августа – гробницы Талмас-ата и Болган-ана. А.И. Шренк привел легенды и отметил наличие в Киргизской степи множества памятников: могилы с «каменными бабами», «писаницы» на камнях и др., а также установил определенное своеобразие курганных могильников.

В документе под номером 47 «Описание юго-западной части Голодной степи» (составлено при Генеральном штабе Сибирского корпуса по расспросам урядника Лобанова в 1841 г.) представлена информация о песках, урочищах с перечислением зимовок, описаны караванные пути и существующие дороги, указаны типы водопользования, как естественные (реки, озера, ключи, снега), так и искусственные (колодцы). О Бетпакдале автор пишет следующее: «Голодная степь – название свое сохраняет в смыслах сих только посредством песков Кара-Кумь и Арысь-Кумь на юго-западе тянется потомъ на восток неширокой полосой верст в 80. Между озера Теле-Куль-тата, речкой Чуй, первыми Ташкентскими укреплениями, расположенными по Сырь-Дарье и горами Кара-тау, далее къ востоку она расширяется, как и на западе оною Аральского моря; переходит Чуй и даже достигает в некоторых местах до реки Сары-Су. Самое узкое место... на всем протяжении прямо устье реки Чуй Ташкентского города Акъ-Мечеть, выстроенного на правом берегу Сыр-Дарьи, против озера Теле-культа, къ которому собираются торговые пути съ Сибирской и Оренбургской линии для перехода через нее; от оною озера торговцы достигаютъ въ 20 часовъ Акъ-Мечети и в 5 дней через Каратау Азрета или Туркестана и следуют далее в Бухарию, Ташкент и Кокантъ» [Архив РАН. Ф. 317. Д. 47].

Там же содержится одно из первых описаний петроглифов Тамгалыгас: «Обе эти речки (Чу и Сарысу. – *А.Б., М.Б.*) не доходя устья около 80 верст впадаютъ одна къ другой мысами, которые известны под именем урочищъ: Бишь Кулань и Тамгалы-Джарь: урочища эти знаютъ все Киргизы; первое на реке Чуй, по могиламъ и обряду Кулань-уткули, а второе по крутому берегу, примыкающему к Сары-Су с левой стороны, на котором с незапамятныхъ времен хранится камень съ изображеньемъ на немъ до 500 тамговъ (печатей) прежних обитателей степи» [Архив РАН. Ф. 317. Д. 47].

Важным результатом экспедиции, возглавляемой А.И. Шренком, стали барометрические и термометрические наблюдения, вычисление высот, описание топографо-географического местоположения многих географических объектов и уточнение их местных названий. Так, в «Дневнике толмача Фролова» приведены традиционные народные топонимы, например, горы Тюлькули (Лисьи), Теректы (Тополевая) и др.

Таким образом, не изученный ранее малонаселенный район Бетпакдалы впервые получил всестороннее описание, соответствующее уровню развития науки того времени. Коллекция горно-каменных пород, информация о фауне «Киргизских степей», сведения по ботанике и коллекция видов растений, собранных во время путешествия (например, открытие неизвестного науке вида цветов, получившего название «тюльпан Шренка»), свидетельствовали о широте научных интересов как руководителя экспедиции, так и его спутников.

Несомненный интерес представляет коллекция артефактов А.И. Шренка, которая хранится в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (г. Санкт-Петербург). Она включает представительную серию каменных и бронзовых орудий труда, бытовой утвари и других предметов старины*. Археологические находки дополняют сохранившиеся рукописные дневники А.И. Шренка с описанием и альбом с рисунками артефактов, выполненный Н. Могилянским, который регистрировал находки в 1900 г. На обложке инвентарной книги написано: «По местонахождению предметы принадлежат Киргизской

* Авторы выражают благодарность к.и.н. С.В. Бельскому – научному сотруднику отдела археологии МАЭ им. Петра Великого РАН за предоставленную возможность ознакомиться с коллекцией №35.

степи, Алтайскому округу и Джунгарии». С.С. Черников их целиком относил к Восточному Казахстану. Однако, как считал А.Х. Маргулан [1979, с. 13], пребывание А.И. Шренка на Верхнем Иртыше нигде не зафиксировано, поскольку тогдашний генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков разрешил ему проезд лишь до оз. Алакуль.

Судя по архиву и материалам этой коллекции, в поле зрения академика попали не только «чудские» курганы, но и стоянки эпохи камня, горные выработки, городища. Находки были им описаны и первично интерпретированы, что свидетельствует о неподдельном интересе А.И. Шренка к древней истории. К сожалению, отсутствует точное указание местонахождения памятников, из которых найдены эти вещи, что снижает их значимость для науки.

Коллекцию можно условно разделить на несколько категорий:

- изделия каменной индустрии мезо-неолитического облика – отщепы, пластины с ретушью, скребки из серого, желтого, черного, светлого яшмо-кварцита, халцедона и кремня;
- каменные орудия труда эпохи бронзы – песты, рудотерки;
- фрагменты керамики;
- изделия из кости – наконечники стрел, пряжка;
- орудия труда и оружие из бронзы – наконечники стрел, долота, ножи, секиры, кайло, удила, тесло;
- украшения и изделия из бронзы и металла желтого цвета – кольца, серьги, бляхи, амулеты (фалары), подвески;
- металлические орудия труда и оружие – копье, наконечники стрел, ножи, хозяйственная утварь (сошник, сито).

Часть предметов к настоящему времени утеряна. Например, «секира бронзовая за №14», имеющая прямые аналогии в инвентаре карасукской культуры, была разбита при переноске, что отметил В.И. Каменский, работавший с артефактами в 1909–1911 гг. Ряд артефактов (песты, яйцевидный предмет, плитка для отливки металла и др.) были обнаружены в Кокпектинском уезде; в местности Сарыбулак – крышка для отлива тигеля, «золотое массивное кольцо, найденное в недрах чудской могилы», бронзовый плоский нож с «глубины в 4 аршина», маленькая бронзовая секира (тагарская культура) или плоский бронзовый наконечник копья из Киргизской степи. Как справедливо полагал академик А.Х. Маргулан, такое значительное количество металлических изделий не могло быть собрано экспедицией А.И. Шренка только на поверхности земли. Очевидно, что исследователь производил и археологические раскопки в Казахстане, в том числе и в Бетпакдале, о чем в ряде случаев свидетельствует указание глубины залегания находки, представленное в архивной описи.

Хотя изложенные А.И. Шренком сведения исторического характера фрагментарны, а найденные им артефакты недостаточно документированы, все же собранные и сохраненные им материалы являются ценной иллюстрацией к реконструкции историко-археологической карты Бетпакдалы. Дальнейшее изучение архивных документов из наследия А.И. Шренка, а также археологические исследования в данном регионе могут быть результативными в сравнении имеющихся материалов с известными синхронными памятниками. Имея полную версию переведенных на русский язык документов из архива академика, необходимо систематизировать, обработать и издать этот ценный источник по археологии, исторической географии, ботанике, этнографии.

Во 2-й половине XIX в. Министерство земледелия Российской империи проявляла инициативу в проведении широких естественно-исторических исследований Казахстана с целью усиления колонизации края. Ежегодные экспедиции по «киргизскому землепользованию» собирают подробные статистико-экономические данные, необходимые для выделения переселенческих участков. Однако мелкомасштабными геологическими маршрутами была изучена лишь небольшая часть Голодной степи. Топографическая съемка в Бетпакдале, как и во всем Казахстане, проводилась схематически, вдоль караванных путей. Маршруты этих дорог с описаниями условий их прохождения представлены в 18-м томе монументального труда «Полное географическое описание нашего Отечества», изданном под общей редакцией В.П. Семенова при участии крупного ученого и знатока казахской истории и этнографии А. Букейханова [Полное..., 1903].

Полевые географические и топографические исследования части южных районов Казахстана, в том числе р. Чу и пустыни Бетпакдала, были проведены геодезистом Ю.А. Шмидтом в 80-х гг. XIX в. Он заинтересовался камнем с надписями Тамгалытас и представил его описание: «Камень этот принадлежит к песчаникам, величиною в 3 кубические сажени, с высеченными на нем клинообразными иероглифами и цветными лоскутками, которыми киргизы украсили окружающие камень кусты боялыша; обычай этот перенят от монгольских народов и выражает собою жертвоприношение за благополучный переход пустыни; рядом находится обширное киргизское кладбище» [Шмидт, 1894, с. 59–60].

Описания памятников Бетпакдалы имеются в ряде статей А.Н. Стасевича [1909], П.В. Степанова [1902], Д.Б. Севастьянова [1912, с. 19–20] и др.

Таким образом, к началу XX в. наука располагала разрозненными и довольно отрывочными упоминаниями об археологических памятниках центральной части Казахстана в целом и Бетпакдалы в частности. Эти данные собирались параллельно с основной работой исследовательских экспедиций. Но уже тогда на основании опубликованных и неопубликованных письменных источников, а также картографических данных и полевых материалов обоснованно можно было говорить о заселении Бетпакдалы с древности. Подтверждение и научная аргументация этого были получены в ходе деятельности целого ряда научных специализированных экспедиций уже в годы советского строительства.

20–40-е гг. XX в. – время активных геологических и агро-экономических исследований в регионе. К.И. Сатпаев, проводивший в эти годы полевые изыскания в Центральном Казахстане, обнаружил ряд археологических объектов, свидетельствующих о том, что в Бетпакдале есть множество доисторических памятников. Опубликованные им новые данные востребованы специалистами и не потеряли своей актуальности [Архив ИИАЭ АН, 1946, №С–100–Б]. Гидрологические изыскания источников водоснабжения, биолого-зоологические и орнитологические наблюдения пустыни Бетпакдала ставили целью освоение земель и введение их в сельскохозяйственный оборот. Разветвленные исследовательские маршруты экспедиций, которые проводились под руководством Д.И. Яковлева, Я.Л. Абрамовича, Ф.И. Зенковича, встречали на своем пути исторические памятники и упоминали о них в научных отчетах.

В 1931 г. экспедицию с целью сбора материала по палеонтологии, зоологии и ботанике организовал Центральный музей Казахстана во главе с его директором А.С. Махониным. Они частично обследовали и Бетпакдалу, продвигаясь на 150 км вглубь северной границы пустыни.

Большой объем данных по Бетпакдале был собран комплексной экспедицией Среднеазиатского государственного университета (САГУ), организованной при поддержке и Казахстанского филиала Академии наук (1933–1935 гг.). В состав экспедиции входили зоолог, ботаник, почвовед, геодезист, художник и рабочие. Материал был систематизирован руководителем экспедиции В.А. Селевиным в целом ряде научных и популярных статей. Маршрут 1935 г. проходил по древним караванным путям Бетпакдалы – Тасбулакжол и Ханжол. Основные археологические находки экспедиции, сделанные на западной окраине Бетпакдалы (долина реки Бокты-Карын, колодец Уванас, урочище Кендерлык), представляли собой характерный микролитический инвентарь, аналогичный орудиям позднего неолита и энеолита. В сопках Кыз-Ельчик (Кыземшек?) экспедиция зафиксировала «кольцевые курганы», которые невозможно было датировать без раскопок, а также рудные выработки и шлаки в урочище Кокирюм в горах Домбралы-Тау, которые свидетельствовали о плавке металла. Археологические артефакты и собранный подъемный материал были переданы для обработки археологу М.Е. Массону [Селевин, 1935, с. 3–4].

«Археологическое изучение пустыни Бетпак-Дала находится еще в стадии зарождения», – писал в середине прошлого века известный археолог Л.Р. Кызласов [1950]. Анализируя имеющиеся данные, он сделал вывод о постоянном со времени верхнего неолита обитании там охотничьих племен, хорошо приспособленных к суровым природным условиям пустыни. Находки эпохи бронзы Бетпакдалы, которые анализировал Л.Р. Кызласов, представлены небольшим количеством подъемного материала, собранного экспедицией САГУ, а также опубликованными А.В. Мухля предметами (фрагменты керамики, железные ножи, наконечники стрел), найденными на месте строительства метеорологической станции (в районе колодцев Кошагинской котловины). Наконечник стрелы с уступом у черешка Л.Р. Кызласов датировал VI–IX вв. н.э. В статье представлено подробное описание и интерпретация петроглифов Сарыбулакской писаницы, обнаруженной исследователем в 1948 г. [Кызласов, 1950, с. 139–143].

Планомерное и специализированное научное исследование памятников Бетпакдалы получило импульс благодаря академику А.Х. Маргулану, который в 1946 г. возглавил ЦКАЭ. В этот период отмечается значительный прогресс в полевых исследованиях археологических объектов региона. В засушливых и полупустынных районах Бетпакдалы системно фиксировались уже известные к тому времени памятники, активно открывались новые, что нашло отражение в Археологической карте Казахстана, изданной в 1960 г. [АКК, 1960]. Широкая разведка восточной Бетпакдалы выявила десятки местонахождений, мастерских и стоянок эпохи камня на левом берегу рек Сарысу и Жидели – Жаман Айбат-I–II, Айдарлы-I–II, Алатакыр-I–IV, Коскудык-I–VIII, Шыбынды-I–III, Аккудык-I–IV, что позволило получить материалы о процессе заселения этого района первобытными охотниками и собирателями [Маргулан, 1948, с. 53–60; 1950а, с. 61–72].

Обследованные в южной части Казахского мелкосопочника и на севере Бетпакдалы поселения, рудные разработки, могильники эпохи бронзы очертили южную границу распространения андроновской культуры. Исследования позволили установить ряд закономерностей в расположении поселений и могильников в этой природной зоне. На новом материале был определен уровень социального и хозяйственного развития

племен эпохи бронзы, охарактеризованы скотоводство, земледелие, горное дело и металлургия, домашние промыслы, строительство и искусство, что нашло отражение в целом ряде фундаментальных научных трудов [Маргулан, 1977; и др.].

В северной Бетпакдале археологические работы велись в Атасуском микрорайоне – крупнейшем в Центральном Казахстане ареале распространения памятников развитой и финальной бронзы. Раскопками были охвачены такие крупные памятники, как поселения Атасу-I-II, Акмустафа, Мыржык, Акмая, некрополи Сангыру-I-III, Атасу-I, Акмустафа, Мыржык-I-IV, Койшоки-I-IV, горные выработки Сарыбулак, Дарат (Жанбасконг), Огузтау. А.Х. Маргулан и М.К. Кадырбаев выявили мощный центр по добыче и переработке медной руды, который включал Северо-Бетпакдалинский горно-металлургический центр (ГМЦ), занимавший северную часть пустыни Бетпакдала и крайнюю юго-западную оконечность Казахского мелкосопочника. Исследованиями С.А. Берденова, В.А. Алексеева, Э.Ф. Кузнецовой установлено, что основу рудной базы Северо-Бетпакдалинского ГМЦ составляли месторождения Кенказган, Ефимовское и Мийкайнар. В 1989 г. отрядом ЦКАЭ были обследованы древние горные выработки на этих месторождениях. Установлено, что на поселениях Атасуского микрорайона в эпоху бронзы в огромных масштабах производилась плавка металла на местном сырье [Кадырбаев и др., 1992; Берденов, 1998, с. 180–190].

Исследования в области древнейшей истории региона проводились М.Н. Клапчуком, который впервые выделил здесь палеолитические памятники с находками галечной индустрии. В 1967 г. им были открыты эталонные памятники нижнего палеолита – местонахождения Жаман-Айбат-IV-V, расположенные возле одноименного хребта между песками Жетыконур на западе и пустынным плато Бетпакдала на юге. К мустьерскому времени отнесена открытая им на реке Сарысу стоянка Кызыжар-III, где среди находок встречены обломки дисковидных нуклеусов, короткие пластинки с параллельными краями, треугольные сколы с массивными основаниями и отщепы. Местонахождение Передержка-I-II датировано средним и верхним палеолитом [Клапчук, 1976, с. 176–190]. Небольшую коллекцию архаичных каменных изделий местонахождения Обалысай-I, аналогично орудиям местонахождения Борыказган, Танирказган из Южного Казахстана, он условно относил к концу нижнего – началу среднего плейстоцена. Коллекция из Музбеля условно датировалась М.Н. Клапчуком верхним плейстоценом и соотносилась со средним палеолитом Средней Азии (Кара-Бура). Исследователь предложил включить стоянки, находящиеся к северу от меридионального течения реки Сарысу, в одну культурную провинцию, занимающую большую часть севера Казахстана, предположив, что население указанного региона поддерживало тесную связь с южными соседями, что подтверждается общностью найденных орудий труда (трапеции, металлические шарики, треугольные мотыги и т.д.) [Клапчук, 1970, с. 217–240].

Усилиями М.Н. Клапчука неолит Бетпакдалы предстал более зримо. В ходе разведочных работ по реке Сарысу и северной окраине пустыни он открыл более четырех десятков археологических памятников, основная масса которых датирована неолитическим временем. Геологическое и топографическое изучение показало строгую закономерность в размещении местонахождений, обусловленную геологическим строением, устройством поверхности и палеоклиматическими факторами. В песках Голодной пустыни неолитические стоянки с немногочисленными археологическими находками расположены в котловинах выдувания на барханах, занимая, как правило, небольшую пло-

щадь и практические не имея культурного слоя. Например, в районе хребта Жаман-Айбат отдельные находки встречаются в самых неожиданных местах всхолмленной равнины, служившей ареной охоты первобытного человека на сайгу и джейранов.

Культурно-хронологическая атрибуция многих стоянок была установлена предварительно на основании анализа внешних топографических признаков и геоморфологического положения, сборов на поверхности каменных изделий и керамики. Позднее В.С. Волошин, анализируя каменный инвентарь этой коллекции, обратил внимание, что маловыразительные образцы изделий средней степени эоловой коррадированности (возможно, верхнеплейстоценовые) смешивались с более древним материалом, содержащим выразительные раннепалеолитические формы чопперов.

Осенью 1974 г. поисковый отряд Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции (ЮККАЭ, начальник экспедиции К.А. Акишев, начальник отряда А.К. Акишев) проводил разведку в западной Бетпакдале в районе р. Калмаккырган-Белеуты. Вдоль русла реки на отрезке в 20 км на первой надпойменной террасе были зафиксированы стоянка Белеуты-I и четыре местонахождения периода неолита. На второй надпойменной террасе были найдены несколько орудий палеолитического облика. А.К. Акишев [1976], анализируя результаты исследования в своей статье, отмечал, что для Бетпакдалы, как и для других аридных регионов Казахстана, характерен открытый или наземный тип стоянок, где на такырах и были сделаны основные находки. Это каменный инвентарь из мелкозернистого кварцита, темно-коричневого и коричневого кремня, пестрых яшмовидных кварцитов, кремнистых сланцев, серого и желтоватого халцедона. Найдено незначительное количество мелких фрагментов керамики без орнамента и украшения в форме диска. Материал Белеуты-I А.К. Акишев относил к неолиту и считал ее стоянкой-мастерской охотников, фиксируя сходство с инвентарем неолитических родниковых стоянок Северного Приаралья, бассейна реки Каратурсгай. Датировка памятника ранним этапом кельтеминарской культуры (конец IV – начало II тыс. до н.э.) сделана с оговоркой на архаичный облик форм орудий труда, выполненных в более древней традиции. Важен и вывод исследователя о том, что, несмотря на аридизацию климата и постепенное отмирание гидросети в пустыне Бетпакдала, это не означало перерыва в хозяйственном освоении пространства [Акишев, 1976, с. 54–60].

Активные работы на памятниках эпохи камня Центрального Казахстана, начатые М.Н. Клапчуком, продолжил его ученик В.С. Волошин, который вместе с ним участвовал в полевых исследованиях, будучи еще студентом. Целенаправленное и многолетнее изучение этих памятников позволило ему выделить территориальную группу раннепалеолитических стоянок юго-запада Сарыарки (Музбель-I–III, Обалысай, Джаркум, Когалайжар и др.). Галечный инвентарь стоянок Джаркум и Когалайжар он склонен считать древнейшими в Сарыарке. Анализируя весь культурный пласт памятников эпохи камня Казахстана, В.С. Волошин реконструирует в общих чертах заселение Сарыарки архантропами,двигающимися с юга на север – из Центральной Азии через хребет Каратау по широким аллювиальным долинам Шу-Сарысуиской депрессии [Волошин, 2003, с. 28–32].

В ходе разведок в северной части пустыни Бетпакдала в начале XXI в. был обследован памятник Азат-IV. Он приурочен к днищу аллювиальной долины эоплейстоцена. Археологический материал – бифасные и унифасные чопперы, архаичные нуклеусы

и др. (19 предметов), собранный на поверхности мелкого кварцитового галечника, исследователь относит к «продвинутой галечной индустрии раннего палеолита». Новый памятник Музбель-III, расположенный в 2,5 км к северу от Музбель-I, II, фиксирует тип изделий с наличием технических признаков леваллуа – наиболее развитой галечной индустрии раннего палеолита данной территории. Сбор инвентаря в Музбеле-I, II, насчитывающий сотни образцов галечных орудий, позволил выделить среднепалеолитическую и две раннепалеолитические серии, охватывающие очень большой временной отрезок: раннюю – без признаков техники леваллуа и позднюю с наличием таких признаков [Волошин, 2011, с. 157–163].

В 1983–1991 гг. отрядом археологической экспедиции Карагандинского государственного университета (КарГУ) предпринималось комплексное полевое исследование археологических памятников долины р. Байконур в западной части Бетпакадалы. Было обследовано свыше 160 археологических объектов различных исторических периодов, что свидетельствует о заселенности долины с древности [Новожинов, 2002, с. 8–10]. Впервые все археологические памятники долины реки, включая изобразительные, были нанесены на реальную топографическую основу (использовались данные аэрофотосъемки), подробно классифицированы, часть археологических объектов раскопана (неолитические стоянки, погребальные ограды эпохи бронзы).

Наиболее многочисленные памятники – стоянки эпохи камня (125 стоянок), целенаправленное изучение которых проводилось под руководством А.Ю. Чиндина. Современное состояние этих памятников – очевидный результат интенсивной ветровой эрозии почвы, разрушительное действие которой наблюдалось сотрудниками экспедиций в разные годы полевых работ. Рекогносцировочные раскопки стоянки Балкимбай-V, расположенной в 5 км южнее пос. Байконур на левом берегу реки, позволили выявить культурный слой мощностью 0,15 м в виде серо-желтого суглинка, содержащего каменные изделия и фрагменты керамики. В раскопе найдено 387 отщепов и пластин без вторичной обработки, 19 пластин и отщепов с ретушью, три фрагмента наконечников стрел, 11 скребков, три нуклеуса, симметричная высокая трапеция, шесть фрагментов грубой неорнаментированной керамики. Предварительно этот материал датируется периодом неолита-энеолита [Чиндин, 1989, с. 234–237].

Памятники эпохи бронзы включают несколько поселений, расположенных на обоих берегах р. Байконур, и фиксируются по жилищным впадинам, поверхностным сборам фрагментов керамики от сосудов, как лепной работы, так и выполненных на гончарном круге. Например, поселение Байконур, которое по подъемному керамическому материалу может быть отнесено к развитой бронзе. Другую группу памятников этого периода представляют могильники (более 30), которые фиксируются на современной поверхности выступающими на высоту до 0,5 м плитами оград, земляным и каменным насыпям курганов. Типичный могильник этой группы Лакпай-IV расположен на левом берегу реки в 300 м к северу от одноименной зимовки. Состоит из двух курганов с каменно-земляными насыпями округлой формы диаметром до 7 м и высотой 0,1–0,2 м и четырех оград подпрямоугольной формы из вкопанных на ребро каменных плит. Раскопки ограды №2 могильника позволили выявить погребальную конструкцию подпрямоугольной формы (близкой к округлой), образованную наклоненными внутрь ограды крупными плитами, вкопанными в желтый материковый суглинок. Очертания могильной ямы округлой формы проявились на

глубине 0,25 м в южной части ограды. На дне могилы (глубиной 0,45 м) зафиксированы следы органических остатков и обнаружены два неорнаментированных сосуда и обломок зуба человека. Заполнение могилы и внутренней части ограды – светло-коричневый однородный суглинок. Поскольку следов кремации погребенного не зафиксировано, предполагается ограбление могилы. Сходные по конструкции неглубокие погребальные ограды саргаринско-бегазинского типа очень часто не содержат останков погребенных [Новоженков, 2002, с. 10].

В ходе разведочных работ были зафиксированы каменные курганы диаметром от 5 до 20 м, высотой от 0,2 до 1,5 м. В некоторых случаях обнаружены отходящие от курганов каменные гряды длиной до 100 м, оканчивающиеся небольшими каменными насыпями. Предварительная датировка этих памятников – эпоха раннего железа [Архив САИ, 1989].

Комплексные работы по исследованию наскальных изображений позволили выявить несколько крупных скоплений петроглифов и ввести в научный оборот огромный пласт изобразительного материала [Новоженков, 2002]. О петроглифах в долине р. Байконур впервые писала геолог Н.С. Воронец, которая в 1914 г. проводила изучение полезных ископаемых Бетпакдалы и почвоведческие исследования в центральных районах Казахстана. В «Русском антропологическом журнале» была опубликована ее статья, где описаны петроглифы Бетпакдалы [Воронец, 1917, с. 57–60]. Эти лаконичные данные о наскальных изображениях региона заинтересовали профессора В.А. Городцова и легли в основу его исследования «Скальные рисунки Тургайской области», опубликованного в 1926 г. По мнению ученого, Центральный Казахстан и, в частности, Бетпакдала выступают как зона интенсивных тысячелетних культурных контактов [Городцов, 1926, с. 37–69].

В настоящее время установлено, что петроглифы Байконура являются памятником с самой высокой концентрацией наскальных изображений в Центральном Казахстане. Летом 2015 г. экспедиционным отрядом КарГУ им. Е.А. Букетова был проведен мониторинг изобразительных памятников долины реки Байконур, обнаружены и задокументированы новые местонахождения петроглифов, которые датируются главным образом эпохой бронзы. Встречаются одиночные изображения, относящиеся к начальным этапам раннего железного века [Бедельбаева и др., 2015].

Еще один изученный памятник изобразительного искусства Бетпакдалы – святилище Теректы Аулие. С 1996 г. полевые работы на петроглифах археологического комплекса Теректы Аулие проводила группа исследователей Института археологии МОН РК под руководством З.С. Самашева и Ж.К. Курманкулова. Проведены раскопки четырех погребальных памятников, находящихся в 200–250 м к юго-востоку от первой группы петроглифов памятника. В целом, на этом комплексе насчитывается около 20 курганов с круглыми каменными насыпями, локализованных плотно друг к другу. Диаметр варьирует от 7–8 до 10–12 м, высота не превышает 0,2–0,5 м. При изучении было выявлено, что надмогильные сооружения представляли собой кольцевые ограды, забутованные мелкими камнями. Глубина могильных ям достигает 1–1,5 м, преимущественная ориентация по линии ЮЮВ–ССЗ. Погребения были ограблены в древности. Инвентарь представлен бронзовыми наконечниками стрел, датируемыми XVI–XIII вв. до н.э., и керамическими сосудами алакульского типа [Самашев и др., 2013, с. 23–25].

Неослабевающий научный интерес к петроглифам, расположенным в Бетпақдале, подтверждает экспедиция, организованная в августе 2013 г. Национальным архивом Республики Казахстан, в составе которой работал д.и.н. А.Н. Марьяшев. Задачи экспедиции, помимо других целей, включали фиксацию петроглифов, расположенных в районе гор Тайаткан-Шунак (Северная Бетпақдала), которые в свое время были обследованы А.Х. Маргуланом [2003]. Общая характеристика наскальных изображений этого памятника свидетельствует о многовековой традиции создания петроглифов в окружающем ландшафте, начиная с периода ранней бронзы и заканчивая этнографическим временем [Марьяшев и др., 2016, с. 183–191].

Несомненный интерес представляют шесть тамг на одной плоскости, зафиксированные в горах Тайаткан-Шунак [Бедельбаева и др., 2015, с. 227]. Подобные собрания знаков различных родов, выполненные одновременно, представляют особую ценность и позволяют синхронизировать с ними единичные изображения тамг, встреченные на других памятниках. Так, в процессе создания систематизированного каталога казахских тамг А.Е. Рогожинский в 2009 г. обследовал надпись на камне Тамгалытас в северо-западной части Бетпақдалы, впервые скопированную толмачом Атбасарского уездного начальника Х. Бекхожиным и военным врачом г. Акмолинска А.И. Кузнецовым в 20-х гг. XX в. А.Е. Рогожинский зафиксировал сильное разрушение песчаника к настоящему времени. Исследователь проанализировал закономерности распространения тамг в целом по Казахстану и сделал вывод о расположении данного памятника на узловом участке традиционных весенне-осенних маршрутов перекочевков и путей сообщения, пролегавших вдоль границы пустынь Мойынкум и Бетпақдала из западной части Сарыарки к горам Каратау и долинам рек Сырдарья и Таласа [Рогожинский, 2011, с. 172–173].

Этими дорогами пользовались вплоть до промышленного освоения Центрального Казахстана. О торговых контактах и караванных путях между долинами рек Сырдарья, Талас, Или и Центральным Казахстаном в эпоху Средневековья писали в разные годы многие казахстанские археологи [Смаилов, 2015; Агеева и др., 1958, с. 3–215; Ахинжанов, 1995; Байпаков, 1998; 2007; Новоженев, 2012; Маргулан, 1997, с. 16–30]. Посредством этих караванных дорог Центральный Казахстан был включен в систему Великого шелкового пути. Культурно-экономические связи между степью и оседло-земледельческими оазисами юга возникли еще в древности. Об этом свидетельствует большой объем древней добычи руды и производство изделий из металла не только для внутреннего пользования, но и для вывоза, что подтверждается существованием здесь в эпоху бронзы поселений ремесленников и металлургов.

Коммуникации населения в различные исторические периоды развились на древнейших тропах кочевников, которые умели ориентироваться в пространстве, отлично знали местность и экологические особенности сурового климата пустыни, используя самые удобные пути через пустыню Бетпақдала. Ранняя эволюция Великого шелкового пути формировалась под влиянием сезонных миграций кочевников, органично существующих в природе. Наиболее известной по средневековым письменным источникам была Сарысуйская дорога, описание которой есть в сочинении Гардизи «Зайн ал-Ахбар». Бассейн нижнего течения реки Сарысу, который предоставлял лучшие зимние стоянки кочевникам западной части Сарыарки, был наиболее удобным для пересечения пустыни Бетпақдала. Вдоль этой дороги располагались многочисленные

поселения и средневековые городища, упоминаемые в источниках и локализованные Ж.Е. Смаиловым (Белен-Ана, Болган-ана, Шот-Кара, Хан-Ордасы, Бес-там, Барак, Милыкудук, Айнаколь, Соркудук, Аяк-камыр, Баскамыр). По этой дороге двигались на Улытау войска эмира Тимура и бухарского хана Абдаллаха. Как полагает Ж.Е. Смаилов, «...эти степные дороги служили, видимо, в первую очередь как пути сообщения, по которым перемещались войска, гонцы, посольства и т.д. И только потом как торговые пути. На этих дорогах в XIII–XIV вв., по сведениям Рубрука, имелась отлаженная ямская служба» [Смаилов, 2015, с. 42–43].

Дополнительные сведения о караванных путях были получены в результате современных историко-этнографических исследований Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия номадов (КНИИПКН). Это Уванасский и Жетыкконурский пути через Бетпақдалу, следовавшие вдоль древних кочевых путей, о чем писал еще А.Х. Маргулан, неоднократно пересекавший по ним пустыню. Был локализован известный по ряду средневековых письменных источников колодец Уванас, который впервые упомянут А.И. Левшиным при описании караванного пути из Ямышевской крепости в Ташкент через Кентские горы и Каркаралы, реки Нуру и Сарысу, пустыню Бетпақдала, р. Чу и горы Каратау, давший название одному из древних меридиональных караванных путей через Бетпақдалу. Он расположен в Созакском районе Южно-Казахстанской области, в 80 км к северу от села Жуантобе, в восточной части некрополя Уванас. Были изучены детали топографии и гидрографии одной из самых сложных и дальних дорог – Каркаралинской, соединявшей Ташкент и Туркестан с Восточной Сарыаркой, через северные склоны Каратау и Бетпақдалу. Детально локализована и трасса известной с XVIII в. караванной дороги Хан Жолы, которая проходила от северных предгорий Тянь-Шаня к летним ханским кочевьям Абылая в предгорьях Кокшетау, пересекая в меридиональном направлении Бетпақдалу и всю Сарыарку [Историко-культурный..., 2017].

Результатом многолетних исследований Л. Ермоленко и Ж. Курманкулова, отражающим пласт культуры древних и средневековых кочевников степей Евразии, стала монография о каменных изваяниях Сарыарки. В Северной Бетпақдале (Атасу) обнаружены и документированы изваяния, которые создавались местным кочевым населением в эпоху бронзы, в раннем железном веке и в Средневековье. Проведены раскопки кыпчакских «святых мест» со средневековыми изваяниями (Атасу, Мыржык, Жинишке). Найденные в Северной Бетпақдале изваяния обычно воспроизводят человеческую фигуру без ног или только голову человека. Анализ иконографических особенностей (положение рук, набор предметов, передача деталей лица и т.п.) позволил авторам выявить ценную информацию о социальной структуре, быте и мировоззрении обществ, оставивших эти памятники. Зафиксированы и введены в научный оборот десятки изваяний, расположенных на памятниках Северной Бетпақдалы и сопредельных регионов [Курманкулов и др., 2014].

В 2010 г. отрядом КНИИПКН была проведена археологическая разведка памятников северо-западной части Бетпақдалы в районе рек Карасуыр и Буланты. Выполнены археологические исследования в местности Калмаккырган, обнаружено около 80 погребальных сооружений, среди которых есть большие курганы, отнесенные к памятникам сакской эпохи, курганные группы эпохи средневековья, курган «с усами», а также местонахождение петроглифов в среднем течении р. Карасирек, где зафиксиро-

ровано несколько плит с изображениями животных. В 2011 г. в районе сопки Карасуыр раскопано пять курганов, составляющих часть некрополя из 20 погребальных сооружений. Погребальный комплекс датируется концом XIII – началом XIV в., исходя из данных радиоуглеродного анализа, выполненного в университете Аризоны [Усманова и др., 2015, с. 515–528].

В 2015 г. были начаты новые исследования в Северной Бетпакдале (руководитель работ А.З. Бейсенов). Согласно намеченным планам, в задачу этих исследований входят полное обследование района, доисследование, а также новые раскопки значимых объектов, рекультивация ранее изученных объектов и другие меры по обеспечению их сохранности [Бейсенов, 2015а, с. 40–47; 2015б, с. 111–122; Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014; Бейсенов, Дуйсенбай, Ахияров, 2015, с. 28–31]. В рамках этих изысканий в Северной Бетпакдале в 2016 г. были возобновлены раскопки поселения Мыржык, входящего в группу опорных памятников Атасуского археологического микрорайона. Был заложен новый раскоп площадью 117 кв. м, который показал наличие двух строительных горизонтов. Стратиграфические наблюдения, проведенные в 50-х гг. XX в. в ходе исследования раскопов №1–4, позволили сделать заключение о двух строительных горизонтах: раннем, в котором зафиксированы прямоугольные помещения, и позднем, где преобладают круглые в плане помещения. Новые исследования подтвердили эти данные. Основной культурный слой представлен нижним горизонтом – это слой саргаринской керамики. В отношении верхнего горизонта остается пока много неясного: он может оказаться связанным вторым этапом заселения самих «саргаринцев», может быть связанным с более поздним населением, хотя убедительных артефактов в пользу второго (донгальское, раннесакское население?) пока нет. На площади раскопа найдено свыше 900 фрагментов керамики преимущественно валикового типа, многочисленные каменные артефакты, среди которых выделены 59 лоцил, около 80 ударных орудий, 15 пестов, большинство которых имеют четкие следы сработанности, 14 проколов, а также терочные плиты, скребла и др. Среди костяных орудий имеются шпатели, лоцила, проколки, орнаментир. Найдены куски руды и шлака, небольшие медные слитки [Бейсенов, Ермолева, 2016, с. 75–83]. Ранее считалось, что население Мыржыка занималось преимущественно скотоводством, на что указывают многочисленные орудия труда, специализированные на обработку продукции животноводческого хозяйства. Новые материалы позволяют скорректировать это положение: найденные артефакты свидетельствуют о наличии металлургической отрасли в сфере производства населения. Продолжение раскопок на поселении Мыржык, что намечено на ближайшие годы (уже начаты раскопочные работы 2017 г.), предоставят, надо полагать, новые данные и прольют свет на неизвестные стороны памятника.

Параллельно выполняется работа по обработке и публикации ранее полученных материалов, в частности, керамологом к.и.н. В.Г. Ломаном был проведен технико-технологический анализ одной выборки из старой коллекции керамики поселений Атасу и Мыржык [Бейсенов, Ломан, 2017, с. 221–225]. Можно отметить раскопки погребального памятника сакского времени в черте Северной Бетпакдалы – кургана №3 могильника Мыржык-VI. Это было воинское погребение тасмолинской культуры. Умерший захоронен с поясом с бронзовыми обоймами, на который были подвешены бронзовый кинжал, железный нож и каменный кайрак [Бейсенов, Дуйсенбай,

2017]. Также произведены раскопки двух комплексов с каменными грядами («уса-ми») – кургана Кабантау и кургана Атасу. Оба памятника датированы гуннским временем (материал готовится к печати).

Бетпакдала – слишком большой регион. Он археологически еще не пройден. Некоторый обзор археологических данных и материалов других дисциплин, имеющих определенный интерес для археологии, показывает, что памятники этого обширного маловодного и пустынного пространства пока предстают отдельными «кустами», хотя и довольно большими по площади. Анализ полученных данных и обобщенная характеристика позволяют представить историко-культурный контекст, в котором складывалось заселение Бетпакдалы древними племенами на разных этапах истории. Выявленные памятники представлены широким хронологическим диапазоном: от палеолита, эпохи бронзы и раннего железного века до периода позднего Средневековья.

На западе уже довольно отчетливо «вырисовывается» район р. Байконур. На значительной по площади Северной Бетпакдале известны крупные и яркие памятники эпохи бронзы. Особую зону Северной Бетпакдалы образуют увалистые степи с каменистыми поднятиями Тайаткан-Шунака в центре, где известны Беласар, Ельшибек. Западнее от этих мест лежит собственно «Атасу», иначе, Атасуский археологический микрорайон – сердце Северной Бетпакдалы. В настоящее время в Северной Бетпакдале, и то главным образом в районе «опорных памятников Атасу», вновь осмотрено и взято на учет около 100 археологических местонахождений. Помимо многочисленных памятников эпохи бронзы, здесь зафиксированы курганы раннего железного века, комплексы с каменными грядами, памятники Средневековья, а также особую категорию составляют казахские мазары и остатки зимовок. Неисследованными остаются обширные безводные и значительно более сглаженные районы глубинной Бетпакдалы, составляющие южную полосу ее географического контура. Таким образом, имеющиеся данные позволяют заключить, что археологический материал более четко обрисовывает районы в северной части Бетпакдалы, переходящие в черту Казахского мелкосопочника, что, видимо, связано с природно-географическими особенностями этой территории. Ряд отдельных положений в характеристике Бетпакдалы требуют специального изложения, что выходит за рамки данной статьи.

Библиографический список

- Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов южного Казахстана // Труды ИИАиЭ АН КазССР. Т. 5: Археология. 1958. С. 3–215.
- Акишев А.К. Находки неолита в Западной Бетпак-Дале // Вестник АН КазССР. Сер. общ. наук. 1976. №2. С. 54–60.
- Архив А.И. Шренка // Архив РАН. Ф. 317. Оп. 1. Д. 1–54. 1840–1843.
- Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1960. 450 с.
- Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы : Гылым, 1995. 296 с.
- Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы : Гылым, 1998. 215 с.
- Байпаков К.М. Великий Шелковый путь (на территории Казахстана). Алматы : Адамар, 2007. 496 с.
- Бедельбаева М.В., Новоженев В.А., Новоженева Н.В. Изобразительные памятники Казахского мелкосопочника. Караганда : САИ, 2015. 252 с.
- Бейсенов А.З. Организация и ранний этап исследований Центрально-Казахстанской археологической экспедиции // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Монголия, Казахстан, Китай). Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2015а. С. 40–47.

- Бейсенов А.З. Памятники верховьев реки Атасу в Центральном Казахстане // Вестник Томского государственного университета. 2015б. №3 (35). С. 111–122.
- Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2014. 192 с.
- Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б. Воинское погребение тасмолинской культуры на реке Атасу // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2017. С. 18–25.
- Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К. Исследования в Северной Бетпакдале // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 28–31.
- Бейсенов А.З., Ермолаева А.С. Атасуский микрорайон: новые исследования на поселении Мыржык // Актуальные проблемы археологии Евразии. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2016. С. 75–83.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Новые исследования керамики поселений Атасу и Мыржык // Известия Алтайского государственного университета. 2017. №2. С. 221–225.
- Берденов С.А. Казахстанская горно-металлургическая область // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. М. ; Алматы : Гылым, 1998. С. 180–190.
- Волошин В.С. Проблема первоначального освоения человеком Сары-Арки // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана : Kultegin, 2003. С. 28–32.
- Волошин В.С. Новые памятники палеолита с галечным инвентарем в бассейне реки Сарысу // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Т. I. Алматы : Kultegin, 2011. С. 157–163.
- Воронец Н. С. Изображения на скалах, найденные на границе Тургайской и Сырдарьинской областей, на реке Лакбай // Русский антропологический журнал. 1916/1917. Кн. 39–40, №3–4. С. 57–60.
- Городцов В.А. Скальные рисунки Тургайской области // Труды ГИМ. Вып. 1. М. : [б.и.], 1926. С. 37–69.
- Историко-культурный атлас казахского народа. Алматы : Print-S, 2011. 300 с., илл.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам северной Бетпак-Далы). Алма-Ата : Гылым, 1992. 247 с.
- Клапчук М.Н. Галечные орудия местонахождения Музбель-I-II в Центральном Казахстане // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1970. С. 217–240.
- Клапчук М.Н. Позднеашельское местонахождение Жаман-Айбат в Центральном Казахстане // Советская археология. 1976. №3. С. 176–190.
- Курманкулов Ж., Ермоленко Л. Древности Сарыарки: каменные изваяния. Караганда : CredosLtdC, 2014. 168 с.
- Кызласов Л.Р. Сарыбулакская писаница в Бетпакдала // КСИИМК. 1950. Вып. 35. С. 139–143.
- Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы : Санат, 1996. 653 с.
- Маргулан А.Х. К изучению памятников района р. Сары-Су и Улутау // Вестник АН Казахской ССР. 1948. №2 (35). С. 53–60.
- Маргулан А.Х. Историко-топографический фон Восточной Бетпак-Далы // Вестник АН Казахской ССР. 1950а. №6 (63). С. 61–72.
- Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата : Изд. АН КазССР, 1950б. 122 с.
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1979. 336 с., илл.
- Маргулан А.Х. Древние караванные пути через пустыню Бетпак-Дала // Мир казаха. Алматы : Институт развития Казахстана, 1997. С. 16–30.
- Маргулан А.Х. Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Каменные изваяния Улытау. Т. 3–4. Алматы : Дайк-Пресс, 2003. 246 с.
- Марьяшев А.Н., Гумирова О.Н. Новые петроглифы в горах Шунак // Актуальные проблемы археологии Евразии. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2016. С. 183–191.

Новожинов В.А. Петроглифы Сары-Арки. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана НАН РК, 2002. 125 с.

Новожинов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М. : Таус, 2012. 500 с.

Отчет об археологических исследованиях отряда Карагандинского университета в 1989 г. // Архив САИ. Караганда : КарГУ, 1989.

Полное географическое описание нашего Отечества / под ред. В.П. Семенова. Т. XVIII. СПб. : издание А.Ф. Девриена, 1903. 487 с.

Путевые дневники и служебные заметки о поездках по южным казахским степям. XVIII–XIX вв. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. VI. Алматы : Дайк-Пресс, 2007. С. 153–178.

Рогожинский А.Е. Петроглифы и эпиграфика // Историко-культурный атлас казахского народа. Алматы : Print-S, 2011. С. 170–180.

Самашев З., Байтлеу Д., Курманкулов Ж. Петроглифы Теректы Аулие. Астана : филиал Ин-та археологии МОН РК, 2013. 240 с.

Сагпаев К.И. Некоторые археологические данные в пределах Джезказганского района // Архив ИИАЭ АН. №С–100–Б. 1946.

Севастьянов Д.Б. Некоторые данные о древностях Атбасарского уезда по наблюдениям 1910 г. От Атбасара до Улытау // Отчет ЗСОПГО за 1911 г. 1912. С. 19–20.

Селевин В.А. Введение в естественно-историческое изучение Бетпак-Дала // Труды САГУ. Сер. XIIa: География. Вып. 12. Ташкент : Изд-во САГУ, 1935. С. 1–50.

Сейфуллин С. Тар жол, тайгак кешу (Тернистый путь). Алматы : Жазушы, 1977. 387 с. (на каз. яз.).

Смаилов Ж.Е. Памятники археологии западной Сарыарки (Средневековые городища и поселения). Караганда : Tengri ltd, 2015. 142 с.

Стасевич А.Н. Район между реками Сары-су и Коном в Акмолинском уезде. Предварительный отчет переселенческого управления за 1908 г. 1909.

Степанов П.В. Бетпак-Дала и степи, к ней прилегающие // Юбилейный сборник ЗСОПГО. 1902.

Усманова Э.Р., Дрёмов И.И., Панюшкина И.П. Погребения монгол-буддистов конца XIII – начала XIV вв. из Центрального Казахстана // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Т. 2. Хоххот (Китай), 2015. С. 515–528.

Ханьков Я.В. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. // Вестник РГО. СПб., 1851. Ч. 1. Кн. 1. Отд. IV. С. 1–56.

Чиндин А.Ю. Археологические исследования на территории Карагандинской и Джезказганской областей // Маргулановские чтения. Алма-Ата : ИИАиЭ АН КазССР, 1989. С. 234–237.

Шмидт Ю.А. Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской области // ЗСОПГО. 1894. Кн. XVII. Вып. 1–2. Отд. VI. С. 1–149.

References

Ageeva E.I., Pacevich G.I. Iz istorii osedlyx poseleniy i gorodov yujnogo Kazachstana [From the History of the Settlements and Cities of South Kazakhstan]. Trudy IIAiY AN KazSSR. 1958. T. 5. Arheologiya. Pp. 3–215.

Akishev A.K. Nahodki neolita v Zapadnoy Betpak-Dale [Neolithic Findings in West Betpak-Daly]. Vestnik AN KazSSR [Bulletin of AS KazSSR]. Ser. obshch. nauk. 1976, №2. Pp. 54 – 60.

Arheologicheskaya karta Kazahstana [Archaeological Map of Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka, 1960. 450 p.

Arhiv A.I. Shrenka [A.I. Schrenc's Archive]. Arhiv RAN [Archive of RAS]. F. 317, op. 1, d. 1–54. 1840–1843.

Ahinjanov S. M. Kipchaki v istorii srednevekovogo Kazahstana [Kypchaks in the History of Medieval Kazakhstan]. Almaty : Gylym, 1995. 296 p.

Baypakov K.M. Srednevekovye goroda Kazahstana na Velikom chelkovom puti [Medieval Cities of Kazakhstan on the Great Silk Road]. Almaty : Gylym, 1998. 215 p.

Baypakov K.M. Velikiy cholkovyi put (na territorii Kazahstana) [Great Silk Road (on the Territory of Kazakhstan)]. Almaty : Adamar, 2007. 496 p.

Bedelbaeva M.V., Novozhenov V.A., Novozhenova N.V. Izobrazitelnye pamyatniki Kazahskogo melkosopochnika [Figurative Monuments of Kazakh'steppe]. Karaganda : Saryarka Archaeological institute, 2015. 252 p.

Berdenov S.A. Kazahstanskaya gorno-metallurgicheskaya oblast [Kazakhstan Mining and Metallurgical Region]. Voprosy arheologii Kazahstana [Questions of Archaeology of Kazakhstan]. M. ; Almaty : Gylym, 1998. Vyp. 2. Pp. 180–190.

Beisenov A.Z. Organizatsiya i ranniy etap issledovaniy Centralno-Kazahstanskoy arheologicheskoy ekspeditsii [Organization and the Early Stage of the Research of Central Kazakhstan Archaeological Expedition]. Istoriya i kultura narodov Yugo-Zapadnoy Sibiri i sopredelnykh regionov (Mongoliya, Kazahstan, Kitay) [History and Culture of the Peoples of Southwest Siberia and Adjacent Regions (Mongolia, Kazakhstan, China)]. Gorno-Altaysk : GASU, 2015a. Pp. 40–47.

Beisenov A.Z. Pamyatniki verkhov'evy reki Atasu v Centralnom Kazahstane [Monuments of the Upper Reaches of the Atasu River in Central Kazakhstan]. Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Bulletin of Tomsk State University]. 2015b. №3 (35). Pp. 111–122.

Beisenov A.Z., Varfolomeyev V.V., Kassenalin A.Y. Pamyatniki begazy-dandybayevskoy kultury Centralnogo Kazahstana [Begazy-Dandybay Monuments in Central Kazakhstan]. Almaty : IA, 2014. 192 p.

Beisenov A.Z., Duysenbay D.B. Voinskoye pogrebeniye tasmolinskoy kul'tury na reke Atasu [Military Burial of Tasmolinskaya Culture on the River Atasu]. Istoriya i kul'tura narodov Yugo-Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh regionov (Kazahstan, Mongoliya, Kitay) [History and Culture of the People of Southwest Siberia and Adjacent Regions (Kazakhstan, Mongolia, China)]. Gorno-Altaysk : GASU, 2017. Pp. 18–25.

Beisenov A.Z., Duysenbay D.B., Akhiyarov I.K. Issledovaniya v Severnoy Betpakdale [Research Work in North Betpakdala]. Arheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Archaeology of Western Siberia and Altai: the Experience of Interdisciplinary Research]. Barnaul : Altayskiy Gosudarstvennyi Universitet [Altai State University], 2015. Pp. 28–31.

Beisenov A.Z., Ermolaeva A.S. Atasukiy mikrorayon: novyye issledovaniya na poselenii Myrzhyk [Atasu Archaeological Site: New Research Work on the Settlement Myrjyk]. Aktualnyye problemy arheologii Yevrazii [Actual Problems of Eurasian Archaeology]. Almaty, 2016. Pp. 75–83.

Beysenov A.Z., Loman V.G. Novyye issledovaniya keramiki poseleniy Atasu i Myrzhyk [New Research on the Ceramics of the Atasu and Myrzhyk Settlements]. Izvestiya Altayskogo Gosudarstvennogo Universiteta [News of Altai State University]. 2017. №2. Pp. 221–225.

Voloshin V.S. Problema pervonachalnogo osvoeniya chelovekom Sary-Arki [Problems of the Initial Sary-Arka Development by the Humans] Stepnaya tsivilizatsiya Vostochnoi Evrazii [Steppe Civilization of Eurasia]. T. 1. Drevnie epohi. Astana : Kultegin, 2003. Pp. 28–32.

Voloshin V.S. Novyye pamyatniki paleolita s galechnym inventarem v bassejne v reki Sarysu [New Paleolithic Monuments with Pebble Equipment in the Basin of the River Sarysu]. Arheologiya Kazahstana v epohu Nezavisimosti: itogi i perspektivy [Archaeology of Kazakhstan in the Era of Independence: Results and Prospects]. T. I. Almaty : Kultegin, 2011. Pp. 157–163.

Voronets N. S. Izobrazheniye na skalax, naydennyye na granice Turgayskoy i Syrdarinskoy oblastey, na reke Lakbai [Images on the Rocks Found on the Border of the Turgai and Syrdarya Regions, on the Lakbai River]. Russkiy antropologicheskii zhurnal [Russian Anthropological Journal]. 1916/1917. Kn. 39–40, №3–4. Pp. 57–60.

Gern V.N. Poyezdka po reke Chu k eye ustyu cherez pustynyu Betpak-Dala v sentyabre 1883 g. [The Trip Along the Chu River to its Mouth Through the Betpak-Dala Desert in September 1883]. ZS-ORGO [WSDRGS]. Kn. X. 1884.

Gorodcov V.A. Skalnye risunki Turgaiskoi oblasti [Rock Drawings of the Turgai Region]. Trudy GIM [Works of the State Historical Museum]. Vyp. 1. M. : Nauka. 1926. Pp. 37–69.

Istoriko-kulturnyi atlas kazahskogo naroda [Historical and Cultural Atlas of the Kazakh People]. Almaty : Print-S, 2011. 300 p., ill.

Kadyrbayev M.K., Kurmankulov Zh. Kultura drevnih skotovodov i metallurgov Sary-Arki [The Culture of Ancient Cattlemen and Metallurgists of Saryarka]. Alma-Ata : Gylym, 1992. 247 p.

Klapchik M.N. Galechnye orudiya mestonahojdeniya Muzbel I–II v Centralnom Kazahstane [Pebble Implements of the Site Muzbel I–II in Central Kazakhstan]. Po sledam drevnix kultur Kazahstana [In the Footsteps of the Ancient Cultures of Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka, 1970. Pp. 217–240.

Klapchik M.N. Pozdneashelskoe mestonahojdenie Jaman-Aybat v Centralnom Kazahstane [Late-Acheulian Site of Zhaman-Aibat in Central Kazakhstan]. SA [Soviet Archaeology]. 1976. №3. Pp. 176–190.

Kurmankulov Zh., Ermolenko L. Drevnosti Saryarki: srednevekovye kamennye izvayaniya [Saryarka Antiquities: Stone Statues]. Karaganda : Credos Ltd C, 2014. 168 p.

Kyzlasov L.R. Sarybulakskaya pisanica v Betpakdala [Sarybulak Petroglyphs in Betpakdala]. KSIIMK, 1950. Vyp. 35. Pp. 139–143.

Levchin A.I. Opisanie kirgiz–kazachih ili kirgiz-kajsatckih ord i stepej [Description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaisak Hordes and Steppes]. Almaty : Sanat, 1996. 653 p.

Margulan A.Kh. K izucheniyu pamyatnikov rayonya r. Sary-Su i Ulutau [The Studies of the Monuments of the Area of the River Sary-Su and Ulutau]. Vestnik AN Kazahskoy SSR [Bulletin of the AS KazSSR]. 1948. №2 (35). Pp. 53–60.

Margulan A.Kh. Istoriko-topograficheskiy fon Vostochnoi Betpak-Daly [Historical and Topographical Background of East Betpak-Dala]. Vestnik AN Kazahskoy SSR [Bulletin of the AS KazSSR]. 1950a. №6 (63). Pp. 61–72.

Margulan A.Kh. Iz istorii gorodov i stroitel'nogo iskusstva drevnego Kazahstana [From the History of the Cities and Architecture of ancient Kazakhstan]. Alma-Ata : Izd KazSSR, 1950b. 122 p.

Margulan A.Kh. Begazyi-dandyibaevskaya kultura Centralnogo Kazahstana [Begazy-Dandybai culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka, 1979. 335 p., app.

Margulan A.Kh. Drevnie karavannye puti cherez pustynyu Betpak-Dala [Ancient Caravan Routes through the Betpak-Dala Desert]. Mir kazaha [World of the Kazakh]. Almaty : Institut razvitiya Kazahstana, 1997. Pp. 16–30.

Margulan A.Kh. Petroglify Saryarki. Gravyury s izobrazheniem volchego totema. Kamennye izvayaniya Ulytau [Petroglyphs of Saryarka. Engravings Depicting a Wolf Totem. Stone Statues of Ulytau]. T. 3–4. Almaty : Dayk-Press, 2003.

Maryachev A.N., Gumirova O.N. Novye petroglifv v gorah Chunak [New Petroglyphs in the Shunak Mountains]. Aktualnye problemy arheologii Evrazii [Actual Problems of Eurasian Archaeology]. Almaty : IA, 2016. Pp. 183–191.

Novozhenov V.A. Petroglify Saryarki [The Petroglyphs of Saryarka]. Almaty : IA NAS, 2002. 125 p.
Novojenov V.A. Chudo kommunikacii i drevneyshiy kolesnyy transport Evrazii [Miracle of Communication and the Oldest Wheeled Transport of Eurasia]. M. : Taus, 2012. 500 p.

Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh otryada Karagandinskogo universiteta v 1989 g. [Report on Archaeological Research of the Karaganda University Detachment in 1989]. Arhiv SAI [Archive of SAI]. Karaganda, 1989.

Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva [Full Geographical Description of Our Motherland]. pod red [Ed.]. V.P. Semenova. T. XVIII. SPb.: izdanie A.F. Devriena, 1903. 487 p.

Putevye dnevniki i sluzhebnye zametki o poyezdkach po yuzhnykh kazahskim stepyam. XVIII–XIX vv. [Travel Diaries and Service Notes about Trips to the South Kazakh Steppes]. Istoriya Kazahstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vv. [History of Kazakhstan in Russian Sources in the 16th–20th centuries]. T. VI. Almaty : Dayk-Press, 2007. Pp. 153–178.

Rogozhinskiy A.E. Petroglify i ehpigrafika [Petroglyphs and Epigraphics] Istoriko-kulturnyi atlas kazahskogo naroda [Historical and Cultural Atlas of the Kazakh People]. Almaty : Print-S, 2011. Pp. 170–180.

Samashev Z., Baytiley D., Kurmankulov Zh. Petroglify Terekty Aulie [The Petroglyphs of Terekty Aulie]. Astana : Filial Instituta Arheologii [Branch of the Institute of Archaeology], 2013. 240 p.

Satpaev K.I. Nekotoroe arheologicheskoe dannye v predelakh Dzhelkazganskogo rayona [Some Archaeological Data within the Dzhelkazgan District]. Arhiv IIAiF AN [Archive of IIAiE AS]. №S–100–B. 1946.

Sevastyanov D.B. Nekotorye dannye o drevnostyakh Atbasarskogo yezda po nabludeniyam 1910 g. Ot Atbasara do Ulytau [Some Data on the Antiquities of the Atbasar County from the Observations of 1910. From Atbasar to Ulytau]. 1912. Pp. 19–20.

Seifulin S. Tar jol, taygak kehu (Ternistyj put) [Thorny way]. Almaty : Jazuhə, 1977. 387 p. (na kaz. yaz.).

Selevin V.A. Vvedenie v estestvenno-istoricheskoe izuchenie Betpak-Daly [Introduction into the Natural-Historical Studies of Betpak-Dala]. Trudy SAGU, ser. XIIa, Geografiya. Vyp. 12. Tashkent : SAGU, 1935. Pp. 1–50.

Smailov J.E. Pamyatniki arkheologii zapadnoy Saryarki (Srednevekovye gorodishcha i poseleniya) [Archaeologica Monuments of West Saryarka (Medieval Cities and Settlements)]. Karaganda : Tengri ltd, 2015. 142 p.

Stasevich A.N. Raion mezhdru rekami Sary-su i Konom v Akmolinskom uezde [The Area between the Rivers of Sary-su and Kon in the Akmola District]. 1909.

Stepanov P.V. Betpak-Dala i stepi k ney prilegayuehchie [Betpak-Dala and the Steppes Adjoining to it]. Yubileynny sbornik ZSORGO [Jubilee Collection of WSDRGS]. 1902.

Usmanova E.R., Dremov I.I., Panyushkina I.P. Pogrebeniya mongol-buddistov konca XIII – nachala XIV vv. Iz Centralnogo Kazahstana [Burials of Mongolian Buddhists at the End of the 13th – early 14th Centuries from Central Kazakhstan]. Drevnekitayskaya kultura Severnaya Mongoliya i Baykal Sibiri [Ancient Cultures of the Northern Area of China, Mongolia and Baikalian Siberia]. T. 2. Khukh-Khoto (Kitay), 2015. Pp. 515–528.

Hanykov Ya.V. Poezdka Pospelova i Burnasheva v Tashkent v 1800 g. [Pospelov and Burnashev's Trip to Tashkent in 1800]. Vestnik RGO [Bulletin of RGS]. SPb., 1851. Ch. 1. Kn. 1. Otd. IV. Pp. 1–56.

Chindin A.Yu. Arheologicheskie issledovaniya na territorii Karagandinskoj i Dzhelkzagskanskoi oblasti [Archaeological Research in the Territory of Karaganda and Dzhezkazgan Regions]. Margulanovskie chteniya [Margulanov Readings]. Alma-Ata : IIAiE, 1989. Pp. 234–237.

Shmidt Yy.A. Ocherk kirgizskoj stepi k yugu ot Aralo-Irtyshskogo vodorazdela v Akmolinskoj oblasti [Outline of the Kirghiz Steppe to the South of the Aral-Irtysh Watershed in the Akmola Region]. ZZSORGO [SWSDRGS]. 1894. Kn. XVII. Vyp. 1–2. Otd. VI. Pp. 1–149.

A.Z. Beisenov, M.V. Bedelbaeva
FROM THE HISTORY OF THE STUDIES
OF BETPAKDALA MONUMENTS

The article presents some generalizations based on the results of the historical and archaeological research of Betpakdala, the desert region of Kazakhstan which is insufficiently explored. All the written sources of the 20th century were briefly analyzed, including the little-known archival documents of A.I. Shrenk. The authors consider the history of archaeological studies of the monuments in the region, and also introduce the results of their own research. The biggest number of archaeological sites is found mainly in the north strip of Betpakdala. In the west part is the area of the river Baikonyr where a large cluster of petroglyphs and other monuments was opened. In North Betpakdal the research work on the monuments of the Atasu River basin has now been resumed.

Key words: Betpakdala, archive, caravan passage, archaeology of paleolith, neolith, epoch of Paleometal.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКК – Археологическая карта Казахстана.
АН – Академия наук.
БГУ – Бурятский государственный университет.
БНЦ – Бурятский научный центр.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАТО – Государственный архив Томской области.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ДВО – Дальневосточное отделение.
ЗСОРГО – Западно-Сибирский отдел Русского географического общества.
ИА КН МОН РК – Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан.
ИАиЭт – Институт археологии и этнографии.
ИГУ – Иркутский государственный университет.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
КН МОН – Комитет науки Министерства образования и науки.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственно-
го университета.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
ННГУ – Нижегородский государственный университет.
ПГПУ – Пензенский государственный педагогический университет.
РАН – Российская академия наук.
РК – Республика Казахстан.
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.
РТ – Республика Татарстан.
САИ при КарГУ – Сарыаркинский археологический институт при Карагандин-
ском государственном университете.
СНГ – Содружество Независимых Государств.
СО – Сибирское отделение.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
США – Соединенные штаты Америки.
СЭ – Советская этнография.
ТАТО – Государственный архив Томской области.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акматов Кунболот Токтосунович, инженер Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета; 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1; kunbolot@mail.ru

Бейсенов Арман Зияденович, кандидат исторических наук, заведующий Отделом первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК; 050010, Республика Казахстан, Алматы, пр. Достык, 44; azbeisenov@mail.ru

Бедельбаева Марина Васильевна, кандидат исторических наук, заведующая Музеем археологии и этнографии Сарыаркинского археологического института при Карагандинском государственном университете им. академика Е.А. Букетова; 100028, Республика Казахстан, Караганда, ул. Университетская, 28; bmv_1967@mail.ru

Бобров Леонид Александрович, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета; 630079, Новосибирск, ул. Вертковская, 38, кв. 90; spsml@mail.ru

Гавриленко Людмила Степановна, заведующая лабораторией физико-химических исследований материалов Отдела научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа; 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34; lsewa1@hermitage.ru

Горбунов Вадим Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; gorbunov@hist.asu.ru

Илюшин Борис Анатольевич, лаборант-исследователь Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета; 603034, Нижний Новгород, ул. Снежная, д. 4, кв. 62; arunta-desert@yandex.ru

Марсадоллов Леонид Сергеевич, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа; 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34; marsadolov@hermitage.ru

Медведев Виталий Егорович, доктор исторических наук, заведующий сектором неолита Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр-т ак. Лаврентьева, 17; medvedev@archaeology.nsc.ru

Миколайчук Елена Анатольевна, старший научный сотрудник лаборатории технико-технологических исследований Отдела научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа; 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34; mikolaychuk@hermitage.ru

Мясников Вадим Юрьевич, кандидат исторических наук, консультант Комитета по международным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия; 670000, Россия, Республика Бурятия, Улан-Удэ, ул. Ленина, д. 54, каб. 221; myasnikov79@mail.ru

Ожередов Юрий Иванович, кандидат исторических наук, ученый секретарь Музея истории Томска; 634009, Томск, ул. Бакунина, 3; nohoister@gmail.com

Панкова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа; 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34; spankova@gmail.com

Пастухов Алексей Михайлович, сотрудник ООО «КТ», директор WEB-сайта www.altai.ca.nm.ru, эксперт Министерства культуры Российской Федерации по предметам и коллекциям холодного и огнестрельного оружия XV–XX вв. (г. Москва); chinese warfare@inbox.ru

Сальников Алексей Викторович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой общегуманитарных и естественных дисциплин образовательного частного учреждения высшего образования «Армавирский социально-психологический институт»; 352900, Армавир, ул. Комсомольская, 127, каб. 9; alexkat_salnikov@mail.ru

Табалдиев Кубатбек Шакиевич, кандидат исторических наук, профессор отделения истории Кыргызско-Турецкого университета Манас; 720044, Бишкек, Кыргызская Республика, пр. Тынчтык, 56; tabaldievk@yahoo.com

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, главный научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Россия, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; tishkin210@mail.ru

Филатова Инга Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр-т ак. Лаврентьева, 17; доцент кафедры истории и юриспруденции Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета; 681000, Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17, корпус 2; inga-ph@mail.ru

Ярославцева Лариса Геннадьевна, старший научный сотрудник, хранитель фондов группы хранения «Археология» Государственного автономного учреждения культуры Республики Бурятия «Национальный музей Республики Бурятия»; 670017, Россия, Республика Бурятия, Улан-Удэ, ул. Профсоюзная, 29; lgyar@mail.ru

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№3 (19) • 2017

Редактор, корректор: Е.Б. Семьянова
Перевод и редактирование текстов на английском языке, References: Е.А. Воронцова
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Журнал распространяется по подписке ФГУП «Почта России»
Подписной индекс П4317

Подписано в печать 24.08.2017. Печать офсетная
Бумага офсетная. Формат 70x100/16. Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 15,0. Тираж 500 экз. Заказ №207

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66